

У ИСТОКОВ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ (1918–1950)

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHEOLOGY

AT THE ORIGINS OF THE SOVIET
ARCHAEOLOGICAL SCHOOLS
(1918–1950)

MATERIALS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCE
April 4–6, 2023

Moscow, 2023

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

У ИСТОКОВ СОВЕТСКИХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ
(1918–1950)

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
4–6 апреля 2023 г.

Москва, 2023

УДК 902/903
ББК 63.4
У11

Работа выполнена в рамках НИОКТР 122011200264-9
«Междисциплинарный подход в изучении становления
и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:
к.и.н. И.А. Сорокина

Рецензенты:
д.и.н. Ш.Н. Амиров
д.и.н. Ю.Б. Цетлин

У истоков советских археологических школ (1918–1950). Материалы
У11 Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Инсти-
тут археологии РАН, 2023. – 88 с.

ISBN 978-5-94375-400-5

Настоящее издание представляет собой сборник материалов, подготовленных к Международной научной конференции «У истоков советских археологических школ (1918–1950)», состоявшейся в Москве, 4–6 апреля 2023 г. В статьях представлены материалы, отражающие процесс формирования школ в научных исследованиях и полевой археологии с раннесоветского времени до первого десятилетия послевоенного периода, а также деятельность центральных и провинциальных институций и исследователей (включая дореволюционных) в этом направлении.

Сборник представляет интерес для археологов, историков, краеведов и для всех, кто интересуется историей отечественной науки.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-400-5

DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-400-5

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2023
© Авторы докладов (фамилии выделены
в содержании), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Алкин С.В. Исследования русских и советских археологов в российском и китайском Приамурье в 1930–1940-х годах	9
Бессуднов А.Н. Становление новой методики раскопок палеолитических стоянок в 20–30-е годы XX века (по материалам Среднего и Верхнего Дона)	12
Вайтович А.В. Развитие археологической мысли в БССР в межвоенное время	14
Вдовин А.С., Макаров Н.П. Попытка формирования археологической школы в Красноярске (1920-е годы)	16
Галкин Т.О. «Из блокнота археолога»: работы Н.Н. Воронина в Ивановской промышленной области в 1930-е годы (по материалам местной прессы)	18
Детлова Е.В. Из истории российско-германского диалога в области археологии в до- и послевоенный период	20
Жукова Е.Н. Археология Калининской (Тверской) области в 1930–1950-х: попытка формирования традиций советской археологической школы	22
Застрожнова (Панкратова) Е.Г., Медведева М.В. Следственное дело «террористической группы ГАИМК» (на основе неопубликованных архивных материалов)	24
Захарова Е.Ю. У истоков Воронежской археологической школы (1918 – первая половина 1920-х годов): нереализованных потенциал	26
Исланова И.В. Исследования Н.И. Гумилевского в Вышневолоцком уезде: предыстория региональной полевой тверской археологии	29
Канторович А.Р. А.В. Арциховский и первый выпуск кафедры археологии исторического факультета МГУ (1940)	31
Каргин Ю.Ю. У истоков волгоградской археологической школы (1954–1964 годы) .	33
Киреев С.М. Археологи Национального музея Республики Алтай в 20–50-х годах XX века и их контакты с археологическими школами страны	36
Китова Л.Ю. Палеоэтнологическая школа Б.Э. Петри	38
Кошман В.И. А.Н. Лявданский как основоположник довоенной археологической школы в БССР: трагедия ученого и восстановление его имени в послевоенное время	40
Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Городцовская научная школа 1910–1930-х годов: становление, развитие, судьбы	43

Кузьминых С.В., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Российская археология в эпистолярном наследии А.М. Тальгрена и Э.Х. Миннза	45
Куликов А.В. Юлий Юльевич Марти (1874–1959): один из последних представителей провинциальной «old school» в отечественной классической археологии	48
Малов Н.М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920): истоки формирования провинциального научного центра по археологическому изучению Нижнего Поволжья	50
Медведева М.В. Первые археологические экспедиции Н.Я. Марра	53
Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера: организационные основания (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х годов)	55
Молодин В.И. Сибирские научные школы археологов	57
Руденко К.А. Археологическая школа булгаристики А.П. Смирнова в ТАССР (1930–1970-е годы): формирование и развитие	60
Савенко С.Н. Представители столичных и провинциальных археологических школ и зачинатели местных научных сообществ центральных районов Северного Кавказа в 1920–1940-е годы	62
Сафонов И.Е. С.В. Киселёв и его вклад в развитие научного направления археологического изучения эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи	64
Сорокина И.А. Становление советской системы руководства археологическими исследованиями (1918–1930-е годы)	67
Тихонов И.Л. Секретная часть ГАИМК (по материалам архивного фонда в ЦГА Санкт-Петербурга)	69
Ткачёв А.Н. Михаил Владимирович Покровский и его вклад в становление кубанской археологии	72
Чемодуров Н.Н. Проекты археологического изучения Крыма в довоенном творчестве П.Н. Шульца: от замыслов к реализации	75
Юрочкин В.Ю., Майко В.В. Школы в академической археологии Крыма (1948–1953): П.Н. Шульц, В.П. Бабенчиков, П.Н. Надинский	77
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	80
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	83

ВВЕДЕНИЕ

Очевиден возрастающий интерес к истории археологии, который в последние десятилетия явственно прослеживается в России и за рубежом, как в среде профессиональных археологов, так и среди историков и краеведов. Это обусловлено желанием не только получить конкретные знания по археологической проблематике, но и связать происходившие в развитии этой науки процессы с общеисторическими реалиями. История археологии стала самостоятельной субдисциплиной, в которой обозначились направления: история исследований, идей, институций, роль персоналий и др. Неисчерпаемым источником информации о всех периодах развития этой науки являются архивные материалы. Историки археологии обращаются как к фондам крупных центральных или ведомственных архивов, так и к местным документальным собраниям: архивам субъектов Федерации, документальным собраниям музеев, архивам учебных и научных учреждений. Архивные материалы не только дают новые данные о тех или иных явлениях в науке, но и позволяют пересмотреть или уточнить ранее сложившиеся представления, изложенные в археолого-историографических трудах, разделах специальной и учебной литературы. Архивные фонды долго не только недооценивались как источники информации, но многие из них до недавнего времени были по разным причинам недоступны и лишь теперь вводятся в научный оборот.

Настоящее издание представляет собой сборник кратких статей по темам докладов, представленных на конференции «У истоков советских археологических школ (1918–1950)», состоявшейся в Институте археологии РАН 4–6 апреля 2023 г. Организатором конференции выступил Отдел теории и методики ИА, проводящий подобные форумы с 2013 г. с периодичностью в два года.

В феврале 2013 г. Отдел теории и методики Института археологии РАН организовал Круглый стол «История археологической науки для настоящего и будущего», получивший высокую оценку докладчиков и слушателей. В его работе приняли участие специалисты из ведущих научных институтов, музеев и вузов России и Украины. Было принято решение продолжить традицию издания серии «Очерки истории отечественной археологии», начатую в начале 1990-х гг. В 2015 г. по материалам Круглого стола вышел IV выпуск «Очерков» (Очерки истории..., 2015). Проведенная в 2015 г. конференция «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания» продолжила наметившуюся традицию проведения в Институте археологии РАН специализированных форумов, посвященных истории археологии (Ученые..., 2015).

В 2017 г. состоялась конференция, приуроченная к 100-летию двух российских революций, «1917 год: российская археология на переломе эпох», которая стала закономерным продолжением вышеупомянутых форумов, но имела свою специфику. Ее задачей было обсуждение явлений и идей в российской археологии, на которых это бурное время так или иначе отразилось: направления археологических исследований, парадигмы в контексте новой идеологии, административная организация нашей науки в связи с двукратной переменой власти, процессы в археологическом образовании, социально-культурный состав подвизающихся на этой ниве (1917 год..., 2017).

Значительные перемены, произошедшие в области организации науки (исчезновение старых и появление новых археологических учреждений) требовали отдельного внимания. Процесс сложения археологических институций, привычных нам сегодня, растянулся почти на полтора десятилетия и завершился в той или иной степени лишь к концу 1920-х – началу 1930-х гг. Освещению этих перипетий была посвящена проведенная в 2019 г. конференция «У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях» (У истоков..., 2019). В том же году вышел V выпуск «Очерков истории отечественной археологии», посвященный развитию этой науки с начала 1920-х по середину 1930-х гг. (Очерки истории..., 2019).

В 2021 г. состоялась очередная конференция по истории археологической науки. Темой ее стало развитие нашей науки в один из наиболее тяжелых периодов российской/советской истории: «Советская археология до и после Великой Отечественной (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов)». Примечательным стало участие кроме представителей России и Украины исследователей из новых регионов: Беларуси, Узбекистана. К началу конференции был издан сборник материалов (Советская археология..., 2021). Полные версии представленных на конференции докладов, а также статьи по некоторым другим были опубликованы в 2022 г. в VI выпуске «Очерков истории отечественной археологии» (Очерки..., 2022).

Тема настоящей конференции несомненно вызовет живой интерес у археологов нынешнего столетия, поскольку истоки современной российской археологии в большой степени сформировались именно тогда, в начальные советские годы. Появились положительные явления. Это и демократизм научной жизни, и вовлечение широких слоев населения в изучение прошлого на гораздо более обширной территории, чем это было до 1917 г., и укрепление системы регламентации полевых исследований в значительно большей степени, чем это было возможно в Российской империи. Но возник и тяжкий груз проблем, который советская археология несла с собой до рубежа 1980-х – 1990-х гг. – идеологический пресс государства, оторванность от европейской и мировой научной мысли, значительный схематизм в теоретических построениях и пр. Преодоление негативных черт и поступательное развитие археологической науки в наши дни невозможно без осмысления ее истоков. В ходе работы конференции предполагается обсуждение процессов формирования школ в научных исследованиях и полевой археологии с раннесоветского времени до первого десятилетия послевоенного периода, а также выявление и анализ активности центральных и провинциальных институций и исследователей (включая дореволюционных) в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

- Ученые и идеи..., 2015. Ученые и идеи: страницы истории археологического знания / Тезисы докл. межд. научн. конф. 24–25 февраля 2015, Москва / Сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН. 72 с.
- Очерки истории..., 2015. Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН. 266 с.
- 1917 год..., 2017. 1917 год: российская археология на переломе эпох / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы Межд. науч. конф. 4–6 апреля 2017, Москва. М.: ИА РАН. 92 с.
- У истоков..., 2019. У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы Межд. науч. конф. 26–27 февраля 2019, Москва. М.: ИА РАН. 64 с.
- Очерки истории..., 2019. Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. выпуска И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. 456 с.
- Советская археология..., 2021. Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов) / Отв. ред. И.А. Сорокина / Материалы Межд. науч. конф. 6–8 апреля 2021, Москва. М.: ИА РАН. 84 с.
- Очерки истории..., 2022. Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI / Отв. ред. выпуска И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. 532 с.

Д.С. Коробов, И.А. Сорокина
(Москва)

С.В. Алкин
(Новосибирск)

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ И СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ПРИАМУРЬЕ В 1930–1940-х ГОДАХ¹

Амурский бассейн занимает огромную территорию в Северо-Восточной Азии. Сама река Амур и один из ее истоков р. Аргунь формируют границу между Россией, Монголией и Китаем на протяжении более 3 тысяч км. Эта территория с уникальным сочетанием природных сообществ в связанных воедино географических условиях не только является отдельным экорегионом мирового значения, но и вмещает в себя огромное число археологических памятников. В современных условиях изучением их занимаются археологи сопредельных регионов России и Китая.

Впервые полулегендарные сведения об археологических памятниках XV в. на Тырском утесе в низовьях Амура были зафиксированы С.У. Ремезовым в его «Атласе Сибири». О них же сообщал Н.Г. Спафарий. В западной части Амурского бассейна 300 лет назад начиналась российская полевая археология: сперва в 1724 г. в ходе экспедиции Д. Г. Мессершмидта были отмечены мегалитические памятники культуры плиточных могил в районе оз. Далай-нор на границе с Монголией. Затем А.П. Горланов по инструкции Г.Ф. Миллера в 1735 г. провел раскопки плиточных могил в Приаргунье. Теми же экспедициями исследовались остатки оборонительного вала киданьского времени («вал Чингисхана»), делались описания древних петроглифов. И хотя в Китае история археологии насчитывает не одно столетие, археологическое изучение южной (маньчжурской) части Амурского бассейна было начато не китайскими, а российскими специалистами и только в первые десятилетия XX в. После образования в Харбине – «столице» русского освоения Манчжурии – Общества русских ориенталистов (1908 г.) началось систематическое изучение археологии и этнографии зоны отчуждения КВЖД. В 1913 г. приехавшим из Забайкалья А.П. Фараоновым был создан первый музей краеведческого типа при железнодорожном училище КВЖД на станции Бухэду (Алкин, Соболева, 2016). Консультировал его в этом А.К. Кузнецов – основатель Читинского краеведческого музея.

В 1922 г. с волной эмиграции в Харбин прибыли уральские археологи-профессионалы В.Я. Толмачёв и В.В. Поносов. Они стали лидерами изучения археологии Северной Маньчжурии и создателями местной русской археолого-этнографической школы. Организация Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК, 1922–1928 гг.) и его музея (1923 г.) положили начало работ по учету древних памятников, сбору и хранению археолого-этнографических материалов, что было важно в условиях активного хозяйственного освоения региона. За четверть века накоплен значительный массив первичной информации по распространению археологических памятников, их хронологической и этнокультурной принадлежности.

Среди наиболее важных достижений В.Я. Толмачёва и его коллег отметим обнаружение достоверных сведений по верхнему палеолиту и неолиту в китайском Приамурье, постановку вопроса о принадлежности территории Северо-Восточного Китая к ареалу распространения культур скифо-сибирского мира, изучение столичного городища государства чжурчжэней в Байчэне.

Особо важна роль в распространении интереса к древностям края и в формировании оригинальной археологической школы в Китае В.В. Поносова (Алкин, 2015). С 1929 по 1945 г. он руководил Национальной организацией исследователей-пржевальцев. Через ее подростковые кружки прошли многие юные жители Харбина. Фактически

¹ Работа выполнена по НИР: «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии (FWZG-2022-0004)».

можно говорить об уникальном опыте «школьной археологии» в условиях эмиграции. Пригодился опыт популяризации археологии среди населения Читы и работы с подростками в археологических кружках, который был у В.Я. Толмачёва и Е.И. Титова в период их жизни в ДВР.

С 1932 г. В.В. Поносов составлял картотеку (с планами и краткой информацией) памятников археологии и истории Северной Маньчжурии в Харбинском музее. С именем этого исследователя связано изучение палеолитического местонахождения в Гусянтунь и открытие первых памятников эпохи бронзы. Под его руководством велись раскопки древних городищ в Байчэне и Дунцзичэне. В середине 1930-х гг. были проведены исследования в различных районах бассейна р. Сунгари и в граничащей с Забайкальем Баргинской степи. В 1931 г. он провел разведки по р. Муданьцзян и на оз. Цзиньпоху в восточной части китайского Приамурья, где были открыты многие памятники эпохи неолита и палеометалла.

После образования КНР В.В. Поносов оказался тем, кто обеспечил преемственность в изучении древностей от российской археологической школы, прежде всего в области методики археологического поиска, проведения раскопок, фиксации и музейной регистрации собранных материалов. В 1957 г. местные власти пригласили признанного специалиста во вновь созданный Музей провинции Хэйлунцзян для приведения в порядок коллекций и передачи опыта китайским сотрудникам. Было организовано несколько экспедиционных выездов, во время которых Поносов давал консультации по полевой археологии. Среди его учеников были Тань Инцзе и Чжан Тайсян, которые впоследствии с благодарностью вспоминали своего русского учителя.

До своего отъезда из Китая в 1961 г. исследователь подготовил рукопись по истории археологического изучения Северной Маньчжурии, где обобщил русский опыт изучения древностей китайской части Приамурья (Поносов, 1991).

Из учеников и молодых сподвижников В.Я. Толмачёва и В.В. Поносова свой вклад в накопление источников по археологии китайского Приамурья внесли А.С. Лукашкин, В.А. Кормазов, К. В. Гроховский, К.А. Железняков, А.Г. Малявкин, В.С. Стариков и др.

В Северо-Восточном Китае сложилась русская научная школа в области изучения археологии региона. Это была группа исследователей, которые выполняли научно-исследовательскую программу по изучению древней и средневековой археологии и истории этой части Китая, пограничной с российским Забайкальем, Приамурьем и южным Приморьем. Особенностью харбинского центра являлась краеведческая направленность исследований, что в первую очередь определено периодом пионерского изучения вновь открытой для русских территории. В то же время, прибытие сюда в начале 1920-х гг. квалифицированных специалистов сыграло определяющую роль в закреплении традиций русской археологической школы, что обеспечило в дальнейшем и существенное влияние на этапе формирования новой китайской археологии в середине XX в.

Результаты работы русских специалистов, как в виде материальном (коллекции, являющиеся и сегодня основой фондов по археологии Музея провинции Хэйлунцзян), так и в виде нематериального наследия (участие русских исследователей в подготовке национальных кадров китайских археологов) стали базой для развернутого с начала 1950-х гг. широкомасштабного изучения северо-восточных провинций КНР, обеспечили преемственность в постановке научных проблем, в подходах к их решению, в научных принципах и, соответственно, в достигнутых результатах.

В связи с этим небезынтересно, как развивалась в те же годы ситуация с изучением археологии Приамурья в Советском Союзе. До конца 1920-х гг. сохранялись контакты между русскими археологами по обе стороны границы. Шел обмен литературой. Статьи о новых археологических открытиях в Северной Маньчжурии использовали в своих работах в 1930-х гг. Б.Э. Петри и А.П. Окладников. Знали о достижениях коллег, ссылались на них, харбинские археологи. В.Я. Толмачёв опубликовал на родине свою работу, посвященную коллекциям из Читинского краеведческого музея, которые он обработал в

бытность свою в ДВР по пути в Китай. Полагаю, что информированность советских ученых об интенсивном приросте археологических источников по ту сторону амурской границы способствовала планированию археологического поиска в советском Приамурье.

В 1935 г. свою первую экспедицию на Амур совершил А.П. Окладников. Идея организации ее принадлежала В.Г. Богоразу-Тану. За четыре месяца на лодке был пройден маршрут от Хабаровска до устья Амура. Открыты десятки археологических памятников эпох неолита и раннего металла. Было начато изучение петроглифов Сикачи-Аляна и Малышево (*Окладников, 1936*).

В 1939 г. в армию был призван ленинградский археолог А.В. Мачинский. Он был отправлен служить в Амурскую область. Там он познакомился с краеведом С.Г. Новиковым-Даурским и с директором Благовещенского краеведческого музея Ф.А. Гурским. В 1940 г. в Ивановском районе Амурской области он раскопал древнее жилище у с. Черемхово. В настоящее время коллекция из раскопок А.В. Мачинского хранится в ИАЭТ СО РАН. Е.И. Деревянко отнесла эти материалы к троичской группе мохэской археологической культуры (*Нестеров и др., 2015. С. 64*). Профессиональный археолог А.В. Мачинский сыграл особую роль в формировании археологических интересов С.Г. Новикова-Даурского, деятельность которого определила содержание исследований в Среднем Приамурье на ближайшее десятилетие. В 1949–1953 гг. он провел ряд разведок в Тындинском, Сковородинском, Кумарском, Хингано-Архаринском, Михайловском, Константиновском, Благовещенском, Ивановском районах Амурской области.

В конце 1940-х гг. началась подготовка к созданию специализированной археологической экспедиции для изучения районов Восточной Сибири (в границах Читинской области, т.е. Верхнего Приамурья), Среднего и Нижнего Приамурья. Руководил этой работой А.П. Окладников. Молодые археологи из числа участников разведывательного сплава ДВАЭ по рекам Шилка и Амур в 1954 г. в дальнейшем стали костяком новой региональной археологической школы. Одной из ее особенностей было внимание к археологии сопредельных территорий Северо-Восточного Китая (Маньчжурия). Работы ДВАЭ 1953–1954 гг. в приамурском приграничье стали началом качественно нового этапа изучения археологии региона. Оно было связано с планами строительства каскада ГЭС на р. Амур и его притоках, что требовало проведения спасательных археологических работ. В этой связи и в КНР в правобережном Приамурье тоже были развернуты работы по поиску археологических памятников. Открывались перспективы для международного сотрудничества в изучении древних и средневековых культур Амурского бассейна. Как известно, эти планы не были реализованы.

ЛИТЕРАТУРА

- Алкин С.В., 2015.* В.В. Поносов – историограф русской археолого-этнографической школы в Маньчжурии // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докл. Межд. науч. конф. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: ИА РАН. С. 7–8.
- Алкин С.В., Соболева А.С., 2016.* А.П. Фарафонов – журналист, педагог, краевед в Забайкалье и эмиграции // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Материалы II межд. науч. конф. / Отв. ред. С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович. Владивосток: ДВФУ. С. 59–60.
- Поносов В.В., 1991.* История археологического изучения Северной Маньчжурии // Сборник переводных материалов по археологии и этнографии Хэйлунцзяна (Хэйлунцзян каогу миньцзу цзыляо ивэньцзи. Ди и цзи. Харбин: Хэйлунцзян боуюань. С. 182–191 (на кит. яз.).
- Окладников А.П., 1936.* К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре // СА. 1936. № 1. С. 275–277.
- Нестеров С.П., Волков П.В., Алкин С.В., 2015.* Каменная плитка-абразив с Черемховского поселения в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43. № 4. С. 71.

А.Н. Бессуднов
(Липецк)

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ МЕТОДИКИ РАСКОПОК ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК В 20 – 30-е ГОДЫ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ДОНА)

Вопросы, связанные с методикой археологических раскопок, важны для изучения памятников всех эпох без исключения, и особенно палеолитических.

Информационная ограниченность и преимущественно фрагментарный характер палеолитических источников закономерно требуют применения особых методов лабораторного анализа, методики полевых исследований, направленных на получение насколько это возможно полной информации об изучаемых объектах, артефактах, культурных напластованиях. Однако так сложилось, что в XIX веке методика раскопок пещерных объектов совершенствовалась быстрее, чем памятников открытого типа (Васильев, 2008. С. 14). И только в 20 – 30-е гг. XX века при изучении палеолитических объектов открытого типа происходит становление новой методики полевых исследований, суть которой заключалась в переходе от стратиграфических поквadratных раскопок к планиграфическим, позволяющим вскрывать большие площади и выходить на реконструкцию искусственных сооружений древних поселений, на формирование основ пространственного анализа и систему взаимосвязей культурных проявлений.

Основоположником новой методики закономерно и заслуженно стал П.П. Ефименко – потомственный историк, из профессорской семьи, выпускник Санкт-Петербургского университета, тесно взаимодействовавший с крупнейшими специалистами «южно-русской науки»: Д.И. Багалеем, Ф.К. Волковым. За время двухлетнего пребывания за границей он посетил основные палеолитические памятники Франции, занимаясь во многих музеях Европы, Африки, Азии и США: благодаря столь насыщенной практике стал по праву самым подготовленным специалистом по палеолиту.

Внедрение методики планиграфических раскопок в какой-то мере стало ответной реакцией П.П. Ефименко на «Программу исследования стоянок под открытым небом» Б.Э. Петри, которая была нацелена на изучение стратиграфии поквadratного (т.н. «кессонного») вскрытия слоев (Петри, 1923). Новую методику раскопок Петр Петрович совместно с С.Н. Замятниным впервые применил в 1923 г. при раскопках стоянки Костёнки I на площади 35 м². В ходе этих исследований были выявлены очажные ямы, указывающие, по предположению Петра Петровича, на наличие в древности остатков сооружений типа шалашей (Ефименко, 1926).

По этой же методике в 1927 г. С.Н. Замятниным была раскопана на Верхнем Дону и Гагаринская стоянка, где вскрыта компактная линза культурных остатков, до 5 м в поперечнике и мощностью около 0,5 м. По краю линзы размещались плиты известняка, а также бивни мамонта и крупные кости. Сергей Николаевич сделал вывод, что это было углубленное жилище, интерпретируемое как шалаш или чум (Замятнин, 1929). Таким образом, с применением методики планиграфических раскопок на стоянке открытого типа Гагарино, впервые в нашей стране изучены остатки долговременного жилища. Благодаря этому открытию возникла необходимость по-новому оценивать содержание и структуру палеолитического поселения и подходить к практике производства на нем раскопочных работ. Возникло устойчивое понимание необходимости более широкого применения новой методики раскопок, позволяющей выявлять на стоянке остатки жилых и хозяйственных сооружений. Примечательно, что окончательное утверждение ее в известной степени и было предопределено открытием долговременного жилища в Гагарино.

С учетом результатов практического применения С.Н. Замятниным планиграфической методики и ее сенсационной результативности при изучении Гагарино

П.П. Ефименко приступил в 1931–1936 гг. к продолжению исследований стоянки Костёнки I широкими площадями. Памятник был вскрыт на всей площади распространения культурного слоя, что позволило выявить остатки обширного жилого комплекса в виде удлинённого овала размерами 36 × 14–15 м с десятью очагами по длинной оси, небольшими землянками и ямами-хранилищами по периферии.

Однако следует отметить, что полученные важные наработки по применению новой методики так и не были обобщены в форме отдельной публикации ни П.П. Ефименко, ни С.Н. Замятниным, а нашли отражение лишь в виде краткой информации при описании ими конкретных раскопок. Столь важная итоговая работа в этом отношении была проведена в 1948 г. М.В. Воеводским, статья которого целенаправленно посвящена изложению результатов «накопившегося за ряд лет опыта по раскопкам открытых лесовых стоянок» (*Воеводский*, 1948). Однако уже с середины 1930-х гг. многие ученики П.П. Ефименко все более отчетливо понимали, что дальнейшему развитию планиграфической методики мешал стадийный подход, которого последовательно придерживался Петр Петрович. К примеру, П.И. Борисковский в целом продолжил развитие стадийной концепции учителя, однако при этом считал, что отрицание Петром Петровичем значения культурного слоя как геoarхеологического объекта в итоге и привело к утрате части стратиграфических сведений о стоянке Костёнки I.

Революционером в разрушении концепции стадийлизма стал другой ученик П.П. Ефименко – А.Н. Рогачёв. На основе реальных, выявленных им в ходе исследований верхнепалеолитических памятников Костёнковско-Борщёвского района, в противовес П.П. Ефименко, П.И. Борисковскому и А.П. Чернышу происходил процесс формирования новой концепции, основой которой стал конкретно-исторический подход. Требование его выражало коренные задачи науки, заключающиеся в познании производственного, культурного и социального опыта человечества (*Аникович и др.*, 2004. С. 83–84).

А.Н. Рогачёв, опираясь на разработанную им методику, сочетающую планиграфический и стратиграфический подходы, пришел к открытию многослойности на костёнковских стоянках эпохи палеолита, то есть выявил наличие на них не одного, а нескольких слоев, оставленных в разное время.

Таким образом, при изучении палеолитических памятников Среднего и Верхнего Дона происходила апробация, становление, развитие, совершенствование и трансформация различных методик и подходов, благодаря применению которых удается извлекать и сохранять все больше научной информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Платонова Н.И., Попов В.В.*, 2004. Конкретно-исторический подход А.Н. Рогачёва // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Материалы Межд. науч. конф. / Ред. М.В. Аникович, Н.И. Платонова. Воронеж: Истоки. С. 83–86.
- Васильев С.А.*, 2008. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб: ИИМК РАН. 176 с.
- Воеводский М.В.*, 1948. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок // Доклады и сообщения исторического факультета. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 82–86.
- Ефименко П.П.*, 1926. Экспедиция для изучения палеолитических культур // Сообщения ГАИМК. № 1. С. 319–320.
- Замятнин С.Н.*, 1929. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. № 2. С. 209–214.
- Петри Б.Э.*, 1923. Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск: Этнологическая секция Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. С. 8–13.

А.В. Вайтович
(Минск)

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В БССР В МЕЖВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Период 1920-х–1930-х гг. является временем становления белорусской археологии. Специалистами выделены этапы институционального оформления дисциплины, реконструированы биографии многих археологов, изучены итоги полевой деятельности исследователей (*Вяргей*, 1992). Вплоть до настоящего времени, однако, объектом детального рассмотрения не становились научные подходы и теоретические взгляды авторов межвоенной эпохи. Предлагаемый доклад посвящен определению основных направлений методологических поисков белорусских ученых в указанные десятилетия.

В 1920-е гг. главным научным центром БССР был Институт белорусской культуры. Его сотрудники совмещали исследовательскую деятельность с работой в других учреждениях, в том числе – БГУ. Необходимость проведения занятий требовала от ученых четкого формулирования теоретических основ преподаваемых дисциплин. И если археологические публикации этого времени были посвящены исключительно описанию выявленных памятников и полученных при раскопках находок, то учебно-методические материалы содержали характеристику методологических установок исследователей. При этом следует подчеркнуть, что теоретические проблемы археологии находились в центре внимания историков и философов.

Специалисты относили археологию к предметам исторического профиля. Ее трактовали как вспомогательную историческую дисциплину, направленную на изучение материальной культуры человечества. Археологические памятники и находки воспринимались в качестве «документов» минувших времен (*Каценбоген*, 1923; *Пичета*, 1924. С. 6–9; ЦНБ НАНБ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1693. Л. 2). Вопрос о том, какие именно аспекты прошлого следовало изучать, решался по-разному.

По мнению философа и социолога С.З. Каценбогена, археология должна была выступать основой для генетической социологии, то есть науки, изучающей законы развития исторического процесса (*Каценбоген*, 1923. С. I). Историк-славист В.И. Пичета утверждал, что изучение археологических памятников Беларуси следует проводить для реконструкции бытового уклада жизни людей и установления «основных вех исторической эволюции» территории республики (*Пичета*, 1924. С. 6). Архивист и археограф Д.И. Довгялло к первоочередным исследовательским задачам относил определение этнической принадлежности населения, выявление границ расселения и изучение особенностей контактов древних народов (ЦНБ НАНБ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1693. Л. 2). В работах 1920-х гг. затрагивались и проблемы методологического инструментария. Например, С.З. Каценбоген выделил и охарактеризовал такие методы археологических исследований, как «геолого-археологический», стратиграфический, типологический и сравнительный (*Каценбоген*, 1923. С. V). Рассуждая об исторических и социологических реконструкциях, авторы подчеркивали важность междисциплинарного подхода и необходимость дополнения археологической информации данными этнографии, топонимики, топографии, антропологии и др. (ЦНБ НАНБ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1693. Л. 4; *Каценбоген*, 1923. С. I–V).

В значительно меньшей степени в белорусской науке было представлено палеоэтнологическое направление. В 1929 г. Н.И. Касперович, научный секретарь Центрального бюро краеведения, опубликовал проект курсов, в основу которых положил разработки Б.С. Жукова и А.Н. Максимова. Курсы должны были знакомить всех желающих с геологией, палеонтологией, антропогеографией, палеоантропологией, палеоэтнологией, методами этнологических и палеоэтнологических исследований. Предполагалось, что проведение таких курсов будет содействовать подготовке краеведов, способных вести

самостоятельные исследования (*Касперовіч*, 1929. С. 12–13). Проект Н.И. Касперовича так и не был реализован. На рубеже 1920-х–1930-х гг. задачи комплексного изучения регионов утратили свою актуальность.

В условиях «коренного перелома» происходила централизация научно-исследовательской деятельности. Институт белорусской культуры был преобразован в Белорусскую академию наук. Структура БГУ подверглась реорганизации; археология и смежные дисциплины оказались вычеркнутыми из учебных планов. Началась кампания по борьбе с «нацдемами», жертвами которой стали многие представители белорусской интеллигенции, в том числе ряд археологов. Краеведческое движение фактически прекратило свое существование.

На повестку дня вставал вопрос о переводе науки на «марксистские рельсы». Исследования, проведенные в 1920-е гг., подвергались резкой критике – как работы, направленные исключительно на описание и систематизацию материалов, а не на реконструкцию социально-экономического развития древних обществ (ЦНА НАНБ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 35. Л. 149). При этом ясного понимания того, каким образом следует заниматься изысканиями в области археологии, опираясь на марксистскую методологию, у специалистов не было (*Да ўсіх...*, 1931. С. 68).

В 1930-х гг. археологические исследования на территории БССР проводились главным образом силами А.Н. Лявданского, К.М. Поликарповича, А.Д. Ковалени и В.Р. Тарасенко. Реконструкция теоретических взглядов ученых осложняется тем, что основная часть творческого наследия довоенного поколения археологов не сохранилась. Современное состояние источниковедческой базы позволяет говорить лишь об укоренении в белорусской археологии «нового учения о языке» и теории стадийности. Эти идеи оказывали влияние на развитие и академической науки, и университетского образования. Уже в 1932 г. К.М. Поликарпович заявил о необходимости объяснять изменения культур не миграциями населения, а непрерывным усложнением общества, обусловленным природными факторами (*Палікарповіч*, 1932. С. 221). А.Н. Лявданский, разработавший для студентов созданного в 1934 г. исторического факультета БГУ курс по «Истории доклассового общества», включил в программу отдельные положения яфетической теории Н.Я. Марра (НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1316а. Л. 7).

Таким образом, на протяжении 1920-х–1930-х гг. белорусские исследователи неоднократно обращались к проблемам теории и методологии археологии. Оригинальные концепции, однако, авторами не предлагались. Развитие археологической мысли в БССР происходило в рамках методологических подходов, разрабатывавшихся в Москве и Ленинграде.

ЛИТЕРАТУРА

- Вяргей В.С.*, 1992. Археалагічная навука ў Беларускай ССР 1919–1941 гг. Мінск: Навука і тэхніка. 144 с.
- Пічэта У.І.*, 1924. Гісторыя Беларусі. М.-Л.: Дзяржвыд. 134 с.
- Каценбоген С.З.*, 1923. Археология и этнография и их значение для изучения доистории человечества // Кунов Г., Левин-Дорш Г. Очерки по истории первобытной культуры: в 3 ч. Минск: Белтрестпечать. Ч. 2. С. I–VIII.
- Касперовіч М.*, 1929. Ліквідаваньне краязнаўчай няпісьменнасці і падрыхтоўка краязнаўцаў // Наш край. № 5. С. 4–15.
- Да ўсіх...*, 1931. Да ўсіх навукова-даследчых і музейных устаноў // Савецкая краіна. № 11. С. 68–70.
- Палікарповіч К.М.*, 1932. Палеаліт і мэзоліт БССР і некаторых суседніх краін верхняга Падняпроўя // Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі БАН. Мінск. Т. 3. С. 218–221.

А.С. Вдовин, Н.П. Макаров
(Красноярск)

ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В КРАСНОЯРСКЕ (1920-е ГОДЫ)

Традиция общественного интереса к древним памятникам в Красноярске формировалась медленно. Консолидирующие факторы проявляются значительно позже с возникновением музеев, РГО, вузов, чем во многих городах Сибири или не оформились вовсе. Например, Енисейская губернская ученая архивная комиссия после нескольких попыток так и не была открыта. Таким образом, в дореволюционный период «красноярская» археологическая школа не сложилась.

В 1923 г. Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский и В.И. Громов начинают масштабные раскопки на Афонтовой горе. Следует отметить, что свои первые исследования и открытия ими были сделаны еще в юношеские годы. Поэтому возникло предложение привлечь школьников города в качестве помощников на археологические раскопки. В процессе раскопок пришло осознание огромного просветительского эффекта археологических экскурсий. Итогом стало создание археологического кружка имени И.Т. Савенкова. Так начинался уникальный проект, направленный на популяризацию археологического наследия Сибири среди молодежи и на подготовку нового поколения исследователей древностей.

На протяжении 1923–1925 гг. были проведены десятки заседаний и полевых экскурсий на археологические памятники в окрестностях Красноярска. Подготовлены выставки, которые посетили до 10 тыс. школьников и жителей города. Кружковцами обработано и передано в краеведческий музей до 6000 артефактов из раскопок Афонтовой горы (Макаров, Вдовин, 2018).

Все три руководителя стали известными учеными. А какова судьба их воспитанников? Конечно, кружковцам хотелось продолжить образование и на примере своих наставников стать учеными. Уже после первого выпуска кружковцев 1925 г. стал вопрос по их поступлению в вузы.

Во время поездки по Сибири с деятельностью кружка, познакомился В.А. Городцов. Он даже выступил перед кружковцами. На фото 1924 г. в Красноярске В.А. Городцов с членами и руководителями кружка, а также с С.А. Теплоуховым, А.Е. Боровко и А.Я. Тугариновым.

В феврале 1925 г. Н.К. Ауэрбах писал своему учителю В.А. Городцову: «Боевой вопрос стоит передо мной – вопрос о дальнейшей судьбе моих ребят из кружка. Двое из них, наиболее активные (председательница – Л. Протопопова и завкабинетом Л. Нурк) кончают в этом году и обе стремятся к Вам, на отделение. Их страстное желание совпадает с моим... Как не как, а когда они к Вам поступят, будут Вашими археологическими внучками... Конечно, Вы позволите им приступить к работе в музее сразу, с первого же года – они заслуживают этого. Здесь, в Красноярске мне отказали в ходатайстве отправить их в Москву. Это меня не остановило. Начал кампанию в прессе и возбуждаю ходатайство перед Сиб'ом» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 376. Л. 39).

Н.К. Ауэрбах пишет запросы, характеристики от Красноярского отдела РГО в ГОНО, Наркомпрос по Сибири. Но получает только отрицательные ответы. В те годы рекомендации для поступления в ФОН МГУ могли дать только партийные и профсоюзные организации.

В августе 1925 г. Н.К. Ауэрбах сообщает: «С археологическим кружком дела не важно. С громадным трудом мне удалось добиться командировок, но условных (в счет оставшихся мест) – двух к Вам на отделение (Чехович и Нурк), одну – Геогр[афический] Инст[итут] в Ленинград, одного – в Томск. К Вам выбраны самые сильные, самые надежные...» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 376. Л. 68–68 об.).

Еще через месяц Н.К. Ауэрбах с грустью сообщает: «К сожалению, никто из наших ребят не попал в Москву. Нурк и Протопопова в Ленинграде пытаются поступить в институт искусств. Чехович осталась добровольно на 2-ой год в 9 группе, чтобы в будущем году снова, сделать попытку попасть к Вам, Михайлов будет работать этот год при нас. У меня сердце обливается кровью. Столько энергии нами потрачено на эту четверку, такая колоссальная работа проделана этой молодежью, и никто не мог пойти по избранной им специальности. И все же ни руководители кружка, ни сами «потерпевшие» не теряют бодрости духа – сзади идет новая смена, не менее энергичная, чем первая четверка. А потом все мы верим в твердую поддержку Василия Алексеевича» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 376. Л. 73–73 об.).

В итоге Людмила Протопопова поступила на географический факультет ЛГУ, а с 1926 г. уже работала в Эрмитаже. Ксения Чехович стала студенткой Омской сельскохозяйственной академии. Помогала В.П. Левашёвой в Омском музее обрабатывать археологические коллекции. Линда Нурк была участницей экспедиций на Енисей с отрядами Г.П. Сосновского и С.А. Теплоухова. Участвовала в экспедиции в Забайкалье 1928–1929 гг. Есть сведения, что она специализировалась по антропологии, работала в Государственном Эрмитаже. Во время Великой Отечественной войны, 13 июля 1941 г. была эвакуирована из Ленинграда.

Андрей Предтеченский поступил в 1929 г. на медицинский факультет Томского университета, а затем при посредничестве Н.К. Ауэрбаха перевелся на геологическое отделение. После войны стал главным геологом Красноярского геологического управления. Был репрессирован по «Делу красноярских геологов». После освобождения работал в Красноярске и Новосибирске. Доктор географических наук.

Как видим, посеянные семена дали всходы. Но свою отрицательную роль сыграли несколько факторов. Прежде всего, это отсутствие в Красноярске вузов, где наставники могли бы формировать свою школу. Во-вторых, золотой период российского краеведения, на который пришлась деятельность кружка, сменился разгромом краеведческого движения. Наконец, отъезд из Красноярска всех руководителей кружка, невольно разобщал учителей и учеников, разбросав их по городам и весям (*Вдовин, Макаров, 2019*).

Кратковременность педагогических усилий в создании коллектива единомышленников и возможной археологической школы характерна и для последующей деятельности в Красноярске конца 20-х – начала 30 гг. других учеников В.А. Городцова в лице В.Г. Карцова и А.Ф. Каткова. Тоже можно сказать и о деятельности в конце 40-х годов Э.Р. Рыгдылона. Казалось бы, уже появился педагогический институт и исторический факультет. Но и здесь успешная деятельность археологического кружка Э.Р. Рыгдылона была прервана новой репрессивной волной, вытолкнувшей новоиспеченного кандидата наук из стен Красноярских педагогического института и краевого краеведческого музея.

ЛИТЕРАТУРА

- Макаров Н.П., Вдовин А.С., 2018. Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории. Красноярск: СФУ. 208 с.*
- Вдовин А.С., Макаров Н.П., 2019. У истоков советской археологии: Красноярский музей в 1920-е годы (к 130-летию Красноярского краеведческого музея) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Межд. науч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 17–19.*

Т.О. Галкин
(Зарайск)

**«ИЗ БЛОКНОТА АРХЕОЛОГА»:
РАБОТЫ Н.Н. ВОРОНИНА
В ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1930-е ГОДЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНОЙ ПРЕССЫ)**

Имя Николая Николаевича Воронина нельзя назвать неизвестным или незаслуженно забытым. Большое количество работ, посвященных разным аспектам его деятельности (Вагнер, 1964; Формозов, 2004; Медведева, Кукина, 2022), выходило и продолжает выходить. Однако в этой небольшой по объему статье мы хотим взглянуть на работу Н.Н. Воронина с другой стороны – как педагога, руководителя и организатора науки.

Археологическая исследовательская деятельность всегда привлекала к себе внимание не только специалистов, но и широкой общественности. В 1930-е годы во время масштабных работ в Ивановской промышленной области руководителю работ во Владимире, Суздале, Боголюбове Н.Н. Воронину пришлось в полной мере столкнуться с этим.

Так, в цикле «летучек» – быстрых публикаций, выходящих каждую пятницу на 4 странице владимирской газеты «Призыв», Николай Николаевич писал: «Нужно отметить огромный интерес к нему населения, нарастающий по мере развешивания раскопок. Достаточно указать, что за один день – 6 сентября – нами было проведено 16 экскурсий с общим количеством участников свыше 1.500 человек» («Призыв». № 205 (5043), 9 сентября 1936 г. С. 4.). Впрочем, Н.Н. Воронину, который неоднократно, будучи с осени 1918 г. сотрудником Владимирского исторического музея, занимался работами по проведению экскурсий, это было не в новинку (Вагнер, 1964. С. 7). Подобная же ситуация нередко наблюдалась при раскопках в Боголюбове, при работах кабинета истории архитектуры Всесоюзной Академии художеств в 1934–1935 гг., когда были вскрыты южная башня и стены Боголюбовского замка и изучены скрытые в земле цоколи собора 1158 года.

Краткий отчет, сданный во Владимирский музей в 1939 году (ГАВО. Ф. Р-422. Оп.1. Д. 227. Л. 1–3), сообщает только о научной составляющей работ, что совершенно оправданно. Но только из газетной публикации мы узнаем о большой роли сотрудника Владимирского музея Б.И. Григорьева, который не только помог организовать работы в Боголюбове (стоит понимать: нашел рабочих), но и указал Н.Н. Воронину на основание белокаменной чаши, стоявшей под кирпичным «святым шатром» XVII в. «Б.И. Григорьевым мне было сообщено, что по его наблюдениям подножием чаши служит белокаменный круглый столп. Раскопки же открыли нечто совершенно неожиданное и исключительно интересное» («Призыв». № 195, 30 августа 1937 г. и № 196 31 августа 1937 г. С. 4). Этим «исключительно интересным» стало обнаружение чаши, предназначенной для причастия и имеющей в основании характерные романские рога. Как отмечает исследователь в дальнейшем, подобные чаши обычны для соборов западной Европы XI–XII в.

Стоит отметить, что Б.И. Григорьев долгое время помогал в работах Н.Н. Воронина во Владимире и Боголюбове, но полноценным учеником не стал.

Интересно также проследить и работы Н.Н. Воронина за пределами архитектурной археологии и его отношения с местными жителями. При работах по локализации городища Осовец, располагающегося на территории Копнинского сельсовета Собинского района, Н.Н. Воронин проводил беседы с местными жителями, действуя по строгим, еще дореволюционным методикам, выработанным в отечественной археологии. Это приносило неизменные результаты. Так, место сосредоточения подъемного материала у края вала городища, где был заложен шурф, локализовано по указанию местного

учителя Бородулина, который именно здесь обнаружил шиферное пряслице («Призыв» № 199 (5037), 2 сентября 1936 г. С.4). И, конечно же, подробный отчет, переданный в ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244), и краткий – во Владимирский исторический музей (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 523. Л 3–4), не содержали подобных описаний, характерных лишь для газетных заметок: «Отсюда, с высот, открывается широкий горизонт, вы видите далекие серебряные петли Клязьмы и синюю дымку сосновых лесов, за ней – Осовец» («Призыв» № 199 (5037), 2 сентября 1936 г. С. 4). Подобное восхищение красотой природы, конечно, недопустимое в официальных отчетах, не было чуждо трепетной душе Николая Николаевича, который, как мы знаем, на досуге писал весьма впечатляющие стихи.

Интересны в контексте рассматриваемой нами темы и работы, связанные с разведками закладных курганных могильников. Пафос газетной заметки, конечно, пронизан «антиуваровским» посылом, столь известным всем археологам старшего советского поколения, когда наследие великого предшественника было обесценено и прочно забыто. В это же время Н.Н. Воронин отмечает и сохранившиеся курганные насыпи и особенно акцентирует внимание на разъяснительной деятельности среди крестьян села Кусунова и деревни Уварово. Так, через колхозника т. Хрупалова местным жителям оставляется наказ: «Мы обращаемся с просьбой ко всем, знающим о наличии курганов и городищ во Владимирском районе – сообщать эти сведения Владимирскому музею. Начальник экспедиции Н. Воронин» («Призыв». № 201 (5039), 4 сентября 1936 г. С. 4).

Научный архив Н.Н. Воронина прекрасно разобран в РО НА ИИМК РАН благодаря работам М.В. Медведевой (*Медведева*, 2008). Но даже в этом случае возможны приятные открытия, такие как недавно обнаруженная серия стеклянных негативов из личной фотоколлекции семейной пары Н.Н. Воронина и Г.Ф. Корзухиной (*Медведева, Кукина*, 2022). Личный фонд Н.Н. Воронина в Государственном архиве Владимирской области уже структурирован, но по делам разложен гораздо хуже. Особенно это касается работ 1930-х годов.

Какой-либо ученической школы при раскопках 1930-х годов во Владимире не сложилось, на наш взгляд, по ряду причин. Уже прибыв сюда до войны, Н.Н. Воронин стал сотрудничать с состоявшимися исследователями древнерусской архитектуры и археологии, прежде всего А.Д. Варгановым - одним из основоположников Владимирской школы реставрации и, как и Н.Н. Воронин, учеником профессора К.К. Романова. Эту дружбу Воронин впоследствии очень ценил и продвигал А.Д. Варганова на присуждение ему звания почетного деятеля искусств РСФСР. Копию этого письма за подписями И.Э. Грабаря, Н.Н. Воронина и многих других А.Д. Варганов трепетно хранил до конца жизни (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 180. Л. 1–2).

Во второй половине 40-х – начале 50-х гг. Н.Н. Воронин возвращается к широким работам на территории всей Северо-Восточной Руси уже со своими учениками, прежде всего, талантливым П.А. Раппопортом. Это была уже другая эпоха, сдача отчетов перешла в Московский филиал ИИМК (позднее ИА АН СССР), а сами увлечения Н.Н. Воронина постепенно смещаются в сторону изучения зодчества Смоленска. Тем не менее, ещё об одной стороне, которая характеризует Н.Н. Воронина не только как учителя, но и как сострадательного человека, связанного с этой грозной эпохой, и не боявшегося им быть, стоит упомянуть. Речь идет о возвращении из ссылки Г.К. Вагнера, в утверждении которого на должности сперва подсобного рабочего, а затем уже и научного сотрудника ИА АН СССР сыграл роль Н.Н. Воронин, о чем Г.К. Вагнер с особой теплотой писал спустя много лет в своих воспоминаниях (*Вагнер*, 2004. С. 215–216).

Проделанный за три десятилетия советского времени сложный путь становления владимирской археологии был нелегким. Однако многочисленные публикации в местной прессе помогли населению и чиновникам осознать важность таких работ и заложили мощный фундамент для дальнейшего изучения ранней истории этого края.

ЛИТЕРАТУРА

- Вагнер Г.К.*, 1964. К 60-летию Николая Николаевича Воронина // СА. № 4. С. 60–64.
- Вагнер Г.К.*, 2004. Из глубины взываю... (De profundis). М.: Круг. 271 с.
- Медведева М.В.*, 2008. Документальное наследие Николая Николаевича Воронина в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН // Археологические вести. Вып. 15. С. 165–171.
- Медведева М.В., Кукина Д.А.*, 2022. Страницы семейной хроники. Неизвестное фотографическое наследие Г.Ф. Корзухиной и Н.Н. Воронина // Археологические вести. Вып. 36. С. 272–290.
- Формозов А.А.*, 2004. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // РА. № 2. С. 173–180.

Е.В. Детлова
(Красноярск)

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО ДИАЛОГА В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ В ДО- И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Теме российско-германского сотрудничества посвящено немало статей и монографий, и все же этот аспект до сих пор остается недостаточно изученным в истории отечественной археологии. Настоящий доклад – скромная лепта в копилку сведений по данной теме. В основу его легли малоизвестные документы из архива Германского археологического института, а также материалы из личных архивов некоторых иностранных ученых.

В центральном архиве Германского археологического института хранятся личные дела всех его членов, в том числе русских и советских ученых, которые удостоились чести быть его членами-корреспондентами. Среди них – М.И. Ростовцев, Б.А. Тураев, Е.М. Придик, Ф.И. Шмидт, О.Ф. Вальдгауер, М.Ф. Болтенко, С.С. Дложевский, Г.И. Боровка, П.Д. Рау, П.С. Рыков, Б.С. Жуков, А.А. Передольская, Т.Н. Книпович и другие.

Личные дела («биографические папки») отличаются по объему, содержанию и широте хронологического диапазона. Некоторые растянуты во времени на десятилетия – такие, к примеру, как досье Михаила Ивановича Ростовцева, в котором письма ученого 1910–1928 гг. соседствуют с документами конца XX в.: некрологами, титульными страницами статей и сборников в его честь. Аналогичным образом личная переписка 1927 г. Григория Иосифовича Боровки дополняется посланиями 1966 г. его шведской родственницы Лилли фон Шторм, которая через институт пыталась узнать о судьбе репрессированного археолога (ГАИ. Личное дело Г.И. Боровки).

Один из самых «долгоиграющих» эпизодов в истории архива связан с именем Оскара Фердинандовича Вальдгауера, который на протяжении многих лет являлся важнейшим звеном в общении российских и немецких археологов. Начало переписки с его учителем Адольфом Фуртвенглером уводит нас в 1903–1905 гг.; диалог советского антиковеда с немецкими коллегами продолжился в 1925–1926 гг.; к финалу же история с документальным фондом ученого приблизилась только в начале 1980-х гг. (имеется в виду сюжет с изучением немецкими историографами обширного эпистолярного наследия О.Ф. Вальдгауера в архиве Эрмитажа) (ГАИ. Личное дело О.Ф. Вальдгауера; Архив Т. Виганда).

О.Ф. Вальдгауер, увы, скончался еще до начала войны, а, следовательно, не мог быть причастен к возобновлению диалога с немецкими коллегами в послевоенный период. Однако воспоминания о нем пронизывают переписку с Германским археологическим институтом его учеников и последователей, которые пережили войну. Речь, в первую очередь, об Анне Алексеевне Передольской, преемнице Оскара Фердинандовича. На довоенный период пришлось ее избрание членом-корреспондентом института (1930 г.), в 1950-е гг. она продолжила общение с дирекцией института, в 1961 г. была

избрана действительным членом этого учреждения. Другие архивные свидетельства датируются уже концом 1960-х гг., это некрологи и справки о жизни и деятельности А.А. Передольской из советских и иностранных публикаций (ГАИ. Личное дело А.А. Передольской).

Еще одним советским ученым, который восстановил контакты с Германским археологическим институтом в послевоенные годы, был Владимир Дмитриевич Блаватский. В архиве сохранилось его письмо от 1928 г. действительному члену института, историку искусства Францу Студничке. Часть материалов относится к более позднему периоду (машинописное уведомление от 1966 г. от дирекции института об избрании В.Д. Блаватского членом-корреспондентом и ответная благодарность ученого). Дополняет этот комплекс ряд документов 1980-х гг.: биографические справки, некрологи, титульные обложки сборников в его честь (ГАИ. Личное дело В.Д. Блаватского; Архив Ф. Студнички).

События военных лет никак не отразились на содержании и тональности переписки этих ученых с Германским археологическим институтом. Разумеется, темы политики, войны, послевоенного переустройства мира не затрагивались – только профессиональные вопросы, связанные с археологической проблематикой, книгообменом, содействием в установлении контактов с советскими научными и культурными учреждениями.

Другой аспект российско-германского диалога связан с позицией немецких ученых, работающих до войны в русле российской археологии. Ученый в тоталитарном государстве всегда оказывается перед сложным выбором: отказаться от своих прежних убеждений ради спасения жизни и возможности работать, либо принять новую идеологию и, скорее всего, переориентировать направление исследований в область, более востребованную в изменившихся условиях. Такие, как Геро фон Мергарт, изначально относившиеся к установившемуся в 1930-х гг. в Германии режиму нейтрально, в конце концов все же вступили в конфликт с властью и навязываемой ею догмами. Но связи Г. Мергарта с советской наукой и русскими коллегами не пострадали в силу того, что еще к началу 1930-х гг. они попросту сошли на нет, как и, увы, и его занятия сибирской археологией (Детлова, 2011. С. 96).

Однако были в Третьем Рейхе и другие занимавшиеся восточноевропейской тематикой специалисты, заслуги и достижения которых в прежние времена не были в полной мере оценены профессиональным сообществом и властями. И эти – довольно незаурядные – ученые в новых обстоятельствах усмотрели возможность реализации своих планов и идей, а зачастую – и карьерных амбиций. К таковым можно отнести Франца Ганчара и Ганса Финдайзена, которые уповали на то, что их знания будут востребованы в Немецком Рейхе, но вмешиваться в политические игры в общем-то не жаждали. Были и те, кто с первоизданной энергией рвался не только «делать» науку, но и удовлетворить собственное тщеславие и получить доступ к недостижимым ранее памятникам и коллекциям. Пример такого рода – Эрих Васильевич Диль, бывший профессор Томского университета. Письмами с предложением своих услуг и готовностью незамедлительно отправиться на оккупированные территории Крыма с целью изучения и описания коллекций древностей местных музеев он буквально атаковал дирекцию Археологического института Немецкого Рейха в 1941–1942 гг. (ГАИ. Документы, регламентирующие международную деятельность в 1939–1943 гг.).

Притязания ни одного из вышеназванных ученых не увенчались успехом. Судьба их после войны тоже сложилась по-разному. Попытались ли они восстановить прерванные с российским научным сообществом связи? Ничего не могу сказать о Э.В. Диле из-за отсутствия информации о его послевоенных контактах. Чуть больше известно о Г. Финдайзене, который в 1950-е гг. предпринимал попытки связаться с Красноярским краеведческим музеем (сохранилось его письмо 1956 г. в музей с предложением сотрудничества) (Детлова, 2016. С. 59). Что касается Ф. Ганчара, то он был одним из тех немногих археологов на германоязычном пространстве, кто и во время войны не

прерывал занятия восточноевропейской тематикой. Его публикации 1941–1945 гг. посвящены проблематике палеолита Восточной Европы, скифскому искусству Северного Причерноморья, Кавказа, Кубани. Своими работами в послевоенные годы он знакомил европейских коллег с достижениями советской археологии, стремился увлечь «восточной» тематикой талантливую австрийскую молодежь и сподвигнуть ее на продолжение начатых им исследований. То же самое можно сказать и о Г. Мергарте, который возвращенным им в Марбурге молодым специалистам сумел передать интерес к евразийской проблематике и сотрудничеству с российскими собратьями по цеху (Детлова, 2017. С. 107).

Для таких ученых, как Ф. Ганчар и Г. Мергарт, было очевидно: качественно заниматься наукой в условиях изоляции от остального мира невозможно, как и то, что войны рано или поздно заканчиваются и за мрачными временами краха совместной работы и личных связей неизбежно следует их возрождение.

ЛИТЕРАТУРА

- Детлова Е.В., 2011. Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...» (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта) // Второй век подвижничества: Сборник научных статей. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей. С. 89–105.
- Детлова Е.В., 2016. Геро фон Мергарт и Ганс Финдайзен: к истории международных научных связей Красноярского краевого краеведческого музея» // Уральский исторический вестник. Вып. 4(53). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН. С. 53–61.
- Детлова Е.В., 2017. «Геро фон Мергарт и его «марбургская школа» // «Университетская археология: прошлое и настоящее» / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб: СПбГУ. С. 103–108.

Е.Н. Жукова
(Тверь)

АРХЕОЛОГИЯ КАЛИНИНСКОЙ (ТВЕРСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1930–1950-х ГОДАХ: ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

К началу 30-х гг. сворачивание краеведческой работы, основы которой были заложены еще в дореволюционное время, привели к переходу археологических исследований в руки профессионалов, организационно – в ведение государственных структур – областного музея и пединститута. При этом по кадровому составу в большей степени Калининский государственный педагогический институт соответствовал возрастающим потребностям археологического изучения края. Исторический факультет был воссоздан в 1934 г. Преподавательский коллектив можно условно разделить на два состава. С одной стороны, это были преподаватели, чей жизненный и профессиональный путь сформировался в дореволюционное время: выпускники классических историко-филологических факультетов Санкт-Петербургского университета – А.С. Башкиров (1885–1963) и А.Н. Вершинский (1888–1944), Московского университета – Н.И. Радциг (1881–1957), Казанского университета – В.Н. Тарасов (1886–195?). С другой стороны – это выпускники структур, приравненных к институту красной профессуры, члены ВКП(б): П.М. Травин (1901–1983), О.И. Бершадская (1902–1971), Д.И. Панкратов (1904–?) (Воробьева, 2017). Примечательно, что именно старые профессора вернулись на факультет после оккупации г. Калинина во время Великой Отечественной войны. Как и в 20-е гг., во второй половине 30-х гг. аудиторная работа сопровождалась активной производственной практикой. В целом нужно отметить, что изучение области во всех аспектах (от геологии до демографии) было приоритетной стороной деятельности вуза. Студенты принимали участие в археологических экспедициях на территории области. Руководили практикантами А.Н. Вершинский и Н.П. Милонов (1896–1975). С 1938 г. факультативно начинают проводиться занятия по дисциплине «Основы археологии». В целом, научный

интерес А.Н. Вершинского сосредотачивался на средневековой истории Верхней Волги, при этом археологические исследования воспринимались как составная часть источниковедения по заявленной проблематике. Методика полевых исследований оставалась на уровне любительского краеведения с низким качеством полевой документации, недостаточностью площади раскопов сельских поселений, без использования метода аналогий. В 1940 г. Археологический комитет ИИМК предложил обратить особое внимание в КГПИ на подготовку кадров (ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 8. Л. 8).

Особенность функционирования регионального вуза в 30 – 40-е гг. состояла в том, что резко возросшая потребность в формировании новой советской интеллигенции упиралась, в числе прочих, в проблему общего низкого образовательного уровня как потенциальных абитуриентов, так, нередко, и студентов. Поэтому наиболее перспективные и успешные выпускники были в центре внимания руководства пединститута. В 1941 г. студентом, готовившимся поступать в аспирантуру, был Василий Сергеевич Тарасенко (1919–1976). Его биография вполне типична для своего поколения. Крестьянский сын из украинского села, рано оставшийся без родителей, при поддержке старшего брата сумел закончить среднюю школу в небольшом промышленном центре, расположенном на железной дороге между Киевом и Москвой. В 1938 г. попытка поступить в МИФЛИ оказалась безуспешной. Однако агитаторы из приемной комиссии КГПИ предложили В.С. Тарасенко учиться на историческом факультете в г. Калинин.

Великая Отечественная война изменила планы. После сдачи госэкзаменов В.С. Тарасенко ушел добровольцем на фронт. Связи с вузом при этом не терял, и уже весной 1944 г. сдал вступительные экзамены в заочную аспирантуру, демобилизовавшись из армии только летом 1945 г. 31 мая 1944 г. заведующий кафедрой всеобщей истории проф. А.С. Башкиров составил характеристику на своего потенциального диссертанта: «В.С. Тарасенко известен на историческом факультете КГПИ как один из способнейших его учеников с большой начитанностью в исторических вопросах и чрезвычайной склонностью к научной работе. Во время прохождения институтского курса он привлекал к себе своими способностями и любовью к самостоятельной работе. Он был энергичным и активным ответственным секретарем кружка по всеобщей истории. Выполняя свою учебную программу, В.С. Тарасенко хорошо освоил немецкий и латинский языки; известно, что, находясь в Красной Армии, он с успехом, используя помощь своего начальника, изучает в течение полутора лет и французский язык» (цит. по: *Корсаков*, 2017. С. 46). Изучение древних языков аспирант Тарасенко совершенствовал в том числе и под руководством проф. Н.И. Радцига, преподававшим на факультете до 1948 г. В 1950 г. В.С. Тарасенко защитил кандидатскую диссертацию в МГПИ по теме «Политическая история Боспорского государства в I в. до н.э. – I в. н.э.». Археологические материалы в работе играли вспомогательную роль. Знакомство с методикой раскопок античных памятников произошло в 1948 г., когда В.С. Тарасенко под руководством А.С. Башкирова принимал участие в раскопках городища Патрей на Таманском полуострове. В 1949 г. А.С. Башкиров уволился из Калининского пединститута. Свои исследования на Тамани он продолжил со студентами-историками из Ярославского пединститута.

После защиты диссертации тематика научных публикаций В.С. Тарасенко по истории античности была основана на письменных источниках (*Корсаков*, 2017). В 40 – 50-е гг. его научно-педагогическая деятельность наиболее близко соприкасалась с археологией региона. Находясь в статусе заведующего кафедрой всеобщей истории, В.С. Тарасенко руководил студенческими археологическими практиками (в 1956 г. в Угличе в экспедиции под руководством Д.А. Крайнова; в 1958 г. в Торопце – под руководством Я.В. Станкевич). Собственная единственная экспедиция – разведка по Волге в районе г. Калинина – состоялась в 1956 г. (НА ИА РАН. Ф. Р-1. № 1232). По сути, это был мониторинг уже известных в данной местности памятников преимущественно эпохи раннего железного века – средневековья. С начала 60-х гг. сведения по археологии

Калининской области В.С. Тарасенко использовал как иллюстративный материал в рамках методики преподавания истории и краеведения в школе. Этому посвящено около половины всех его научных работ.

Таким образом, совершенствовавшаяся в 30–50-е гг. методика и техника приемов работы с археологическими материалами оказалась недоступна на региональном уровне. Можно предположить, что распространение инноваций в исследованиях наиболее успешно идет в случае непосредственного личного взаимодействия в процессе как теоретического, так и практического (полевого) осмысления новых подходов. Обстоятельства становления профессиональной биографии В.С. Тарасенко не способствовали выведению региональных археологических исследований в представленный период на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

- Воробьева И.Г.*, 2017. Преподавание всеобщей истории в Твери в 1917–2017 годах // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2017. № 3. С. 11–28.
- Корсаков С.Н.*, 2017. Вопросы политической истории античности в работах В.С. Тарасенко // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2017. № 3. С. 45–59.

**Е.Г. Застрожнова (Панкратова),
М.В. Медведева**
(Санкт-Петербург)

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО «ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГАИМК» (НА ОСНОВЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ)²

Политические репрессии по отношению к научному составу академических учреждений Ленинграда повлекли за собой разрушение научных школ и реорганизацию институтов. Существенные изменения в институционализации отечественной археологии наступили как раз по причине трагичных событий, произошедших в ГАИМК в 1934–1936 гг. Кадровые перестановки, скандалы и склоки, начавшиеся после смерти бессменного председателя академии Н.Я. Марра, были усугублены событиями «кировского потока» и последовавшими за ними массовыми арестами среди троцкистско-зиновьевской оппозиции. «Террористическая организация ГАИМК» вошла в состав сфабрикованного НКВД «Дела о сети контрреволюционных троцкистско-зиновьевских групп в научных учреждениях Ленинграда и Москвы».

Обстоятельства «Дела ГАИМК» начали изучаться с 2018 г., когда в Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области одним из авторов было выявлено следственное дело в 7 томах, заведенное в отношении Ф.В. Кипарисова, С.Н. Быковского, В.С. Адрианова и М.Г. Худякова (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1–7). В публикации, посвященной предварительному обзору следственного дела (Панкратова, 2019. С. 263–276), были приведены общие детали следственного процесса: даты арестов и допросов, характер выдвигаемых обвинений, формулировка вынесенного приговора и сведения о реабилитации. В ходе дальнейшей исследовательской работы с материалами архивно-уголовного дела стало очевидным, что круг арестованных и осужденных за членство в «террористической организации ГАИМК» существенно больше, чем четыре человека. В ходе планомерного поиска и изучения следственных дел, заведенных в отношении лиц упоминаемых Ф.В. Кипарисовым, С.Н. Быковским, М.Г. Худяковым и В.С. Адриановым на допросах, были выявлены основные этапы формирования следственного дела и определен состав обвиняемых. К настоящему времени

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-00063 «Трагедия Государственной академии истории материальной культуры: судьба учреждения и его сотрудников (1934–1936)».

в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и Центральном архиве ФСБ в г. Москве рассмотрены архивно-уголовные дела, заведенные в отношении: Г.С. Зайделя (П-26810), Б.А. Латынина (П-20881), М.Ю. Пальвадре (П-22068), С.А. Лотте (П-52050), А.С. Полякова (П-64329), А.Г. Пригожина (следственное дело до перевода в Москву – Р-8213, Т.1–2), Э.Г. Пригожиной (П-47300), С.Г. Томсинского (П-26810), М.Л. Ширвиндта (П-21027), М.М. Цвибака (П-25769), О.О. Крюгера (П-21065), З.Б. Лозинского (П-80091).

Документы архивов ФСБ дополняются материалами из архива ГАИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2; ФО. Ф. 46), где разворачивались основные «преступные» действия «террористической» группы. В делах выявлены косвенные данные о судьбах сотрудников, характеристики их общественной активности и идеологического облика, даты некоторых арестов, списки сотрудников с указанием социального происхождения и участия в антиреволюционных действиях и организациях, справки о реабилитации. Несмотря на то, что работа по поиску и анализу архивных документов продолжается, уже сейчас общая картина развития драматических событий вполне очевидна.

Аресты по «Делу террористической группы ГАИМК» были начаты в марте 1936 г. и продолжались вплоть до января 1937 г. Основное количество арестов пришлось на лето-осень 1936 г. В группу следователей ЛО НКВД, проводивших аресты, обыски, дознания и иные следственные мероприятия по этому делу, входили: Л.В. Коган, Л.Ф. Райхман, Н.С. Драницын, В.С. Карпович, Г.А. Лупекин, П.А. Коркин, И.В. Фёдоров и Н.А. Завилович.

Особенно важно отметить, что на ход следственного процесса могли существенно повлиять допросы С.Г. Томсинского от 26 мая, 10 июня, 11 июня 1936 г. и Г.С. Зайделя от 5 и 9 июня 1936 г. Они проводились заместителем начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР Б.Д. Берманом, который лишь изредка участвовал в допросах по делам троцкистско-зиновьевской оппозиции в качестве своеобразного «приглашенного специалиста». Можно предположить, что печально известные методы дознания Б.Д. Бермана повлекли за собой коренной сдвиг в ходе следствия и дачу наиболее обширных показаний обвиняемыми. Так на допросах С.Г. Томсинского, проводимых 15 и 16 мая 1936 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-26810. Л. 8–32) следователем Ленинградского отделения НКВД Г.А. Лупекиным, он настаивал на ошибочности ареста и категорически отрицал свою причастность к контрреволюционной организации, признавая лишь круг известных ему лиц с «троцкистскими» взглядами (М.М. Цвибак, Г.С. Зайдель, А.А. Бусыгин и др.) Однако на первом же допросе, проводимом Б.Д. Берманом, признал себя «полностью виновным» и «представил» показания о наличии в Ленинграде сети террористических групп, которые действовали в АН СССР, ЛОКА, ЛИФЛИ, Коммунистическом вузе им. Сталина и ГАИМК. Список членов террористических групп в упомянутых учреждениях составил две страницы от протокола допроса (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-26810. Л. 33–55). Сходная ситуация и с допросами Г.С. Зайделя. На первых трех, проводимых следователями ЛО НКВД, он отрицал любую террористическую деятельность, но показал об арестах в кругу московских и ленинградских троцкистов, не отрицая своей связи с ними по работе и личным знакомствам (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-26810. Л. 14–63). На допросе 5 июня 1936 г., который проводил Б.Д. Берман, он дал показания о сети террористических ячеек в тех же научных учреждениях Ленинграда, дополнив список организациями в ИКП, ФТИ, ИИЕТ, ИЯМ и Академии им. Толмачева. Методом борьбы всех многочисленных участников обозначенных ячеек был признан «индивидуальный террор» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-26810. Л. 64–108).

Совершенно четко прослеживаются закономерность и последовательность в проведении последующих следственных мероприятий, которые строились уже на данных полученных ранее. На первых допросах все обвиняемые категорически отрицали свою «вину» и отказывались признавать выдвигаемые им обвинения в том или ином объеме. Затем, по мере оказываемого давления, следователи практически всегда получали

необходимые для вынесения обвинения показания. Руководителем «террористической организации ГАИМК» был объявлен А.Г. Пригожин, в ее основной состав входили: Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков, В.С. Адрианов, С.Г. Томсинский, М.М. Цвибак, Г.С. Зайдель и другие сотрудники, круг которых расширился и варьировался на протяжении всего следствия. Судебные заседания проходили в течение ноября 1936 г. – февраля 1937 г. Подавляющее большинство обвиняемых было приговорено к расстрелу с полной конфискацией имущества, о чем в делах имеются справки Особых отделов спецотрядов НКВД. К заключению в исправительно-трудовых лагерях были приговорены: С.А. Лотте, Б.А. Латынин, Э.Г. Пригожина (вошла в состав первого «пропавшего Соловецкого этапа» и была расстреляна в Сандармохе 1 ноября 1937 г.), М.Ю. Пальвадре (вошла в состав того же этапа и была расстреляна в Сандармохе 2 ноября 1937 г.). Впоследствии все проходившие по «Делу террористической группы ГАИМК» были реабилитированы за отсутствием состава преступления, справки о пересмотрах дел фиксируются, начиная с 1956 г.

Уничтожение всего руководящего состава ГАИМК в 1936–1937 гг., высылки и аресты сотрудников полностью «обескровили» Академию, что привело к потере авторитетных позиций ГАИМК в области научно-методического руководства и планирования археологических исследований на территории России. В 1937 г. Академия была включена в состав АН СССР на правах рядового научного института и потеряла статус самостоятельного учреждения, что открыло новую страницу в истории российской археологической науки и оказало существенное влияние на дальнейшую институционализацию отечественной археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Панкратова Е.Г., 2019. Террористическая организация ГАИМК (1936 год): обзор следственного дела // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 263–276.

Е.Ю. Захарова
(Воронеж)

У ИСТОКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (1918 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-х ГОДОВ): НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

«Научная школа» относится к числу тех понятий, которые имеют широкое употребление при отсутствии однозначного определения. В связи с этим считаю необходимым предварить характеристику ситуации, сложившейся в воронежской археологии в 1910 – 1920-е гг., перечислением базовых, на мой взгляд, критериев/признаков научной школы, которые далее и проиллюстрирую. Научная школа предполагает совместную деятельность коллектива ученых с общей программой исследований под руководством признанного лидера; ее задачами являются воспроизводство знаний и научных кадров. Как любому явлению, научной школе присущи стадии формирования и расцвета, на каждой из которых ее деятельность может прекратиться.

Ко второму десятилетию XX в. воронежское краеведческое сообщество представляло собой не только организационно оформившийся (с 1900 г. ведут свою историю ВУАК и ВЦИАК), но и вполне зрелый в исследовательском плане коллектив единомышленников, в деятельности которого заметное место занимала и археология. Бесспорным лидером воронежских краеведов этого времени являлся С.Е. Зверев³ (1860–1920) – выпуск-

³ Информацию справочного характера о нем и других воронежских деятелях см.: Воронежская..., 2009.

ник Московской духовной академии (1884), активно работавший и на археологическом поприще (раскопки с 1892 г., участие в ВАС с 1893 г., член МАО с 1906 г.).

Поначалу на заседании ВУАК было принято решение об учреждении в ее структуре под руководством правителя дел С.Е. Зверева специальной Комиссии по раскопкам в пределах Воронежской губернии (с 1902 г.); уже через год член ВУАК М.П. Трунов представил для обсуждения «Программу местных археологических курсов», которая предполагала организацию теоретических и практических занятий под руководством опытного археолога от ИАК или другого столичного общества. Значимость курсов определялась не только организацией на должном уровне археологических исследований в крае, но и привлечением учащейся воронежской молодежи, из которой, по мнению М.П. Трунова, вырастет впоследствии, «если не армия археологов, то поколение граждан, сознательно относящихся к дорогим памятникам прошлого». В известной степени реализацией данной инициативы можно считать работы в губернии А.А. Спицына (1905, 1906 гг.), а затем и показательные раскопки в Валуйках С.Ф. Платона (1909 г.) «для демонстрации сего дела <...> членам учительского съезда» после чтения лекций по русской истории.

Стремление краеведов вырастить себе преемников обусловило достаточно широкое привлечение к своим работам воронежской молодежи из числа кадетов, гимназистов и студентов (к примеру, так приобщился к археологии в 1915 г. гимназист С.Н. Замятин; в экскурсиях/разведках М.П. Трунова постоянно сопровождал кто-либо из студентов). Преподаватели Михайловского кадетского корпуса, где служил и С.Е. Зверев, сознательно организовывали летние лагеря вблизи археологических памятников и находили время не только для военного дела (в 1905, 1906 гг. кадеты участвовали в раскопках курганов Лысогорского могильника «близ кадетских лагерей»; в 1907 г. – в раскопках «могильника у Маяцкого городища»). По стопам своего отца пошел старший сын С.Е. Зверева – Михаил, окончивший в 1916 г. историко-филологический факультет Московского университета и связавший свою жизнь с еще одним детищем С.Е. Зверева – Губернским музеем.

В это же время (первые десятилетия XX в.) представители воронежской общественности «с большим упорством и тщательностью» продолжали развивать идею об учреждении в Воронеже университета. Она впервые получила огласку еще в середине 1860-х гг., но всерьез местные органы управления занялись этим вопросом с 1906 г. (Карначёв, 2003). Поскольку длительное время положительного решения не было, с 1916 г. ВУАК предпринимает усилия по созданию в Воронеже отделения Московского археологического института. Как итог, в 1918 г. состоялось открытие в Воронеже университета, в 1920 г. – филиала МАИ.

В структуре университета был историко-филологический факультет, располагавший обширной библиотекой и уникальными коллекциями древностей и изящных искусств; ректором был избран историк, профессор В.Э. Регель – выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик В.И. Ламанского и В.Г. Васильевского, член-корреспондент Академии наук (1898). «Принадлежит к числу крупнейших византистов Европы» – такова оценка деятельности В.Э. Регеля в современной историографии (Л.П. Лаптева, И.П. Медведев). Его профессиональному росту способствовали и собственные раскопки во Фракии и Малой Азии (Вифинии) во время зарубежных командировок 1880-х гг., результаты которых нашли отражение в серии статей для «Журнала Министерства народного просвещения». По мнению известного антиковеда А.И. Немировского, «эти первые русские археологические исследования на территории Малой Азии стали гордостью отечественной науки». Конечно, пока В.Э. Регель был на посту ректора, у него не было возможности продолжать свою исследовательскую и педагогическую деятельность, но ее приоритет для ученого подтверждается тем фактом, что после отставки (исключительно по политическим мотивам) он еще в течение года принимал усилия для спасения университетского музея древностей и изящных искусств,

став его директором. Об авторитете В.Э. Регеля в масштабах российского научного сообщества свидетельствует включение его в Комитет порайонного описания страны во главе с академиком А.Е. Ферсманом под эгидой Российской академии наук (февраль 1920 г.). В 1926 г. после «отчисления от должности директора музея» В.Э. Регель покинул Воронеж.

К этому времени в университете уже не было историко-филологического факультета (историческое отделение закрыто в 1919 г., филологическое – в 1921 г.), факультета общественных наук (1919–1923). Развитие получил лишь созданный в 1921 г. многопрофильный педагогический факультет, для общественно-экономического отделения которого сохранялись незначительные кадры историков. Эвакуированные из Юрьева библиотечные фонды в основном были возвращены в 1920 г. получившей независимость Эстонии, а музейные коллекции, с середины 1920-х гг. ставшие ненужными университету, под угрозой вывоза из Воронежа в 1933 г. были переданы в Областной художественный музей.

Как же сложились судьбы других профессоров-гуманитариев, приехавших из ликвидированного Юрьевского университета? Поначалу они были полны сил и оптимизма, несмотря на суровые реалии военного времени: активно взялись налаживать работу нового университета – «рассадника высшей науки» и поддержали неутомимых краеведов: вошли в состав руководства музеем, инициировали новые проекты. В частности, авторитетный специалист по истории Великого княжества Литовского, ученик С.Ф. Платонова профессор И.И. Лаппо нашел время и для заведования историко-археологическим отделом Губернского музея, и для работы в качестве уполномоченного Главархива, и для разработки проекта по созданию института для изучения воронежского края в прошлом и настоящем (в октябре 1919 г. он покидает Воронеж). Известный филолог и искусствовед, прекрасный знаток сюжетов рисунков на античной керамике – «профессор античных искусств», по определению студентов, Э.Р. Фельсберг, возглавлявший музей изящных искусств в Юрьевском университете, приступил к разворачиванию этой работы и в Воронеже, одновременно руководя художественным отделом Губернского музея. Вместе с ним некоторое время работал и верный ученик – ассистент Петерис Кикаука (осенью 1919 г. покинул Воронеж). Сам Э.Р. Фельсберг весной 1920 г. уехал в получившую независимость Латвию. Около года, вплоть до смерти в 1919 г., в Воронежском университете учился на медицинском факультете и одновременно продолжал научную деятельность первый из российских этрускологов – А.Г. Бекштрем.

Воронежское отделение МАИ, к работе в котором были привлечены и ученые из Москвы, профессора закрытых гуманитарных факультетов Воронежского университета и опытные краеведы, просуществовало до июня 1922 г. В течение следующего учебного года работали историко-археологические курсы при Воронежском историко-археологическом обществе, «преследующие специальную цель подготовки работников – специалистов в области изучения археологии и исследования родного быта и старины». Летом 1923 г. набор уже не проводился (*Акинъшин и др.*, 2004).

Но даже столь ограниченные возможности получения гуманитарного образования использовали молодые воронежцы, интересовавшиеся археологией (С.Н. Замятнин, Д.Д. Леонов, М.Е. Фосс). Все они переходили с факультета на факультет по мере их реорганизации и в то же время учились на археологическом отделении филиала МАИ. Однако после 1923 г. продолжение профессиональной подготовки требовало от воронежцев переезда в столичные города. Со второй половины 1920-х гг. усилиями очень незначительной группы преподавателей в университете поддерживалось почти бессистемное преподавание истории (*Акинъшин*, 2013), об археологической составляющей и вовсе говорить не приходится.

Таким образом, после нескольких лет советской власти (когда на короткий срок складывались благоприятные условия для формирования в Воронеже профессионального археологического сообщества) в городе остается единственное учреждение – Губернский

музей. В его деятельности усилиями опытных краеведов дореволюционной генерации М.К. Паренаго, Т.М. Олейникова, а также принявшими эстафету Д.Д. Леонова, Н.В. Валукинского сохранялось археологическое направление. Но музеем была уже подготовлена участь «политпросветкомбината», в структуре которого для отдела археологии и истории достаточно было одного сотрудника.

ЛИТЕРАТУРА

- Акинъшин А.Н.*, 2013. Историки в Воронежском университете в 1918–1941 гг. // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2013. № 2. С. 190–194.
- Акинъшин А.Н. и др.*, 2004. Акинъшин А.Н., Алленова В.А., Сафонов И.Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920–1923 гг.) // Исторические записки. Вып. 10. Воронеж: ВГУ. С. 129–161.
- Воронежская..., 2009. Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии. Изд. 2-е, испр. и доп. / Гл. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края. 518 с.
- Карпачёв М.Д.*, 2003. Воронежский университет: Вехи истории, 1918–2003. Воронеж: ВГУ. 470 с.

И.В. Исланова
(Москва)

ИССЛЕДОВАНИЯ Н.И. ГУМИЛЕВСКОГО В ВЫШНЕВОЛОЦКОМ УЕЗДЕ. ПРЕДЫСТОРИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛЕВОЙ ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ⁴

Николай Иванович Гумилевский – краевед, археолог-исследователь известен преимущественно работами в Кемеровской области, в Краснодарском крае и Адыгее (*Ткачёв*, 2016. С. 87; *Сохарева*, 2020). Однако первые полевые работы им были проведены на Северо-Западе Европейской части России: на Верхней Мсте и в ее бассейне в Вышневолоцком уезде Тверской губернии (совр. Тверской области). О вышневолоцком периоде исследователя в литературе имеются только отрывочные и не всегда точные сведения.

Н.И. Гумилевский (1891–?) родился в с. Рогозно Гродненской губернии. Окончил курс Литовской семинарии и с 1914 по 1916 гг. учился в Киевском Коммерческом институте на экономическом отделении, закончить который ему не удалось в связи с революционными событиями и из-за болезни (туберкулез). В 1921 г. он поступил на работу в начальную Олехновскую школу Вышневолоцкого уезда, а с 1922 по 1934 г. он – учитель и заведующий (до 1931 г.) в начальной и потом в школе крестьянской молодежи с. Алексеевское. Преподает географию, биологию, химию, сельское хозяйство и параллельно проводит полевые археологические исследования по берегам р. Мсты и близлежащих озер. В 1934–1935 гг. он работает в фабрично-заводской семилетке в г. Вышний Волочёк. Известно, что, помимо полевых работ, в это время Н.И. Гумилевский проводил экскурсии в Вышневолоцком краеведческом музее. Наверное, тогда же им были переданы в музей многочисленные кремневые изделия и керамика из шурфов и сборов во время походов с учащимися, хранившихся ранее в школьном музее с. Алексеевское.

В 1935 г. Н.И. Гумилевский неожиданно уезжает в Кемеровскую область. Отъезд, по всей видимости, был связан с возникшей сложной ситуацией из-за отстранения от должности заведующего музеем В.Е. Воскресенского после ареста его брата. В июле 1949 г., работая уже в Адлерском районе Краснодарского края, Н.И. Гумилевский на несколько дней приезжает в г. Вышний Волочёк. Вместе А.Х. Репманом, возглавившим Вышневолоцкий музей в 1947 г., они обследуют выявленные им ранее стоянки на

⁴ НИОКТР 122011200267-0 «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)».

одном из островов Вышневолоцкого водохранилища, а также на берегах оз. Пудоро и р. Пуйги. В архиве Вышневолоцкого музея сохранились дневник и фотографии, сделанные А.Х. Репманом во время этих поездок. Фактически Н.И. Гумилевский тогда передает А.Х. Репману эстафету полевых исследований в регионе. Директор музея также составил опись и отданных рукописных материалов: текстовую характеристику стоянок и курганов, их планы, карандашные рисунки Степуриных курганов, сводную карту с пронумерованными обследованными древностями.

Н.И. Гумилевским в Верхнемстинском регионе было выявлено не менее 78 памятников эпох камня и бронзы, названных стоянками. На так называемой стоянке № 14 были найдены и артефакты раннего Средневековья. Также обследованы четыре дьяковских городища, три из которых (Пуйга, Черенцово и «Узи») не были известны в археологической литературе. Локализовано пять скоплений из курганных групп, относящихся к культуре псковских длинных курганов.

К результатам этих разведок и к полученным материалам неоднократно обращались археологи-профессионалы в публикациях и монографических работах для характеристики древностей лесной зоны эпохи камня и раннего железного века (П.Н. Третьяков, С.Н. Замятнин, В.В. Фёдоров, Л.Я. Крижевская, М.П. Зимица). Особое следует отметить сотрудничество Н.И. Гумилевского с Н.В. Сибилёвым, П.Н. Третьяковым и В.В. Фёдоровым. Н.В. Сибилёв в 1927 г. проводил разведки на правобережье Верхней Мсты (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1927. Д. 202). Н.И. Гумилевский познакомил его с некоторыми из выявленных стоянок и курганов. На наиболее перспективный для исследований объект – стоянку № 17 на оз. Пудоро – археологи возвращались неоднократно. В 1931 г., видимо, при участии Н.И. Гумилевского, здесь заложил 9 шурфов сотрудник МАЭ В.В. Фёдоров (*Фёдоров*, 1953). А в 1946 г. Л.Я. Крижевской раскопом было вскрыто 60 кв. м (НА ИА РАН. Р-1. № 66).

Самыми продуктивными явились полевые обследования Н.И. Гумилевского вместе с П.Н. Третьяковым. В 1929 г., после письма Н.И. Гумилевского в ГАИМК, из г. Ленинграда в Вышневолоцкий уезд был командирован молодой научно-технический сотрудник этого учреждения – будущий известный ученый. Анализ почерка в рукописной тетради и графики на планах, хранящихся в Вышневолоцком музее, с дневником П.Н. Третьякова (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1929. Д. 271) позволили выяснить, что именно ленинградским исследователем тогда и была составлена документация на обнаруженные Н.И. Гумилевским 42 стоянки. В дальнейшем, уже при характеристике новых объектов, краевед опирается на эти образцовые для того времени описания. Некоторые материалы и наблюдения, сделанные в этой разведке, и часть карты с номерами стоянок были опубликованы П.Н. Третьяковым в программной статье по древностям лесной зоны эпох камня, бронзы и раннего железного века (*Третьяков*, 1935. С. 104–106, 152–153).

Созданный разведками задел по исследованию Верхнемстинского региона стал основой для последующих детальных работ, которые в 1950-е – 1960-е годы в регионе проводил А.Х. Репман, тесно контактировавший с экспедицией ГИМа под руководством М.В. Фехнер. В 80-е годы XX в. на большинство памятников, открытых Н.В. Гумилевским были составлены паспорта. В процессе дообследований стоянок, городищ и курганов сотрудники Историко-археологической экспедиции Калининского университета опирались на документацию, составленную в 1920-х–1930-х годах XX в., что позволило значительно сократить тогда сроки проведения полевых работ в регионе. Выявленные Н.В. Гумилевским объекты занимают существенное место в своде древностей, составленном в 1976 г. А.Х. Репманом, и в разделе по Вышневолоцкому району Археологической карты Тверской области (АКР, 2010. С. 54–13).

ЛИТЕРАТУРА

- АКР, 2010. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 3 / Авт.-сост. Кашкин А.В., Комаров К.И., Король Г.Г., Нефёдов В.С., Патрик Г.К., Янишевский Б.С. / Под ред. Г.Г. Король. М.: ИА РАН. 312 с.
- Сохарева О., 2020. Изучить свой край, чтобы знать и любить // Газета «Кузбасс», 8 августа.
- Ткачёв А.Н., 2016. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.) Библиографический словарь-справочник. Краснодар: 346 с.
- Третьяков П.Н., 1935. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Бадер О.Н., Воеводский М.В. и др. Из истории родового строя на территории СССР. Известия ГАИМК. Вып. 106. Л.: С. 97–180.
- Фёдоров В.В., 1953. К вопросу «о кремневых складах» в неолитическое время // МИА. № 39. С. 286–292.

А.Р. Канторович
(Москва)

А.В. АРЦИХОВСКИЙ И ПЕРВЫЙ ВЫПУСК КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ (1940 ГОД)

В 1937 г. основатель кафедры археологии исторического факультета МГУ А.В. Арциховский начал читать годовой курс «Основы археологии» для студентов исторического факультета МГУ (Канторович, 2022. С. 288–290), а в 1939 г. ввел официальную специализацию по кафедре археологии. Соответственно, 1939 г. считается годом основания кафедры.

Летом 1940 г. состоялся первый выпуск студентов кафедры, поступивших на исторический факультет в 1935 г. Это были пять человек: Иван Георгиевич Ерёмин (1908–1981), Александр Львович Монгайт (1915–1974), Иван Захарович Птицын (1910–1944), Илья Абрамович Таубин (1917–1941) и Георгий Борисович Фёдоров (1917–1992). Все они впоследствии воевали на фронтах Великой Отечественной войны. И.З. Птицын и И.А. Таубин погибли на полях сражений. А.Л. Монгайт и Г.Б. Фёдоров стали одними из ведущих археологов страны, сотрудниками Института археологии АН СССР, крупнейшими популяризаторами археологической науки.

В архиве кафедры археологии исторического факультета МГУ хранятся рецензии на дипломные сочинения (они именовались «курсовые работы» 5-го курса) вышеперечисленных выпускников кафедры. Все отзывы написаны А.В. Арциховским, который был не только единственным рецензентом, но и научным руководителем всех пятерых дипломантов, поскольку к моменту начала работы студентов над дипломами он был единственным специалистом по археологии на историческом факультете МГУ. В этой ситуации вполне естественно, что все дипломы первого выпуска были посвящены древнерусской тематике, вот их перечень:

«Охота на Руси в X–XIV вв.» (И.Г. Ерёмин);

«Русская артиллерия в XIV–XVI вв.» (А.Л. Монгайт);

«Троицкий монастырь как крепость» (И.З. Птицын);

«Кузнечное дело и орудия труда древней Руси» (И.А. Таубин);

«Нумизматические материалы к истории борьбы Москвы с Тверью, Новгородом Великим и Нижним Новгородом» (Г.Б. Фёдоров).

Содержание отзывов А.В. Арциховского дает ясное представление о задачах, которые он ставил перед своими учениками, перед выпускниками кафедры в целом, а также перед самим собой как научным руководителем студенческих квалификационных работ.

Как указал Артемий Владимирович в своей общем обзоре дипломных работ, предвзято конкретные отзывы, «при руководстве работами особое внимание обращалось на то, чтобы археологическая проблематика не была оторвана от общеисторической, и

все темы изучались в тесной связи с социально-экономической историей древней Руси» (Архив... Оп. 1. Д. 8. Л. 1)⁵. Было особо отмечено, что «все работы выполнены не только по литературе, но и по музейным материалам» (Там же). Также А.В. Арциховский стремился к тому, чтобы дипломное сочинение было продолжением исследования, начатого студентами на 4-м курсе, причем, как указано в обзоре, ему пришлось за два года провести по несколько десятков консультаций по каждой из работ. В связи с этим Артемий Владимирович отметил: «В будущем году [имеется в виду 1940/1941 учебный год. – А.К.] к руководству курсовыми работами теперешнего IV курса будут привлечены и другие преподаватели кафедры (профессор С.В. Киселёв, доценты В.Д. Блаватский, М.В. Воеводский и Б.А. Рыбаков)» (Архив... Оп. 1. Д. 8. Л. 2).

В целом все пять выпускных работ были оценены А.В. Арциховским положительно как удовлетворяющие требованиям, предъявляемые к «курсовым работам». При этом Артемий Владимирович особо выделил дипломные сочинения А.Л. Монгайта и Г.Б. Фёдорова, отметив глубину этих исследований и их высокий научный уровень (Архив... Оп. 1. Д. 8. Л. 1). В частности, А.В. Арциховский указывает, что работа А.Л. Монгайта «представляет собой серьезное и зрелое научное исследование. Все основные вопросы, связанные с ранней историей нашей артиллерии, решены заново и убедительно, на основе исчерпывающего изучения источников, многие из которых еще не привлекались исследователями <...>. И всюду в равной мере автор сумел связать историю пушек с историей войн и со всей историей страны. Письменные и археологические источники использованы одинаково умело» (Архив... Оп. 1. Д. 10. Л. 4). Рецензент положительно оценил стиль дипломного сочинения, его «ясный и точный язык, а также тщательность аппарата» (Архив... Оп. 1. Д. 10. Л. 4). В архиве имеются два варианта машинописных отзывов А.В. Арциховского на работу А.Л. Монгайта, более краткий из них завершается словами: «Работа заслуживает напечатания и премии» (Архив... Оп. 1. Д. 10. Л. 1).

Ту же рекомендацию относительно опубликования и премирования содержит машинописный отзыв на дипломное сочинение Г.Б. Фёдорова (Архив... Оп. 1. Д. 8. Л. 12). Относительно данной работы А.В. Арциховский в другом своем отзыве – рукописном – отмечает, что она «по своему научному уровню, конечно, превышает предъявляемые к курсовым работам требования и является ценным вкладом в историографию собирания Руси»; при этом указано, что «работа, к сожалению, написана тяжелым и небрежным языком». (Архив... Оп. 1. Д. 8. Л. 11). В официальном же машинописном отзыве на работу Г.Б. Фёдорова мы не встречаем замечаний относительно стиля работы, зато усилен акцент на компетентности автора («Обильная нумизматическая информация использована исчерпывающе») и на научной новизне исследования, которое, по мнению А.В. Арциховского, «является первым серьезным опытом привлечения к вопросам политической истории нумизматических данных. Убедительно показано, как отдельные этапы развития и борьба двух великих княжеств находили свое отражение в монетном чекане, в частности, в эмблематике и титулатуре» (Архив... Оп. 1. Д. 8. Л. 12).

Таким образом, А.В. Арциховским перед студентами кафедры в качестве приоритетных ориентиров при работе над дипломными сочинениями ставились такие их характеристики, как историзм и новизна исследований, высокое качество источниковедческого анализа, историографическая полнота. По сути, основные принципы научного руководства и рецензирования, выработанные основателем кафедры археологии и ее первым заведующим, послужили в дальнейшем неизменным критерием в системе подготовки ее выпускников, гарантией их профессионализма и высокой квалификации.

⁵ Архив... – Архив кафедры археологии МГУ // Кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

ЛИТЕРАТУРА

Канторович А.Р., 2022. Лекционные курсы А.В. Арциховского на историческом факультете МГУ как один из важнейших этапов археологического образования // *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. VI / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 288–300.

Ю.Ю. Каргин
(Балаково)

У ИСТОКОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (1954–1964 ГОДЫ)

Волгоградская археологическая школа сформировалась в 1960-е гг. Главным государственным учреждением, отвечавшим за охрану и изучение историко-культурного наследия региона, тогда был Сталинградский (с 1961 г. – Волгоградский) областной краеведческий музей (СОКМ/ВОКМ). После Великой Отечественной войны он находился в г. Камышин, его восстановлением и развитием занимался его директор А.И. Митрофанов (1903–1962).

В начале Сталинградской битвы почти полностью погибла археологическая коллекция СОКМ, однако А.И. Митрофанову, даже в эвакуации, удалось наладить краеведческую и собирательскую работу. Активное участие в ней принимали школьники: для них были организованы археологический и краеведческий кружки, а по разработанным музеем маршрутам проводились экспедиции-экскурсии. На должность музейного археолога, в силу объективных причин, тогда принимались люди без необходимой профессиональной подготовки, ощущалась нехватка площадей для экспозиций и фондохранилища. Все это осложнялось удаленностью музея от регионального центра, что затрудняло логистику сотрудников, а также коммуникацию с другими учреждениями и организациями. Чрезвычайно досадным стал тот факт, что сотни интереснейших и ценных находок Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР (1951–1955, 1957), работавшей в зоне строительства Сталинградской ГЭС, водохранилища и канала Волга–Урал, вывозились за пределы региона и передавались на хранение в другие музеи – ГИМ, Эрмитаж и СОМК (*Каргин*, 2022). В 1953 г. облисполком, наконец, удовлетворил просьбу А.И. Митрофанова о возвращении музея в Сталинград, но сам переезд состоялся лишь в октябре следующего года.

Погруженность сотрудников в организационные вопросы, решение которых продолжалось до осени 1955 г., не позволила музею использовать потенциал Сталинградской экспедиции для формирования в своей среде местных специалистов. Второй шанс появился благодаря личной заинтересованности в продолжении раскопок на территории региона В.П. Шилова, руководителя одного из отрядов этой экспедиции. 17 апреля 1955 г. он обратился в Управление культуры Сталинградского облисполкома, кратко описав результаты своих исследований и предложив уже летом организовать раскопки курганов у г. Ленинск. Все полученные материалы предполагалось отдать в СОКМ при условии софинансирования работ (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1 – 1955. Д. 170. Л. 8).

Письмо было написано в разгар капитального ремонта музейных помещений и подготовки новой экспозиции, поэтому ответ на него был составлен в пространной форме, а экспедиция в 1955 г. не состоялась (Там же. Л. 12–13). Тем не менее, заинтересованный в положительном решении этого вопроса А.И. Митрофанов смог добиться увеличения бюджета музея для финансирования полевых исследований на территории области уже со следующего года (Там же. Оп. 1 – 1956. Д. 186. Л. 10).

Таких же договоренностей В.П. Шиллов достиг и с Астраханским краеведческим музеем (АКМ), что позволило ему создать Астраханскую археологическую экспедицию ЛОИИМК АН СССР (с 1957 г. – ЛОИА АН СССР): в 1956–1958 и 1963 гг. она проводила

масштабные раскопки в волгоградском Заволжье, в 1959–1960 гг. – на Среднем Дону и его притоке р. Медведице, а с 1960 г. – в треугольнике между Волгоградом, Астраханью и Ростовом-на-Дону. В 1956–1958 гг. старшими лаборантами в экспедиции работали сотрудница ИИМК АН СССР Л.Я. Маловицкая, сотрудник АКМ В.А. Филипченко и сотрудница СОКМ, жена его директора В.Б. Митрофанова (Лившиц) (НА ИА РАН. Р-1. № 1976, 1976а. С. 2). После завершения сезона «музейщики» выезжали на заседания научной сессии пленума ИИМК (с 1957 г. – ИА) и Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященные итогам полевых исследований (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1 – 1957. Д. 203а. Л. 10).

Работы в Заволжье позволили В.П. Шилову и А.И. Митрофанову обратить внимание на плачевное состояние золотоордынского городища у с. Царёв. В течение 1957 г. предпринимались попытки наладить его охрану: Н.Я. Мерперт, Б.Б. Пиотровский, В.П. Шилов и А.И. Митрофанов направляли письма председателю Сталинградского облисполкома и министру культуры РСФСР, были составлены акт о состоянии памятника и смета на его исследование (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1. 1956. Д. 191). В результате ИА АН СССР, СОКМ и КазГУ приняли решение о создании комплексной Поволжской археологической экспедиции, которую возглавили сотрудники ИА и МГУ – д.и.н. А.П. Смирнов и к.и.н. Г.А. Фёдоров-Давыдов (Там же. Оп. 1 – 1957. Д. 203а. Л. 14–15). Уже в следующем 1958 г. в ходе этой экспедиции был проведен осмотр Царёвского городища, составлены его описание и приблизительный план, определены наиболее перспективные участки для изучения стратиграфии культурных напластований. Раскопки здесь проводились с 1959 по 1968 г., а также в 1971 и 1973 гг., основная часть полученных материалов после камеральной обработки поступила в фонды ВОКМ.

Несмотря на продолжение и расширение активной собирательской, просветительской и туристической деятельности музея при содействии ОблДЭТС (рук. Р.Г. Ежкова), условия для подготовки местных археологов возникли лишь благодаря встречной инициативе его директора А.И. Митрофанова и руководителей столичных экспедиций – В.П. Шилова и Г.А. Фёдорова-Давыдова. Ключевым событием на пути к этому стало создание при отделе дореволюционного прошлого СОКМ научного кружка юных краеведов и археологов. Кружок был организован в 1958 г. совместно с кафедрой истории историко-филологического факультета СГПИ. Вела его доцент Д.И. Нудельман, которая одновременно возглавила историко-археологическую секцию при музейно-краеведческом совете, сформированном по инициативе А.И. Митрофанова еще в 1955 г. (ГАВО, Ф. 6598. Оп. 1 – 1958. Д. 220. Л. 7–8, 17). Занимавшиеся в кружке студенты ежегодно участвовали в столичных экспедициях и готовили научные доклады.

Старостой Д.И. Нудельман сразу же назначила энергичного и талантливого студента В.И. Мамонтова. Уже в 1959 г. вместе со своим другом Б.П. Захаровым он участвовал в раскопках курганов между г. Михайловка и ст. Арчединская, проводимых Астраханской экспедицией (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1 – 1958. Д. 190. Л. 45). В 1960 г., благодаря своей активности, оба студента, наряду с Л.Я. Маловицкой и В.А. Филипченко, уже числились в экспедиции старшими лаборантами, а должность младшего научного сотрудника была закреплена за сотрудницей Эрмитажа И.П. Засецкой (НА ИА РАН. Р-1. № 2155, 2155а. С. 2). Кроме того, в составе Южно-Донской экспедиции (рук. В.П. Шилов) В.И. Мамонтову было доверено вести полевой дневник, где он фиксировал информацию о раскопках курганов № 11 и 14 у ст. Елизаветовская Ростовской области (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1 – 1960. Д. 58). В дальнейшем он регулярно участвовал во всех выездах, делал дневниковые записи, чертежи и зарисовки (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1 – 1964. Д. 292. Л. 45). В 1962 г. вместе с В.И. Мамонтовым в поле впервые выехал перешедший на второй курс студент ВГПИ, будущий археолог И.П. Лисицын (НА ИА РАН. Р-1. № 2380, 2380а. С. 2), а в 1963 г. – учившиеся на год младше А.С. Скрипкин и Н.С. Чернышев (*Скрипкин*, 1998. С. 4). В.И. Мамонтов и А.С. Скрипкин, ставшие впоследствии самыми известными археологами региона, в своих очерках вспоминали незаурядные личные

качества, исследовательские и педагогические методики своего учителя В.П. Шилова, который открыл им путь в археологию и содействовал дальнейшему профессиональному становлению (Мамонтов, 2015. С. 7–118; Скрипкин, 1994. С. 199–200; 1998).

После неожиданной смерти директора СОКМ А.И. Митрофанова в мае 1962 г. на его место был назначен уроженец Камышина (в 1937 г.), недавний выпускник СГУ Ю.Н. Константинов, который вскоре принял Б.П. Захарова и В.И. Мамонтова на должности археолога и художника. Кадровые перестановки на этом, однако, не закончились: 20 апреля 1963 г. по собственному желанию ушла заведующая фондами В.Б. Митрофанова, а 20 июля уволился археолог Б.П. Захаров, по путевке Министерства просвещения направленный на работу в г. Магадан. Его должность досталась В.И. Мамонтову, вскоре ставшему заведующим отделом дореволюционного прошлого. Новый директор активно занимался организационной и просветительской деятельностью, выезжал в археологические экспедиции, однако 3 сентября 1963 г. был уволен, а его место занял Е.В. Перепелицын (ГАВО. Ф. 6598. Оп. 1 – 1963. Д. 270. Л. 23–26, 52–53). Затянувшаяся кадровая «чехарда» в 1963 г. привела к срыву плана научно-исследовательской работы, что, однако, не помешало В.И. Мамонтову заново организовать при музее кружок юных археологов из школьников города (Там же. Л. 56). Уже в следующем 1964 г. по рекомендации своего учителя В.П. Шилова он получил свой первый Открытый лист на самостоятельные раскопки курганных могильников в Заволжье и одновременно провел несколько разведочных походов. Помимо школьников, в них участвовали студенты ВГПИ И.П. Лисицын, А.С. Скрипкин и В.Г. Кожевников (НА ИА РАН. Р-1. № 2843, 2843а).

Таким образом, благоприятные условия для формирования Волгоградской археологической школы сложились после возвращения СОКМ в Сталинград, а также благодаря встречным инициативам его директора А.И. Митрофанова и столичного археолога В.П. Шилова, имевшего опыт раскопок на территории области. Их взаимодействие привело к созданию Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР, а затем – Поволжской экспедиции ИА АН СССР, МГУ и КазГУ, которые долгие годы финансировались за счет целевых средств, выделяемых музеем из регионального бюджета. Несмотря на то, что сам музей уже имел опыт археологической деятельности и при участии ОблДЭТС активно работал со школьниками и краеведами, столичные экспедиции позволили пополнить его фонды тысячами новых экспонатов, а после создания при нем студенческого кружка юных краеведов и археологов стали «кузницей кадров», определив жизненный путь целой плеяды выдающихся выпускников ВГПИ. Это позволило новому директору музея Ю.Н. Константинову рекрутировать в штат уже подготовленных специалистов – Б.П. Захарова и В.И. Мамонтова.

ЛИТЕРАТУРА

- Каргин Ю.Ю., 2022. «С чистого листа» или археология в Сталинградском областном краеведческом музее в период пребывания в Камышине (1946–1954 годы) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 105–119, 461, 512.
- Мамонтов В.И., 2015. «Дела давно минувших дней...». Волгоград: Издатель. 264 с.
- Скрипкин А.С., 1994. Очерк по истории Волгоградской археологии. Начало // ДВДС. Вып. 4 / Сост. и науч. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена. С. 197–204.
- Скрипкин А.С., 1998. В.П. Шилов – исследователь древней истории Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 1 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 4–8.

С.М. Киреев
(Горно-Алтайск)

**АРХЕОЛОГИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
В 20–50-х ГОДАХ XX ВЕКА И ИХ КОНТАКТЫ
С ВЕДУЩИМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ ШКОЛАМИ СТРАНЫ**

Национальный музей Республики Алтай⁶ (1922–1932 гг. – Ойротский, 1932–1948 гг. – Ойрот-Туринский, 1948–1990 гг. – Горно-Алтайский областной краеведческий) был основан в октябре 1918 г. Начало формирования музейного фонда, в том числе и археологического, было связано с приобретением научной библиотеки, архива, минералогической, палеонтологической коллекций барнаульских краеведов С.И. и Н.С. Гуляевых (Тышкина, 2010, С. 132–136). Горный Алтай еще с XIX в. привлекал ученых, путешественников, археологов огромным количеством древних объектов. Трудями К.Ф. Ледебура, В.В. Радлова, Г.И. Спасского, Н.М. Ядринцева, А.В. Адрианова и других исследователей Алтай к началу XX в. получил широкую известность. Учитывая эти обстоятельства, археологическое направление в деятельности музея всегда имело особый приоритет. В 20–30-х гг. XX в. в музее практически одновременно работало несколько уже сложившихся или будущих профессиональных археологов: В.И. Левин, А.В. Якубский, Г.П. Сергеев, С.М. Сергеев, имевшие тесное сотрудничество и осуществлявшие совместные работы с известными в СССР археологами С.И. Руденко, Г.П. Сосновским, М.П. Грязновым, С.В. Киселёвым. В июне-июле 1924 г. будущий исследователь антропологии народов Северного Кавказа В.И. Левин проводил раскопки погребений скифского времени, обнаруженных в черте города. Эти раскопки совпали с первым посещением Алтая С.И. Руденко и молодой, но уже известный ленинградский ученый в течение 6–8 июля оказался вовлеченным в раскопочный процесс. В дневнике В.И. Левина отмечены консультации, методическая помощь и руководство работами со стороны С.И. Руденко: «Руденкой производится измерение могил, положение погребений, высот местности, отдаленности от берега реки и т.д.». По окончании работ В.И. Левин передал материалы всех раскопок и отчет профессору С.И. Руденко, антропологические находки были отправлены в антропологический музей МГУ. В 20-е годы ученый неоднократно посещал музей, в библиотеке имеются два тома его работы «Башкиры. Опыт этнологической монографии» с автографами автора. В 1929 г. на заседании местного общества краеведов С.И. Руденко прочитал доклад «Об издании работ на Алтае и картах Ойротии» (Киреев, 2015. С. 25–27). В результате постоянных контактов с краеведческим музеем у С.И. Руденко установились тесные деловые отношения с сотрудниками музея, которые были продолжены в дальнейшем.

Недолгим, но плодотворным был период работы в Ойротском музее в 1932 г. Г.П. Сергеева, выпускника Ленинградского историко-лингвистического института, музееведа-археолога. Он провел первое обследование многослойного памятника Усть-Куюм, обнаруженного на берегу р. Катунь при строительстве Чемальского тракта, на котором вскрыто два погребения афанасьевской культуры и заложен небольшой раскоп, выявивший поселенческий культурный слой, относящийся к эпохе ранней бронзы. Отправленной в Ленинград копией отчета «Археологические работы у р. Куюм» заинтересовался известный археолог Г.П. Сосновский, что зафиксировано в его архивных документах. Приехавший в 1936 г. на Алтай Г.П. Сосновский и А.М. Виноградова провели более масштабные работы на памятнике и подтвердили выводы Г.П. Сергеева, отнеся куюмские материалы к алтайскому варианту афанасьевской культуры. Впоследствии Г.П. Сергеев проводил археологические исследования в Забайкалье, а с 1945 г., работая в Кишиневе в Республиканском краеведческом музее, открыл и изучил целый

⁶ С 1990 г. им. А.В. Анохина.

ряд памятников археологии региона, являясь признанным основателем краеведения Молдавской ССР.

Плодотворные научные взаимоотношения сложились и у участника экспедиций С.И. Руденко М.П. Грязнова с сотрудниками Бийского и Ойротского музеев. Михаил Петрович неоднократно посещал музеи, работал с их экспонатами и архивом. Директор Бийского, а в 1932–1937 гг. Ойротского музея, ученик И.Т. Савенкова и В.А. Городцова С.М. Сергеев, являвшийся первооткрывателем большей части археологических культур Алтая, принимал неоднократное участие в экспедициях М.П. Грязнова в 1925 и 1929 гг. по раскопкам могильников скифского времени Бийск I и Бийск II. В 1930 г. при раскопках погребений около с. Сростки С.М. Сергеев обнаружил палеолитические орудия. Несмотря на отказ Н.К. Ауэрбаха признать их палеолитический возраст, С.М. Сергеев сообщил о находках орудий в Эрмитаж. В 1935–1936 гг. Г.П. Сосновский исследовал 240 кв. м. площади памятника и подтвердил наличие крупной палеолитической стоянки. В 1936 г. С.М. Сергеев принял участие в раскопках экспедиции Г.П. Сосновского, часть находок в количестве 75 каменных артефактов была передана в Ойротский музей. Вершиной археологической деятельности С.М. Сергеева следует считать работу Второго отряда Саяно-Алтайской экспедиции ГАИМК и ГИМ под общим руководством С.В. Киселёва в зоне строительства Чуйского тракта (*Киреев, 2022. С. 244–251*). В окрестностях сел Туекта и Быстрянского были сделаны уникальные находки, частично опубликованные С.В. Киселёвым в его монографии (*Киселёв, 1951, С. 329–330, 530, 540–542; Табл. LI*). В 1936 г. многие предметы из раскопок Второго отряда Саяно-Алтайской экспедиции экспонировались на выставке, посвященной работе XV Пленума ГАИМК, на которой также был представлен отдельный информационный щит Ойротского музея.

Прерванные событиями 30-х гг. и Великой Отечественной войны научные связи музея с ведущими археологическими центрами страны возобновляются лишь в 50-е годы, когда С.И. Руденко вернулся к своим исследованиям на Алтае, в которых принимали участие сотрудники Горно-Алтайского областного музея (*Руденко, 1960. С. 5*). Среди них была и выпускница Московского педагогического института им. К. Либкнехта Л.А. Давыдова – сотрудник, а затем многолетний директор музея. В 1950 и 1954 гг. в составе экспедиции АН СССР под руководством С.И. Руденко и А.А. Гавриловой она участвовала в раскопках курганов скифского времени Башадар, Туекта, Катанда, Усть-Канской палеолитической пещеры. В 1964–1966 гг. работала в составе Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С.С. Сорокина в южном Алтае. Итогом многолетних исследований стало составление археологической карты области и публикация брошюры «Археологические и исторические памятники Горного Алтая». В 1964 г. Л.А. Давыдова принимала участие в работе VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук.

Совместные работы в 20–50-х гг. XX в. с ведущими специалистами московской и ленинградской археологических школ обогащали сотрудников музея новыми методами исследований, приемами фиксации и описания артефактов, их интерпретации. Археологи музея осваивали создаваемые историко-культурные схемы, системы периодизации и датирования археологических культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Киселёв С.В.* 1951. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР. 542 с.
- Киреев С.М.* 2020. Обзор материалов о деятельности С.И. Руденко в Горном Алтае в собрании Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул: Изд-во Алт. Гос. ун-та. С. 6–14.
- Киреев С.М.* 2022. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина // Теория и практика археологических исследований. № 4 (34). Барнаул: Изд-во Алт. Гос. ун-та. С. 234–251.

Руденко С.И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 360 с.

Тишкина Т.В. 2010. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Изд-во Азбука. 288 с.

Л.Ю. Китова
(*Кемерово*)

ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА Б.Э. ПЕТРИ

О научной школе Б.Э. Петри (1884–1937) уже немало написано, в том числе и автором этих строк (*Китова, 2007. С. 17–31*). Тем не менее, не утихают дискуссии о направлении исследований этой школы: ее называют археологической, этнографической, этнологической, народоведческой, археолого-этнографической. Современные исследователи сомневаются и в том, можно ли назвать молодое научное сообщество, объединенное вокруг Б.Э. Петри, школой. В 2008 г. Г.И. Медведев напомнил, что впервые термин «иркутская школа» применил В.А. Городцов в 1929 г. при характеристике научного коллектива во главе с Б.Э. Петри (*Медведев, 2023*).

Исследуя развитие сибирской археологии в 1920 – 1930-е гг. мною было отмечено, что в начале 1920-х гг. сформировалось три местных научных, занимающихся археологическими исследованиями, центра: при Томском университете, в музее Приенисейского края в Красноярске, при Иркутском университете. И только в одном из центров была создана научная школа.

Исходя из взглядов лидера школы Б.Э. Петри, вероятно, правильнее называть ее палеоэтнологической, когда изыскания по археологии, этнографии, антропологии и географии дополняют друг друга. В начале XX в. эти взгляды были очень популярны в российской науке. Отец Б.Э. Петри, Эдуард Юльевич Петри, доктор медицины, с 1887 г. преподавал в Санкт-Петербургском университете первобытную археологию и был одним из зачинателей палеоэтнологического образования в России. Тем не менее, основоположниками этого направления в нашем Отечестве справедливо считаются Д.Н. Анучин и Ф.К. Волков.

Б.Э. Петри, выпускник географического отделения естественного факультета Санкт-Петербургского университета, будучи научным сотрудником МАЭ (1910–1917 гг.) несколько раз организовывал комплексные экспедиции в Сибирь. Целями изысканий были этнографические исследования среди бурят и археологические разведки и раскопки в Западном Прибайкалье. В ходе проведения первой экспедиции 1912 г. была открыта многослойная неолитическая стоянка рыболовов в бухте Улан-Хада на юго-восточном побережье Мухорского залива оз. Байкал. Раскопки стоянки Улан-Хада в 1913 г. подтвердили предположение Б.Э. Петри о том, что этот археологический памятник – основа для создания культурно-хронологической периодизации неолита в Сибири и для определения преемственности его культур. В 1916 г. Б.Э. Петри начал работу по сплошному археологическому изучению берегов Байкала, а также провел первые рекогносцировочные раскопки на Ангаре.

В 1918 г. Б.Э. Петри начал преподавать на кафедре истории первобытной культуры историко-филологического факультета только что открытого Иркутского университета. Бернгард Эдуардович явно обладал большим организаторским талантом и привлек к научной деятельности студентов и молодых сотрудников ИрГУ. Такими площадками для палеоэтнологического образования молодежи были не только аудитории университета, в которых ученый читал лекции по истории первобытной культуры, археологии, этнографии, по методике археологических разведок и раскопок, музейному делу (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 294. Л. 21.), но и созданные им музей этнографии, кабинет археологии и этнографии туземных народов Сибири, студенческий научный

кружок «Народоведение». В мае 1922 г. под его руководством была создана этнологическая (с 1925 г. – палеоэтнологическая) секция Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО). Он стоял у истоков основания в 1923 г. Биолого-географического научно-исследовательского института при ИрГУ, в котором проводились комплексные междисциплинарные исследования.

Б.Э. Петри написал для лучшей подготовки студентов учебные пособия по палеолиту и неолиту Сибири, которые явились первыми публикациями по заявленным темам и были сводкой известных памятников (*Петри*, 1923а; 1926).

Бернгард Эдуардович разработал собственную систему подготовки научных кадров. Студенты не просто посещали его занятия, но получали персональные задания по полевым археологическим исследованиям, которые проводили самостоятельно, затем результаты изысканий представляли в виде оригинальных докладов на заседаниях студенческого кружка или секции ВСОРГО. Этот кружок работал и после закрытия факультета общественных наук в 1926 г. и отмечал свое десятилетие вместе с Иркутским университетом в 1928 г. (*Петри*, 1928. С. 3). Б.Э. Петри сформулировал для членов палеоэтнологической секции ВСОРГО задачи долгосрочного исследования (1928–1943 гг.): выявление, изучение и описание памятников палеолита, неолита, периодов бронзы и железа юга Восточной Сибири, датировка культур, составлении археологической карты региона (ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 67. Л. 19). Он считал, что бесписьменный период изучается по археологическим источникам, а исторический период – по письменным. Важной соединяющей эти источники являются этнографические материалы.

Б.Э. Петри придавал большое значение изучению такого типа археологических памятников, как поселения, так как считал, что они более объективно отражают историческую реальность. Для того чтобы студенты правильно исследовали поселения и собрали как можно полнее информацию об этих археологических памятниках и жителях, их когда-то населявших, он разработал и издал первую в стране «Программу исследования стоянок под открытым небом». Руководствуясь палеоэтнологической методологией, исследователь настаивал на развернутой физико-географической характеристике местности с описанием окрестных гор, рек, озер, инсоляции, господствующего ветра и следов его деятельности. Студентам необходимо было собрать всю информацию о рыбных и охотничьих угодьях, о топях, об их расположении относительно поселения, о возможности ловли рыбы неводом; а также обнаружить места, где древние жители брали воду, камень, глину (*Петри*, 1923б). Б.Э. Петри полагал то, что изучение поселения в природном контексте имеет первостепенное значение для извлечения сведений о жизнедеятельности первобытного человека.

Такая система подготовки оправдала себя и дала превосходный результат. Из школы Б.Э. Петри вышли известные ученые: антропологи М.М. Герасимов и Г.Ф. Дебец, археологи Г.П. Сосновский и А.П. Окладников, этнограф и археолог П.П. Хороших и другие исследователи Сибири.

Итак, научная школа Петри отличалась собственной – палеоэтнологической – методологией исследования. Это сообщество в Иркутске отвечало главным критериям понятия «научная школа»: наличие лидера, исследовательской программы, системы передачи знаний и подготовки кадров через лекции и семинары, кружок, музей, кабинет, полевые изыскания в археологической экспедиции. К сожалению, школа Б.Э. Петри просуществовала из-за реорганизации высшего образования лишь до конца 1920-х годов, а лидер и часть младших соратников и учеников были репрессированы в 1930-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Китова Л.Ю.*, 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 272 с.
- Медведев Г.И.* Иркутская школа археологии // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.istor97.narod.ru/prj/ist90/isa.htm>. Дата обращения 20.01.2023.
- Петри Б.Э.*, 1923а. Сибирский палеолит. Иркутск: ВСОРГО. 47 с.
- Петри Б.Э.*, 1923б. Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск: ВСОРГО. 15 с.
- Петри Б.Э.*, 1926. Сибирский неолит. Иркутск. 39 с.
- Петри Б.Э.*, 1928. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск. 73 с.

В.И. Кошман
(Минск)

А.Н. ЛЯВДАНСКИЙ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ДОВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В БССР: ТРАГЕДИЯ УЧЕНОГО И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕГО ИМЕНИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Личность Александра Николаевича Лявданского является знаковой для белорусской довоенной археологии, что, в первую очередь, объясняется его огромным вкладом в дело поиска, фиксации и первоначального изучения археологических памятников различных исторических эпох на территории БССР, его способностями к организации и руководству планомерными археологическими исследованиями в бассейнах основных рек республики, активной популяризацией важности археологического наследия и необходимости его охраны и сохранения.

Родился А.Н. Лявданский в д. Юрьево Борисовского уезда Минской губернии в 1893 г. Высшее образование получил в Смоленском отделении Московского археологического института (1918–1922 г.) и на словесно-историческом отделении педагогического факультета Смоленского университета (1925 г.). Уже с начала 1920-х гг. он стал членом Смоленского археологического общества и активно участвовал в изучении археологических древностей Смоленщины. Им открыты многочисленные памятники каменного, железного веков, а также периода средневековья, что стало основой для создания археологической карты Смоленской губернии. А.Н. Лявданский также установил количество курганных насыпей в Гнёздовском могильнике и локализовал прилегающее селище.

С 1923 по 1925 г. он являлся научным сотрудником при кафедре археологии Смоленского государственного университета, научным сотрудником Смоленского этнографического музея, а впоследствии и научным работником историко-археологического отдела Смоленского государственного музея.

Еще работая в Смоленске, А.Н. Лявданский поддерживал тесные связи с Институтом белорусской культуры в г. Минске, а с 1925 г. стал членом историко-археологической комиссии этого учреждения. В это же время он перенес свои исследования и на территорию БССР. Можно говорить о том, что широкая дорога в археологическую науку для А.Н. Лявданского была открыта после его доклада про городища железного века на I съезде по вопросам археологии и археографии БССР 17–18.01.1926 г., который был крайне высоко оценен А.А. Спицыным.

В 1927 г. А.Н. Лявданский переезжает из Смоленска в Минск, где уже в полной мере реализует себя как археолог, музейный работник, преподаватель и управленец. Сразу после переезда он становится ученым секретарем Археологической комиссии, а также заместителем директора Белорусского государственного музея. Впоследствии в системе Института истории АН БССР он являлся ученым секретарем и заведующим секцией

археологии. С 1928 г. он начинает свое сотрудничество с БГУ, первоначально читая отдельные лекции как приглашенный специалист, а с 1934 г. как доцент исторического факультета. В этом же 1934 г., по совокупности изданных работ, ему была присуждена научная степень кандидата исторических наук.

Научное наследие А.Н. Лявданского в деле изучения археологии БССР, в первую очередь, состоит в следующем:

- разработка классификации городищ железного века на территории БССР и Смоленщины, а также вопросов их культурно-хронологической атрибуции, основных черт материальной культуры и хозяйства, ареалов распространения культур;
- начало исследования исторической топографии и особенностей культурных напластований и материальной культуры летописных городов (Полоцк, Витебск, Заславль, Орша, Борисов);
- масштабное обследование с фиксацией и выборочным исследованием курганных могильников IX–XII вв., что позволило отметить эволюцию погребального обряда кривичей;
- введение в научный оборот полученных материалов;
- участие в составлении археологической карты БССР;
- популяризация археологической науки.

Наиболее подробно данный аспект его научной деятельности изложен в ряде специализированных изданий и публикаций (*Алексеев, 1990; Вяргей, 1992; Гужаловский, 2019; Мядзведзева, 2015* и др.).

Нам хотелось бы более подробно остановиться на трагической странице в истории белорусской археологии, когда репрессии фактически уничтожили основу коллектива археологов, а возвращение их имен и их научного наследия растянулось на долгие десятилетия.

Не вызывает сомнения тот факт, что репрессии в отношении группы белорусских археологов А.Н. Лявданского, А.Д. Ковалени и С.А. Дубинского в мае – августе 1937 г. привели к катастрофическим последствиям в отношении развития и совершенствования белорусской археологической науки. Не следует забывать, что репрессиям конца 1930-х гг. предшествовали «чистки», аресты, «изгнание из профессии» в начале 1930-х гг. Гонения этого времени на научную интеллигенцию не были явлением, характерным исключительно для БССР. Абсолютно аналогичные процессы происходили на территории РСФСР, УССР. Работу тогда потеряли сотни специалистов. От тех же, кого оставляли на работе, требовали «полной перестройки своего научного мировоззрения» (*Формозов, 2006. С. 206*). В БССР началась борьба с «нацдемовщиной». Краеведческое движение, оказывавшее огромную помощь археологам, было фактически разгромлено. Именно в это время работу в системе БелАН потерял С.А. Дубинский, профессиональный археолог и автор фундаментальной работы по библиографии археологии Беларуси и сопредельных территорий. Он был вынужден переехать в Ленинград, где с апреля 1934 г. стал сотрудником ГАИМК.

Кульминацией выстариваемой на протяжении 1930-х гг. тоталитарной модели государства с поиском «врагов народа» и формированием культа личности стали политические репрессии конца 1930-х гг., в орбиту которых массово попали и ученые. В «молох» этих репрессий в конце мая – начале июня 1937 г. и попал А.Н. Лявданский, вместе с А.Д. Коваленей и С.А. Дубинским. И если информация о дате ареста ученых была широко известна, то особенности возбужденного против них уголовного дела, а также точная дата их смерти, были до начала 1990-х неизвестны.

В отношении судьбы А.Н. Лявданского определенная ясность для семьи и научной общественности была внесена только в 1958 г., когда семья получила справку о реабилитации № 697 от 10.05.1958 г., выданную Военным Трибуналом БВО. Сам приговор (статьи Уголовного кодекса БССР) и дата смерти А.Н. Лявданского в этом документе не приведены. Тем не менее, из переписки жены Лявданского и В.Р. Тарасенко от 12.11.1962 г. мы узнаем, что семья получила свидетельство о том, что А.Н. Лявданский

умер 02.03.1942 г. от гипертонической болезни. До начала 1990-х г. во всей справочной и научной литературе фигурировала эта дата. Место смерти в справке не названо. Оно иногда указывалось как Архангельск.

Связь с семьей А.Н. Лявданского тогда поддерживал только В.Р. Тарасенко, который являлся его однокурсником по Смоленскому отделению Московского археологического института. Будучи приглашенным для работы в послевоенное время в Институт истории АН БССР и начав масштабное изучение Минского замчища, он не забывал и про своего друга и коллегу. Его перу принадлежит юбилейная статья в «Советской археологии» (№ 1, 1964), посвященная 70-летию со дня рождения А.Н. Лявданского. По сути, именно эта статья и реабилитировала репрессированного археолога как ученого и вновь вернула его имя и труды в научную среду.

Определенная ясность в отношении обвинения, данных по аресту и расстрелу сотен ученых БелАН появилась в результате работы Комиссии АН БССР, созданной в январе 1989 г., которая и занялась изучением творческого наследия ученых академии, невинно пострадавших в период сталинских репрессий. Именно в результате ее работы впервые и была приведена дата смерти А.Н. Лявданского и А.Д. Ковалени – 27 августа 1937 г. (Возвращенные имена..., 1992. С. 12–13, 59–60, 68–69).

А.Н. Лявданский был арестован 19.05.1937 г., в среду. За время его пребывания под следствием решением специально созданной комиссии по проверке деятельности Института истории АН БССР и издательства многолетний труд А.Н. Лявданского «Родавае грамадства і яго разлажэнне на тэрыторыі Беларусі» (было напечатано 26 а.л.), а также сборники «Археалагічны зборнік» «Гістарычны зборнік» были изъяты и уничтожены.

В нашем распоряжении имеются более развернутые данные архива КГБ Беларуси, которые не были известны широкому кругу исследователей. Судя по всему, самые активные следственные действия по отношению к А.Н. Лявданскому велись в конце мая – начале июня 1937 г. Исходя из того, что протоколы этого времени содержат фразу «допрос прерван по просьбе обвиняемого», следует думать, что в отношении А.Н. Лявданского были применены различные меры физического и психологического давления.

В результате допросов, следствием было «установлено»:

– А.Н. Лявданский был завербован осенью 1932 г. вице-президентом БАН Т.Ф. Домбалем и под его руководством занимался шпионажем до 1935 г. До 1937 г. он собирал шпионские сведения уже под руководством С.П. Маргелова. «Шпионские» сведения собирались в пользу Польши и передавались польскому консулу;

– Лявданский А.Н., Коваленя А.Д., Дубинский С.А. и др. являлись участниками шпионско-диверсионно-террористической польской военной организации «ПОВ»;

– оплата за шпионаж А.Н. Лявданского производилась под видом командировочных расходов.

По официальному заключению от 25.08.1937 г. из 13 человек 12 было приговорено к расстрелу, среди которых были археологи А.Н. Лявданский, А.Д. Коваленя и С.А. Дубинский, а также А.И. Рынейский, который в конце 1920-х гг. также активно участвовал в работе археологических экспедиций.

География этой группы «врагов народа» была крайне разнообразна и представлена обвиняемыми из Минска, Витебска, Бобруйска, Ленинграда. Каким-то образом, наряду с археологами, учителями физкультуры, техниками-интендантами, туда даже попали скрипачка Белорусского государственного театра и актер Киргизского гостеатра... Знакомство с этим расстрельным списком указывает на то, что это была достаточно произвольно собранная группа людей, которые были знакомы в своих мелких сообществах.

Считается, что наиболее вероятным местом, где осуществлялись расстрелы жертв политических репрессий второй половины 1930-х – 1940 гг., является урочище Куропаты (Брод) на северо-восточной окраине современного Минска. Не исключено, что группа из 12 человек, в составе которой находились и знаменитые археологи А.Н. Лявданский, А.Д. Коваленя и С.А. Дубинский, была расстреляна именно там 27 августа 1937 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л.В.*, 1990. Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20–30-е годы XX в. // СА. № 4. С. 241–252.
- Вяргей В.С.*, 1992. Археалагічная навука ў Беларускай ССР, 1919 – 1941 гг. Минск: Навука і тэхніка. 144 с.
- Гужаловский А.А.*, 2019. Александр Николаевич Лявданский (29.08.1893–27.08.1937) // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / Под общ. ред. А.Д. Короля, науч. ред. О.А. Яновский. Минск: БГУ. С. 272–280
- Возвращенные имена..., 1990. Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / Сост. и авт. предисл. Н.В. Токарев / Под ред. А.С. Махнач. Минск: Навука і тэхніка. 120 с.
- Мядзведзева В.У.*, 2015. Гісторыя і гістарыяграфія навуковай дзейнасці А.М. Ляўданскага // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 26. С. 5–14
- Формозов А.А.*, 2006. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: «Знак». 344 с.

С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова
(Москва)

**ГОРОДЦОВСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА 1910–1930-х ГОДОВ:
СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, СУДЬБЫ**

В историографии прочно укоренилось представление о школе В.А. Городцова в отечественной археологии. В настоящем докладе речь пойдет о двух городцовских школах: дореволюционной и советского периода. Первая объединяет выпускников Московского археологического института, вторая – студентов, аспирантов и сотрудников Археологического отделения ФОН 1 МГУ, Археологического отдела Института археологии и искусствознания РАНИОН и Государственного исторического музея.

Обе школы сформировались на базе одних и тех же теоретических и методических разработок Городцова. Археологические исследования не мыслились ученым без опоры на типологический метод. Окончательное оформление учения о типологическом методе будет изложено в печати в середине 1920-х гг., но как видно из дореволюционных лекционных курсов (1908; 1910), дневниковых записей, переписки с учениками разных лет Василий Алексеевич активно пропагандировал свое видение этого метода студентам МАИ. Инструментом его закрепления были курсовые и дипломные сочинения, выполненные в основном на базе археологических коллекций РИМ. Методика полевых археологических работ осваивалась слушателями МАИ в ходе экскурсий в окрестностях Москвы – под руководством учителя они практиковались в раскопках славянских или древнерусских курганов. Обширный полевой опыт Городцова, изучавшего памятники разных эпох – от каменного века до средневековья и в разных концах империи, позволил ему адресовать своим студентам методическое пособие (1911; 1914), которое использовалось его учениками и в 1920-е гг.

Среди слушателей МАИ было немало тех, кто не стремился стать профессиональными археологами, археографами, искусствоведами. Но целая плеяда городцовских учеников пришла в институт осознанно, имея за плечами жизненный и практический опыт; как правило, они уже работали или преподавали. Реализация их в профессии произошла в основном в 1920 – 1930-е гг.

Яркими представителями школы Городцова, сформировавшейся до революции, являются В.В. Гольмстен, Д.Н. Эдинг, М.Э. Воронеж, П.С. Рыков, Н.К. Ауэрбах, В.Б. Арендт, Е.Н. Клетнова, С.А. Локтюшев, Н.Н. Бортвин, Ф.В. Баллод, Е.Г. Пчелина и др. Каждый из первого поколения учеников Городцова, даже те, кто работал рядом с ним

в Историческом музее (Гольмстен, Эдинг, Воронеж, Пчелина), проторил в науке свой путь. Конечно, они советовались с учителем, получали его рекомендации, но все же темы научных исследований выбиралась ими не по указке Василия Алексеевича, а складывались в результате собственных полевых или музейных разысканий, которые базировались на прочном теоретическом и методическом фундаменте, заложенном в МАИ.

Оказавшись в начале 1920-х гг. в разных городах России, Украины и Грузии, его ученики в условиях Гражданской войны, разрухи и безденежья не только развернули полевые работы, но и повели их по планам, которые были рекомендованы Городцовым как руководителем Археологического подотдела Главмузея (затем Главнауки) НКП РСФСР. План этот предполагал археологическое обследование губерний и областей России разведочными маршрутами, пересекавшими губернии с запада на восток и с юга на север, причем маршруты было важно приурочить к течению крупных рек. Именно так проложили маршруты разведок Гольмстен – в Самарской губернии, Баллод – в низовьях Волги (а с отъездом в Ригу – по течению Западной Двины уже в качестве латвийского археолога Балодиса), Рыков – в Саратовском Поволжье, Локтюшев – по Северскому Донцу и его притокам, Пчелина – вдоль Триалетского хребта и в Юго-Осетии, Ауэрбах – на Енисее.

Первое поколение учеников Городцова (в отличие от послереволюционного) на протяжении всей своей научной деятельности сохраняло верность принципам систематики и типологии археологического материала, которые были привиты усилиями их учителя еще в МАИ. В советские годы они в разной степени испытали влияние марксистской социологии, но никого из них нельзя причислить к проводникам вульгарного марксизма в археологической науке. И если кто-то из них расхотел с Василием Алексеевичем в трактовке тех или иных научных проблем (вспомним полемику между Городцовым, Рыковым и Гольмстен в трактовке срубных, хвалынских и срубно-хвалынских древностей Поволжья), его первые ученики в 1929 и последующие годы не запятнали себя наветами на «буржуазного ученого», не дали себя втянуть в кампанию по дискредитации Городцова, показав пример достоинства и верности учителю.

Формирование второй научной школы происходило в совершенно иной социально-политической обстановке и вузовской среде. Руководство археологическими отделениями 1 МГУ (1919–1930) и ИАИ РАНИОН (1923–1930) с опорой на Исторический музей как базу практических и научных занятий его студентов и аспирантов позволило Городцову коренным образом (по сравнению с Московским археологическим институтом и университетом имени А.Л. Шанявского) изменить систему профессионального археологического образования в Москве. Василию Алексеевичу в 1920-е гг. удалось влить свежую «кровь» в плохо структурированную и разношерстную среду археологов Москвы. Итогом этой реформы и стало формирование городцовской школы советского периода.

Выпускники археологического отделения 1 МГУ 1920-х гг. А.В. Арциховский, О.Н. Бадер, А.Я. Брюсов, Е.В. Веймарн, Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, Л.А. Евтюхова, А.В. Збруева, С.В. Киселёв, Д.А. Крайнов, О.А. Кривцова-Гракова, Е.И. Крупнов, В.П. Левашёва, Н.В. Пятыева, А.П. Смирнов, Б.А. Рыбаков, М.Е. Фосс и др. влились в штат Исторического и других музеев страны, составили костяк аспирантов и сотрудников ИАИ, а в 1932 г. МОГАИМК. Но выпускники 1 МГУ и аспирантуры ИАИ, в отличие от первого поколения учеников Городцова, были вооружены не только типологическим методом, но и азами марксистской социологии, усвоенными в семинаре В.М. Фриче. Особенно активно на этом поприще проявили себя А.В. Арциховский, С.В. Киселёв, А.Я. Брюсов и А.П. Смирнов.

В конце 1920-х гг. Василий Алексеевич испытал глубокое разочарование, когда ученики не воспротивились его увольнению из Исторического музея, когда некоторые из них приняли участие в дискредитации учителя как «буржуазного ученого». В начале 1930-х гг. на долю воспитанников Городцова, кроме того, пришлось неблагодарная по отношению к учителю задача – провести полную реорганизацию экспозиции ГИМ,

научно-исследовательской работы и политико-просветительной деятельности под лозунгом «Лицом к политике, лицом к марксизму, лицом к массам». Старая городцовская экспозиция – в ущерб оригинальным экспонатам – начала пополняться картами, рисунками, фотографиями, документами, картограммами, приборами и пособиями, якобы способствующими популяризации собрания древностей ГИМ. Лишь во второй половине 1930-х гг. ученикам Городцова удалось вернуться к формам научных исследований и музейного строительства, наследующих традиции дореволюционной русской науки. Именно к середине 1930-х гг. относится научное «взращение» второго – советского – поколения его учеников, которое вернуло их на рельсы методологии исследований (систематика и типология), привитых в городцовской школе.

Городцов как педагог выпестовал в 1 МГУ несколько выпусков талантливой, работающей и целеустремленной молодежи. Собственно эта генерация его учеников определила базовые направления исследований в 1930-е и последующие годы. Именно это поколение исследователей принято называть московской археологической школой. Василий Алексеевич воспитал не просто учеников, он воспитал поколение учителей. Почти каждый из его воспитанников создал свою научную школу (А.В. Арциховский, О.Н. Бадер, Б.Н. Граков, С.В. Киселёв, А.П. Смирнов, Е.И. Крупнов и др.) или направление исследований (А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, Д.А. Крайнов, А.В. Збруева, Б.А. Рыбаков и др.). Благодаря деятельности и трудам этих ученых сохранилась преемственность с дореволюционной русской археологией. Современная российская археология многими своими корнями прорастает из той живительной среды, что была возвращена в 1920-е гг. в 1 МГУ, ИАИ РАНИОН и ГИМ.

С.В. Кузьминых

(Москва),

И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков

(Уфа)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А.М. ТАЛЬГРЕНА И Э.Х. МИННЗА

Настоящая статья посвящена изучению проблем российской археологии в личных архивах двух выдающихся европейских ученых: Арне Михаэля Тальгрена (1885–1945) и Эллиса Ховелла Миннза (1874–1953). Отметим, что в России и СССР коллеги величали первого из них Михаил Маркович, а второго – Илья Егорович.

Эпистолярное наследие финского и британского археологов хронологически охватывает 1908–1945 гг. (*Кузьминых и др.*, 2020). Главной темой их многолетней переписки стала археология Восточной Европы, Урала и Сибири. К сожалению, не все 38 лет общения представлены в архивах полностью. В РО НБФ и АД МВФ (письма Миннза), а также в ОРАКУ (письма Тальгрена) переписка ученых за 1913–1919 гг. сохранилась фрагментарно. Большая ее часть относится к 1920–1930-м гг. В письмах нашли отражение судьбы отечественных археологов, как тех, чья научная деятельность началась еще в конце XIX – начале XX в., так и новой – советской – формации, включая их исследования и жизненные перипетии в императорской России, эпоху революционных перемен и России советской.

Переписка дает почувствовать эмоциональный фон личных отношений Тальгрена и Миннза. «Большой Вам привет из России от Ваших старых друзей...», – так начинается одна из открыток Михаила Марковича, отправленная из Ленинграда британскому коллеге (14.07.1924). Финский археолог отправлял ему не только письма, но и открытки с марками, помня, что дочь Миннза была их страстным коллекционером.

Всего в ОРАКУ сохранилось 24 открытки, из них только на трех почтовые штемпели Москвы, Ленинграда и Владикавказа. В основном они связаны с адресами проживания

Тальгрена (Гельсингфорс, Турку), или его путешествиями (Сараево, Лондон и др.). Отметим, что большая часть текстов открыток посвящена «России» и «русским людям». Из них мы узнаем о планах ученого обратиться к «*доисторической этнографии Северной России и коллекциям балтийских стран*» (29.03.1923), посетить Россию (17.06.1924): «...через две недели еду в Россию, и пробуду там около месяца». А следом несколько строк из Ленинграда (14.07.1924) с перечислением изученных коллекций в РАИМК, Эрмитаже и Кунсткамере. Две открытки 1928 г. связаны с длительной поездкой Михаила Марковича по музеям СССР. Первая – о планах посетить Тифлис, Киев и Одессу (1.07.1928), вторая – о проделанном пути: «С сердечным приветом из Владикавказа, Пятигорска, Херсона, Одессы, Киева...». Поездки 1924 и 1925 гг. во многом изменили вектор исследований Тальгрена (ранее ориентированный на лесную полосу Европейской России, Урал и Сибирь), переключив его внимание на степные и лесостепные культуры Восточной Европы, а поездка 1928 г. позволила более углубленно сосредоточиться на археологии Кавказа.

В письмах Миннза и Тальгрена сохранились свидетельства о судьбах ученых и научных концепциях, выдвигавшихся в 1920 – 1930-е гг. В значимом для финского археолога 1928 г. публикуется «Открытое письмо руководству Главнауки» с осуждением политических гонений и травли академика С.А. Жебелёва (*Салминен*, 2012. С. 181). Накануне выхода письма в свет Михаил Маркович написал коллеге: «Я прочитал «Известия», Москва, и завтра в ежедневной газете [Helsingin Sanomat] будет опубликовано письмо, адресованное российской Главнауке».

Спустя несколько лет (16.12.1933) в открытке с изображением Троице-Сергиевой Лавры мы узнаем о редкой для начала 1930-х гг. переписке Тальгрена с А.А. Захаровым и Г.К. Ниорадзе. В наши дни мы знаем об этом подробнее из описи эпистолярного фонда ученого в РО НБФ. После 1928 г. Михаилу Марковичу писали, отвечали на его письма и присылали статьи в журнал «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» очень немногие археологи из СССР; А.А. Захаров и Н.Е. Макаренко поддерживали с ним (а также с Миннзом) переписку даже из ссылки. О разорванных связях с советскими коллегами Тальгрэн сожалел, сообщая в Кембридж, что «в Россию лучше часто не писать. Если сравнивать с прежними временами, то сейчас я получаю всего лишь несколько писем от моих старых друзей, живущих там» (3.04.1930). Несмотря на разрыв персональных контактов, финский археолог обращался с запросами в Исторический и другие музеи о получении на платной основе фотографий тех или иных артефактов, посылал свои труды, журнал «*Eurasia*» и получал в ответ научные труды из СССР. По-прежнему в письмах Тальгрена и Миннза судьбы С.А. Жебелёва, А.А. Захарова, Н.Е. Макаренко, А.И. Анисимова, В.Ф. Смолина и других исследователей являются одной из важнейших тем диалога.

Многолетняя переписка, кроме того, зафиксировала смену поколений в отечественной археологии. Состоявшиеся в 1908 г. первые знакомства финского ученого с русским кругом Миннза представлены именами А.А. Спицына, Б.В. Фармаковского, Н.И. Веселовского, Я.И. Смирнова, В.Н. Щепкина, Д.А. Корсакова, А.В. Орешникова и др. Позже, во время длительного путешествия в Россию в том же 1908 г., уже сам Тальгрэн познакомился с В.А. Городцовым, который «...уверен <...> предоставит Вам любую информацию. Он очень дружелюбный человек, но не говорит ни на каком другом языке, кроме русского. Его адресом может служить только Исторический музей» (13.11.1908). Впоследствии круг общения Тальгрена и Миннза расширился: в нем появились А.С. Лебедев, Н.Е. Макаренко, В.Я. Толмачёв, А.А. Захаров, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков, Б.С. Жуков, Б.Н. Граков, Е.Г. Пчелина и др.

Для истории отечественной археологии крайне важна научная проблематика, которая обсуждалась в диалоге Тальгрена и Миннза. Уже в письмах 1908 г. корреспонденты решали вопрос о хронологическом соотношении бронзового и железного веков Европы и России. К вопросу о преемственности культур эпох бронзы и раннего железа они особенно часто обращались на примере ананьинской культуры. Несмотря на

широкую встречаемость в ананьинских могильниках вещей древнегреческого, ахеменидского и скифского происхождения, финский археолог первоначально считал, что ананьино все же старше данных цивилизаций, но при этом намечал торговые и культурные связи ананьинской и скифской культур (25.07.1913). В этом письме Михаил Маркович отмечал, что до знакомства с материалами из раскопок П.А. Пономарёва его первоначальных знаний по ананьину было явно недостаточно и что с анализом скифских древностей такие сложности не возникали. Миннз в одном из писем (19.03.1923), говоря о роли и влиянии скифов на формирование ананьинской культуры, упомянул о разговоре с М.И. Ростовцевым, который посчитал, что Тальгрэн недооценивает скифское воздействие на формирование ананьинских древностей. С мнением Ростовцева британский ученый, однако, не согласился.

Особое внимание Тальгрэн и Миннз уделили проблеме преемственности археологических культур, прежде всего европейских, скифской, западносибирских и минусинских. Впервые к ней обратился Илья Егорович в контексте исследований по истории и археологии Скифии (17.05.1908). В ответном письме (7.06.1908) Михаил Маркович согласился с британским коллегой в том, что именно ионические памятники дают ключ к хронологии и периодизации бронзового века в азиатских пределах России (ныне тагарская и другие культуры скифо-сибирского мира). По мнению Тальгрэна, изучение скифских древностей даст решающий импульс для исследований по урало-сибирской археологии. Скифские древности юга России являлись для него ключом, с помощью которого он пытался обосновать преемственность археологических культур от Центральной Азии до ананьинской культуры северо-востока Европы (25.11.1908). Эти идеи стали предтечей взаимосвязи культурных миров, которые объединяются ныне в понятие «скифо-сибирский мир».

В письмах ведется также диспут о датировке скифских древностей. Тальгрэн полагал, что они должны быть старше периода латена (500 г. до н.э.). Миннз с этим мнением согласился (18.10.1908), описывая скифские кинжалы и датируя их 700 г. до н.э. Британский археолог также указал на широкий ареал скифских древностей – от России до Новой Англии.

Финский ученый поднимает в одном из писем (7.06.1908) проблему происхождения минусинской культуры (в современном представлении этапы тагарской и таштыкской культур). Он не согласился с мнением Ф.Р. Мартина о том, что минусинская культура есть продукт западного влияния. При этом Михаил Маркович еще не определился: старше или младше минусинская культура западносибирских древностей. Проблема хронологии и истоков древностей Минусинских котловин обсуждалась Тальгрэном и Миннзом на протяжении многих лет.

В переписке, кроме того, нашли отражение яркие коллекции древностей с территории России: В.И. Заусайлова, И.П. Товостина, Жозефа де Бая, С.Г. Строганова, А.А. Бобринского и др. Часть из них при содействии финского ученого была приобретена Национальным музеем Финляндии. Заметное место в диалоге Тальгрэна и Миннза принадлежало Галичскому кладу. С первых писем 1908 г. Михаил Маркович привлек внимание коллеги к этому уникальному собранию. В поисках истоков галичских идолов Тальгрэн обратился к фигуркам Казбекского клада, рассматривая последние как итифаллические символы идолов Вакха (25.10.1924). Миннз согласился с этим мнением, назвав его «гениальным» (3.06.1925).

Таким образом, мы видим, какие глубокие и важные замечания содержатся в переписке двух видных европейских археологов. В их диалоге нашли отражение актуальные научные концепции, которые продолжают обсуждаться в отечественной и мировой археологии во второй половине XX в. и в наши дни.

В письмах, написанных регулярным и почти педантичным почерком Тальгрэна и скорописью Миннза, немало строк об археологической науке России. Начало ее связывается с деятельностью археологических обществ, университетов и музеев. Не обошли

ученые стороной перипетии I Мировой и Гражданской войн: «Война закончилась, а экономические трудности – нет, особенно для научных обществ...» (Тальгрэн–Миннзу, 27.12.1919). В письмах обсуждаются смена социального строя в России, новые научные подходы. Миннз, например, так выразил свое отношение к яфетической теории Н.Я. Марра: «Пробовал читать Марра. Общее впечатление – сущий кошмар, но определенные светлые мысли попадаются...» (26.09.1928). Точкой бифуркации в развитии археологии в СССР, по мнению Тальгрена, стали 1928–1930 гг., связанные с разрушением старых научных школ и преследованием ее научных кадров.

Диалог завершается в связи с болезнью и смертью финского археолога. Его последнее деловое письмо датировано 1942 г.: «Мой брат умер, его сын погиб... Погиб сын Нордмана, также как и двое моих лучших учеников. Навсегда Ваш, Микко Тальгрэн».

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьминых С.В., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б.*, 2020. От гипотез к теории: эпистолярный дискурс Э.Х. Миннза и А.М. Тальгрена // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко и др. Самара: СГСПУ. С. 137–139.
- Салминен Т.*, 2012. Три различных сети контактов: русские связи Т.Й. Арне, А.М. Тальгрена и Геро фон Мергарта // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПбФ АРАН; Красноярск: КГПУ. С. 176–184.

А.В. Куликов
(*Керчь*)

ЮЛИЙ ЮЛЬЕВИЧ МАРТИ (1874–1959): ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «OLD SCHOOL» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Во второй половине XIX столетия в Российской империи сформировалась двухступенчатая система классического образования, основой которой была гимназия, где учащиеся получали первые знания в области древней истории, греко-римской и романо-германской филологии. Правом поступления в университеты обладали только выпускники классических гимназий, что обеспечивало преемственность их образования. Историко-филологические факультеты из числа своих выпускников отбирали наиболее одаренных и способных молодых людей, перед которыми открывалась научная и преподавательская карьера. Для подготовки гимназических преподавателей были учреждены историко-филологические институты, образовательная программа которых мало отличалась от университетской. Выпускниками, а впоследствии и преподавателями Санкт-Петербургского Историко-филологического института, были такие яркие представители российской неоклассической историко-филологической школы, как В.В. Латышев и М.И. Ростовцев, которые помимо научной и педагогической проводили широкую просветительскую деятельность. Их влияние на слушателей было необыкновенно сильным, что способствовало дальнейшему личностному и научно-культурному развитию.

Сын преподавателя древних языков гродненской гимназии, Юлий Юльевич Марти (1874–1959) получил высшее классическое образование на филологическом факультете Санкт-Петербургского Историко-Филологического института. В 1897 г. он был назначен в Керченскую Александровскую гимназию, одно из старейших учебных заведений Таврической губернии с давними традициями классического образования. Директор Керченского музея древностей Владислав Вячеславович Шкорпил (1853–1918), а по совместительству и директор гимназии, отметил интерес молодого преподавателя к археологии и эпиграфике, поощряя его к ведению научной деятельности. В 1904 г. по рекомендации В.В. Шкорпила Ю.Ю. Марти был избран членом Одесского общества истории и древностей и стал заведовать подведомственным ему Музеем Мелек-Чесменского

кургана. При Музее было собрание плит с надписями, фрагментов архитектурных деталей, древней скульптуры, которое нуждалось в каталогизации и научном описании. Итогом этой многолетней работы стала книга Ю.Ю. Марти «Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства» (1913).

Первая Мировая война революции в России всколыхнули провинцию, которая стала ареной трагических событий иностранной интервенции и Гражданской войны. Непрерывающиеся боевые действия отрезали тыловой Крым от столиц и соседних с ним регионов. В Керчь перестали поступать средства, выделяемые по линии Археологической комиссии и Одесского общества на содержание Керченского музея древностей и Музея Мелек-Чесменского кургана. В условиях частой смены властей и периодов безвластия возросла активность керченских «счастливчиков», которые занимались ограблением богатейших некрополей Боспора. 15 декабря 1918 г. у дома, в котором размещались Керченский музей древностей и квартира его директора, был убит В.В. Шкорпил, что было воспринято горожанами как сведение «старых счетов». После смерти В.В. Шкорпила деятельность Музея древностей была фактически парализована, экспозиционная, научная и памятникоохранная работа не проводилась.

В лучшую сторону положение изменилось с назначением на должность директора Музея Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970), выпускника и приват-доцента исторического отделения Историко-филологического факультета Петроградского университета. К.Э. Гриневич, энергичный и деятельный по своей натуре, пытался проводить широкую просветительскую, музейную и научную работу, вести борьбу с керченскими «счастливчиками», что лично для него было небезопасным. И все же после деблокады Крыма в ноябре 1920 г. он предпринял все усилия, чтобы перевестись в Петроград и вернуться к преподавательской и научной деятельности. Получив согласие РАИМК на свое возвращение, весной 1921 г. К.Э. Гриневич покинул Керчь, назначив Ю.Ю. Марти исполняющим обязанности директора, а потом способствовал его утверждению в этой должности. В роли директора советского учреждения ученый «старой школы» Ю.Ю. Марти был вынужден приспосабливаться к новым требованиям, которые предъявлялись к образованию и идеологическому воспитанию населения. Система школьного классического образования была ликвидирована, и это стало серьезным ударом, поскольку лишило основного заработка (жалование директора музея было поистине нищенским). Тем не менее, вся дальнейшая деятельность Ю.Ю. Марти в должности директора Керченского музея являла пример добросовестного служения науке и делу изучения и охраны памятников: под его началом происходит переезд музея в новое здание, осуществляется строительство экспозиции, пополняются и каталогизируются фондовые коллекции и библиотека, вошедшие в число лучших собраний Крыма.

В 1925–1926 гг. Ю.Ю. Марти выступил в числе организаторов научной конференции, посвященной столетнему юбилею Керченского музея. Фактически это был Первый съезд археологов СССР, на который возлагались большие надежды: были поставлены вопросы о путях развития советской археологической науки и создании на местах научных и археологических центров. В изданной к открытию конференции книге Ю.Ю. Марти в хронологическом порядке описал историю проведения археологических раскопок в Керчи и на Тамани, определил основные перспективы дальнейшей исследовательской деятельности. Важным результатом конференции 1926 г. стала работа по созданию в Керчи отделения ГАИМК и открытие на базе музея филиалов московского и ленинградского отделений. В духе времени был утвержден масштабный пятилетний план проведения археологических раскопок. Но ввиду возникших организационных и финансовых трудностей приоритетами исследований экспедиции Керченского музея под руководством Ю.Ю. Марти (1927–1929 гг.) были выбраны городища Акра, Китей и Киммерик, расположенные к югу от Керчи. В числе сотрудников Керченской экспедиции был молодой ученый, выпускник археологического отделения факультета общественных наук Ленинградского государственного университета Виктор Францевич Гайдукевич

(1904–1966), который был зачислен в штат Керченского музея и проработал в нем около двух лет. В отличие от Ю.Ю. Марти и К.Э. Гриневича, получивших блестящее историко-филологическое образование, В.Ф. Гайдукевич до поступления в университет начального классического образования не получил.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. стали временем «великого перелома», затронувшего всю систему народного образования, историческую науку, дело охраны памятников. Деятельность научных и музейных учреждений все более идеологизировалась и была поставлена в зависимость от партийных органов и местных властей. Охрану памятников попытались всецело подчинить планам индустриализации страны. Ю.Ю. Марти, вынужденно ограничивал масштабы своих научных и археологических исследований объемами небольших средств, отпускаемых Керченскому музею. Как научный руководитель и исследователь он был фактически оттеснен на второй план представителями нарождающихся ленинградской (В.Ф. Гайдукевич) и московской (В.Д. Блаватский) школ античной археологии, хотя личных связей не прерывал и всячески способствовал их работу. В отличие от К.Э. Гриневича, своего бывшего коллеги по Керченскому музею, который в 1924–1927 гг. был директором Херсонесского археологического музея, Ю.Ю. Марти не выдвигал широких программ идеологического переустройства науки и музейного дела, оставаясь до конца своей жизни по-немецки педантичным и добросовестным приверженцем традиций «старой» историко-филологической школы.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.А.*, 2021. Эюад к истории Керченского Музея на грани эпох (1918–1920) // Боспорские исследования. Вып. XLIII. С. 277–305.
- Засторожнава Е.Г.*, 2017. Из истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920–1932 гг.: исследования и исследователи // Боспорские исследования. Вып. XXXV. С. 411–427.
- Непомнящий А.А.*, 2000. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование. Симферополь. 360 с.
- Панкратова Е.Г.*, 2018. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). СПб. 156 с. (Боспорские исследования. Supplementum 18)
- Фролов Э.Д.*, 2006. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб. 616 с.

Н.М. Малов
(Саратов)

САРАТОВСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ (1886–1920): ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Начало формирования представления о древнем и средневековом историко-культурном наследии Нижнего Поволжья восходит к XVIII–XIX вв. Экспедиции академиков (П.С. Паласс, И.И. Лепехин, И.П. Фальк), обследовали древние городища и курганы. Православной церковной археологией региона интересовались епископы и священники разных рангов (Малов, 1999. С. 22–23). В 1830-е годы старший пастор Г.А. Цвик перекупил найденное на развалинах Царёвского городища золотое украшение, условно названное «Корона Джанибека». Южнее Сарепты он раскопал два кургана, материалы которых опубликовал в трудах Дерптского университета. Вывоз золотой «Короны» в Германию, вынудило саратовского губернатора А.М. Фадеева сообщить в Министерство внутренних дел о необходимости раскопок золотоордынских городов. После этого действительный статский советник А.В. Терещенко девять лет производил грандиозные раскопки Царёвского городища. Это были первые в России крупные полевые исследования средневекового города.

Основоположник саратовского краеведения А.Ф. Леопольдов публикует в 1837–1845 гг. серию статей по древней и средневековой истории. Его перу принадлежит «Исторический очерк Саратовского края». Древнейшим народом, обитавшем здесь, автор считал скифов. Позже берег Волги заселили хазары, печенеги и тюрки. Краевед высказался о присутствии русских людей не только в крупных золотоордынских городах, но и в небольших поселениях на границе между Рязанской и Сарской (Сарайской) православными епархиями.

Благодаря содействию А.С. Уварова в 1869 г. А.Н. Минх избирается членом–корреспондентом Московского археологического общества. По его инициативе при Саратовском губернском статистическом комитете стал функционировать кружок любителей старины и изучения родного края, с целью создания организационных основ саратовского краеведения и изучения археологических памятников (Миронов, 1998).

Первый директор Археологического института Н.В. Калачёв, способствовавший учреждению Саратовской ученой архивной комиссии, скоропостижно скончался в 1895 г. Поэтому ее официальное оформление произошло на заседании, состоявшемся 12 (25) декабря 1886 г. Учреждение осуществляло охранные полевые исследования бытовых и погребальных памятников археологии, беспокоилось об их охране и расхищении, скупало предметы старины, уделяло внимание церковной археологии, сформировало Историко–археологический музей и опубликовало его каталоги (Соколов, 1911. С. 1–38, С. 225–164, 173–187; Малов, 2006. С. 35–48; Малов, 2006а. С. 192–209). Первый систематический каталог опубликовал С.С. Краснодубровский. Второй каталог, составленный хранителем музея К.С. Медоксом, издали в 1891 г.

Музей представлял собой очаг провинциальной городской культуры. Важным источником информации о комплектовании его фондов, в том числе и археологических, служит «Книга записи вещей СУАК», два тома которой хранятся в Саратовском областном музее краеведения. Они содержат сведения о многих интересных поступлениях. Например, в первом томе под № 346 сказано о том, что недалеко от городища левобережного Саратова обнаружили редкую находку: «Пушка чугунная малого калибра, найдена на отмели Волги в ½ версте от С. Саратовского городища в 1901 г.». Таким оружием обычно оснащали крепости и крупные суда.

Комиссия занималась научно-издательской деятельностью, опубликовав более 40 выпусков (частей) своих трудов и других работы, среди которых было фундаментальное сочинение А.Н. Минха «Историко-географический словарь Саратовской губернии. Том I. Царицынский и Камышинский уезды». В основу формирования ее музейных фондов была положена значительная часть коллекции Саратовского статистического комитета, первой мужской гимназии и духовной семинарии.

С самого начала своей деятельности СУАК считала необходимым составлять археологическую карту губернии и для этого неоднократно рассылала вопросные листы. Тираж разосланных в 1905 г. по школам вопросников составил 600 экземпляров. Один образец вопросного листа заверен председателем комиссии (с 25 сентября 1905 г.) действительным статским советником А.Н. Минхом. Он содержал следующие пункты:

- I. По находкам крупных костей «допотопных» животных;
- II. О местах древних стоянок и поселений;
- III. О валах, городках или старинных укреплениях;
- IV. О курганах или маргах и могилах;
- V. О памятниках [«каменных бабах». – Н.М.];
- VI. О пещерах;
- VII. О кладках;

VIII. О старинных грамотах, бумагах, книгах и проч. Вопросник заканчивался интересным добавлением: «В высшей степени желательно привлечь к собиранию предметов старины на местах учащихся в начальных сельских школах. Из ни рекомендуется образовывать группы для посещения, с целью собирания предметов, древних стоянок (п. II),

городков (п. III) и курганов (п. IV). Желательно, что бы собранные предметы направлялись при соответствующих записках (когда, где и кем найдено)». После пятой рассылки СУАК получила к 1908 г. массу сведений об исторических древностях. Составление Археологической карты губернии завершил А.А. Кротков. Работу приняло к печати Московское археологическое общество, однако, в связи с началом мировой войны, она осталась не опубликованной.

СУАК поддерживала обширные связи, путем избрания иногородних специалистов-профессоров в число ее действительных членов (Миронов, 1994). Были налажены деловые контакты с Императорской археологической комиссией и Эрмитажем, с Российским историческим музеем, Археологическим институтом, Московским археологическим обществом, другими архивными комиссиями, Одесским и Киевским университетами. В музее комиссии проводились практические занятия для студентов Киевского университета, эвакуированных сюда в 1915–1916 гг.

Существенное содействие в деятельности СУАК и ее музея оказали выдающиеся отечественные археологи А.А. Спицын и В.А. Городцов, состоявшие в переписке с некоторыми ее членами. А.А. Спицын специально приезжал сюда в 1912 г, с целью проведения показательных раскопок на Ахматском городище и в урочище Мартышкино. Исследователь помог построить археологическую часть экспозиции музея. Археологические находки комиссии заинтересовали В.А. Городцова, оставившего в 1914 г. благожелательную запись в Памятной книге ее посетителей.

Важную роль в становлении саратовского краеведческого археологического центра сыграли традиции неформальной исторической археологии, сложившиеся в XIX – начале XX вв., связи со столичными учреждениями и исследователями. Более чем 20-летняя деятельность СУАК характеризует начальный этап в истории археологии Нижнего Поволжья. Во время революций 1917 г. члены комиссии спасали Историко-археологический музей, архивы и библиотеки. Все музеи национализировали вместе с их зданиями. Они стали подчиняться Губернскому отделу народного образования, а СУАК закрыли до ее перерегистрации.

В 1917/1918 учебном году в Саратовском университете открыли историко-филологический факультет. Бывшую САУК в 1920 г. реорганизовали в Нижне-Волжское общество истории, археологи и этнографии при Саратовском университете. В.А. Городцов в качестве руководителя Археологического подотдела Музейного отдела Народного комиссариата просвещения РСФСР посетил Саратов в октябре 1920 г. На историко-филологическом факультете профессор прочитал доклады о современной археологии и выработке плана систематических научных раскопок в губернии. Несколько дней он посвятил перестройке экспозиции Историко-археологического музея. В реэспозиции археологических залов участвовал его ученик П.С. Рыков. В первые советские десятилетия под руководством Павла Сергеевича сформируется Саратовская вузовская научная археологическая школа, функционирующая, несмотря на репрессии, до начала Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Малов Н.М., 1999. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Материалы науч. конф. / Ред. В.Н. Данилов. Саратов: Изд. центр Сарат. гос. соц.-эконом. факультета. С. 22–36.
- Малов Н.М., 2006. Музеи города Саратова: страницы истории от Саратовской губернской ученой архивной комиссии до 1917 года // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Материалы Межрегион. науч. конф. Труды СОМК. Вып. 9. / Ред. Н.М. Малов. Саратов: Изд-во «Локатор». С. 31–50.
- Малов Н.М., 2006а. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура: Материалы

Межрегиональной науч.-практ. конф. Труды СОМК. Вып. 10. / Ред. Н.М. Малов. Саратов: Издательство «Триумф», 2006. С. 192–279.

Миронов В.Г., 1998. У истоков саратовской археологии // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III / Ред.: А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. Государственный исторический музей, Институт археологии РАН. М.: Изд-во «Богородский печатник». С. 147–153.

Соколов В.П., 1911. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 12. 1886–1911. Исторический очерк. Краткие биографии членов Комиссии / Сост. Н.Ф. Хованский. Саратов: Типография союза печатного дела.

М.В. Медведева
(Санкт-Петербург)

ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ Н.Я. МАРРА⁷

Имя академика Николая Яковлевича Марра и его роль в сложении российской школы археологии широко известны в отечественной науке. Никогда не вызывали сомнений его выдающиеся организаторские способности, однако оценка научной деятельности Н.Я. Марра в историографии претерпела различные этапы – от совершеннейшего поклонения до резкой критики и отрицания (Аллатов, 2004). Страстные споры о вкладе ученого в гуманитарные науки не утихают с тех пор, как «гениальные труды товарища Сталина» в 1950 г. с «исключительной глубиной и яростью» вскрыли «причины застоя в языкознании, разоблачили господствовавший в нем аракчеевский режим и показали действительный, антимарксистский, характер так называемого “нового учения о языке” Н.Я. Марра» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 313. Л. 1).

За разгромом лингвистической теории последовало суровое осуждение археологической деятельности ученого, причем не только теоретических разработок советского периода, но и практических работ дореволюционного времени, включая многолетние исследования в Ани. Наиболее гневно изобличали непрофессионализм Марра в археологии С.В. Киселёв, П.Н. Третьяков, А.Л. Монгайт, А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, Г.Б. Фёдоров, Б.А. Рыбаков. На заседании Ученого совета ЛОИИМК АН СССР в ноябре 1950 г. московские археологи потребовали пересмотреть восторженную оценку полевых работ Н.Я. Марра, в первую очередь отмечая «крайне низкий технический уровень» раскопок в Ани, «отсутствие методологии», «отсутствие элементарного представления о культурном слое», «отсутствие документации» и т.д. Ленинградские археологи (А.П. Окладников, А.Н. Бернштам, К.В. Тревер, Б.Б. Пиотровский, М.М. Дьяконов, В.И. Равдоникас, А.Ю. Якубовский, М.К. Каргер) в ответных речах признавали ошибки в принятии «нового учения о языке», но все-таки пытались защитить авторитет Н.Я. Марра как выдающегося представителя кавказской археологии. Специалисты подчеркивали «исключительную роль Н.Я. Марра в организации исследовательского центра всесоюзного значения по истории», отмечали, что не стоит применять требования 1950-х гг. к исследованиям конца XIX – начала XX вв., напоминали о печальной судьбе пропавшей анийской археологической коллекции и документации, но все было бесполезно (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 316). Негативное мнение о методике раскопок Н.Я. Марра в Ани и издании результатов было закреплено в публикации А.В. Арциховского и сохранялось долгие годы (Арциховский, 1953. С. 54–55).

В последние десятилетия интерес к личности Н.Я. Марра возобновился в попытке дать объективную оценку его работам (Каганович, 2007; Сидорчук, 2016), в том числе часть обвинений была снята и в области практической археологии (Платонова, 1998).

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22–18–00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354> «Архитектура и монументальное искусство Ани как феномен мировой художественной культуры. Становление столичной школы армянского зодчества X–XIV вв.»), в НИУ МГСУ.

В этом смысле прежде всего важно обратиться к архивным источникам. Полевых отчетов Н.Я. Марра сохранилось очень мало, так как большая часть документации утрачена в 1917 г. Счастливым исключением составляют материалы его первых двух экспедиций в «Русскую Армению» (1892–1893 гг.), которые молодой ученый совершил по поручению и на средства Императорской археологической комиссии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 33; 1893. Д. 61). Главным объектом изучения стали памятники Анийского городища и окрестностей. Комплекс документов включает подробные дневники, значительное количество фотографий, рисунки и описи находок с указанием их дальнейшего места музейного хранения, переписку по организации и финансированию раскопок. В отличие от разрозненных отчетных материалов последующих лет, они дают четкое представление о том, как серьезно Н.Я. Марр уже в начальный период Анийской экспедиции относился к подготовке и проведению работ; демонстрируют, какие старые и новые методики он использовал в процессе исследований. Странно, что именно эта документация, важная как для истории российской археологии, так и для кавказоведения, осталась не введенной в научный оборот. К концу 1940-х гг. дневники Н.Я. Марра 1892–1893 гг. уже были готовы к изданию благодаря стараниям его преданного личного секретаря В.А. Миханковой, но в связи с разразившейся борьбой с марризмом их публикация оказалась абсолютно невозможной. Совершенно очевидно, что разоблачители Н.Я. Марра 1950-х гг. вряд ли были знакомы с этими материалами. Отчеты, конечно, не соответствуют современным правилам полевой документации, но для своего времени выполнены на достаточно хорошем уровне. Следует отдельно отметить факт целенаправленного и продуманного применения фотосъемки и копирования надписей и резных камней путем эстампирования. В 1890-е гг. такие передовые методы полевой фиксации использовались далеко не во всех археологических экспедициях, даже, если для этого имелись средства. Н.Я. Марр сам обучился фотографированию и уже в 1892–1893 гг. он исполнил около четырехсот высококачественных снимков древностей во время анийских исследований.

Отчеты 1892 и 1893 гг. подтверждают, что археологические исследования Н.Я. Марра во время первых Анийских кампаний носили комплексный характер и были весьма прогрессивны для того времени. Отсутствие полноценной документации последующих Анийских сезонов усложняет задачу адекватной оценки археологической деятельности Н.Я. Марра, однако не стоит забывать, что к 1917 г. благодаря усилиям ученого и его команды Ани превратился в один из первых музеев под открытым небом и мощный научный центр. Анийская экспедиция вместе с тем стала кузницей кадров для выдающихся исследователей Санкт-Петербурга/Ленинграда и лидеров будущих национальных школ археологии, этнографии, истории искусства и архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Алтаев В.М.*, 2004. История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС. 288 с.
- Арциховский А.В.*, 1953. Пути преодоления влияния Н.Я. Марра в археологии // Против вульгаризации марксизма в археологии. М.: Изд-во АН СССР. С. 51–70.
- Каганович Б.С.*, 2007. Е.Ч. Скржинская о Н.Я. Марре // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 30. С. 514–519.
- Платонова Н.И.*, 1998. Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археологические Вести. Вып. 5. С. 371–382.
- Сидорчук И.В.*, 2016. Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.) // Научно-технические ведомости С.-Петербургского гос. политехнического ун-та. Гуманитарные и общественные науки. № 4 (255). С. 96–107.

О.М. Мельникова
(Ижевск)

**ПЕРМСКАЯ НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
О.Н. БАДЕРА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-х ГОДОВ)**

Научную школу определяют как коллектив, объединенный организационными рамками, конкретной тематикой, общей системой взглядов, идей, интересов, традиций, сохраняющейся, передающейся и развивающейся при смене научных поколений. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера получила такой статус задолго до ее специального изучения. Она сформировалась под воздействием целого ряда социальных, интеллектуальных, коммуникативных и, несомненно, личностных факторов.

В силу трагических обстоятельств военного времени О.Н. Бадер оказался на Урале: в конце 1941 г. как этнический немец он был депортирован на Урал, мобилизован в спецотряд Тагиллага НКВД. Усилиями ректора Молотовского (Пермского) университета А.И. Букирева в 1946 г. он получил возможность продолжить прерванные войной занятия археологией (Мельникова, 2003. С. 67–69).

В научном багаже ученого был не только собственный опыт, сформированный годами работы в МОИИМК, Институте и Музее антропологии МГУ, но и солидный объем знаний по археологии Прикамья, полученный несколькими поколениями энтузиастов дореволюционной поры, а так же довоенные успехи экспедиций Академии наук. Для первых О.Н. Бадер отмечал сильную местную традицию в археологическом изучении, для вторых «планомерность и широкий размах» (Бадер, 1953. С. 3–4).

О.Н. Бадер продолжил эту исследовательскую традицию. Наличие в Перми университета, открытого в 1916 г. как отделение Петроградского университета, стало организационным основанием будущей археологической школы, хотя до середины 1940-х гг. университет не готовил археологов. Но довоенный исследовательский опыт, преподавание в МГУ, широкие связи внутри археологического и краеведческого сообщества, а главное – личные качества О.Н. Бадера позволили увлечь студентов, готовых реализовать идеи ученого.

Педагогический дар О.Н. Бадера заслуживает особого разговора. Так, директор Института антропологии МГУ А.А. Дёмин в характеристике О.Н. Бадера, представленной в Пермь, отмечал, что он «стяжал вполне заслуженную славу как талантливый, вдумчивый педагог, подготовивший в рядах учащейся молодежи не одно поколение специалистов-археологов. О.Н. Бадер продолжает оставаться всеми уважаемым и высокоценным членом научного и педагогического коллектива. Вся совокупность научной, педагогической, общественной деятельности т. Бадера вполне заслуженно имеет высокую оценку в виде премий и похвальных отзывов» (Архив ПГУ. Ф. 180. Оп. 2. Л. 2).

В ПГУ О.Н. Бадер был зачислен доцентом на кафедру всеобщей истории историко-филологического факультета. Свою деятельность он начал с создания осенью 1946 г. археологического кружка из числа студентов, проходивших практику на стоянке им. М.В. Талицкого в экспедиции Института геологии АН СССР, руководимой О.Н. Бадером (Мельникова, 2003. С. 31).

В одном из «Отчетов историко-филологического факультета» за 1946–1947 уч. г. указывалось, что кружок «представляет собой зародыш настоящей научной школы, к созданию которой должен стремиться каждый научный работник» (Мельникова, 2003. С. 31).

Одновременно с созданием археологического студенческого кружка в 1946 г. О.Н. Бадер организовал кабинет археологии. Он был оборудован в течение нескольких месяцев, став богатым археологическим собранием прикамских материалов, коллекций, присланных в Пермь из других регионов страны. Это явилось столь заметным событием

в культурной жизни города, что о нем писала областная газета «Звезда». О.Н. Бадер придавал большое значение кабинету археологии, полагая, что он должны явиться научным, методическим центром и играть руководящую роль в дальнейшем археологическом изучении Урала. «Один из главных шансов на успех в работе кабинетов – участие в ней студенческой молодежи, нашей будущей смены» (Бадер, 1948. С. 66–67).

О.Н. Бадер сумел убедить членов Ученого совета ПГУ в необходимости подготовки кадров археологов. Она была организована приказом Министерства высшего образования и стала первой в региональных вузах СССР (Мельникова, 2003. С. 35). Ученый использовал опыт МГУ, получая от коллег программы спецкурсов, привлекал к чтению лекций специалистов других наук. Перед студентами выступали многие советские археологи, приезжавшие в Пермь для изучения коллекций КАЭ.

Поразительна работа О.Н. Бадера над курсовыми работами студентов! Сохранились многочисленные замечания и комментарии к работам разных лет. Не менее тщательно О.Н. Бадер писал отзывы на дипломные работы своих студентов. Так в черновом отзыве на работу В.Ф. Генинга он писал: «Язык. Много ошибок в тексте. Старая нелюбовь к знакам препинания <...> Надо всегда, когда это можно, выражаться точно <...> Но чрезвычайно увлекательная картина, над которой впервые приподнимается завеса!» (Мельникова, 2003. С. 43).

О.Н. Бадер использовал свой авторитет для того, чтобы работы студентов публиковались в научных изданиях. Ученый секретарь ИИМК, Т.С. Пассек писала ему: «Пишите Вы и Ваша молодежь к нам в “Краткие сообщения”» (Мельникова, 2003. С. 43).

Важнейшим звеном в формировании научной школы в Перми стала организация Камской археологической экспедиции (КАЭ), которая явилась значимым инструментом изучения древней истории Прикамья, стала местом освоения студентами навыков исследовательской работы. Отправляя своих студентов в поле, О.Н. Бадер вел с ними активную переписку, консультируя, обсуждая полученный материал, при этом проявляя внимание к быту, здоровью, питанию студентов.

Логическим завершением в организационном становлении пермской научной школы археологов стало открытие в июне 1954 г. музея археологии с фондом около 200000 номеров (Бадер, 1956. С.128–131).

Важную направляющую роль в становлении археологической научной школы стало Первое уральское археологическое совещание. Оно явилось организующим центром научной мысли в области развития археологии в регионе и важным фактором образования и воспитания научной молодежи.

Таким образом, в середине 1940-х-первой половине 1950-х гг. О.Н. Бадер заложил значимые организационные формы воспитания нового поколения археологов, которые затем многократно повторялись в других коллективах, созданных его учениками, нередко трансформируясь в дочерние археологические научные школы. Их можно считать определенной закономерностью в формировании научных школ в советской послевоенной археологии в университетах страны: это создание кабинета археологии, студенческого научного кружка, специализации по археологии, археологической экспедиции и музея. Важным элементом, фиксирующим институционализацию научной школы, стало проведение коллективом крупных региональных научных конференций.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н., Кабинеты археологии при университетах Свердловска и Молотова // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948. С. 66–67.
 Бадер О.Н., Итоги шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // Ученые записки Молотовского государственного университета им. А.М. Горького. Труды КАЭ. Т. IX. Вып. 3. Харьков: Изд-во Харьковского государственного университета, 1953. С. 3–89.

Бадер О.Н., Музей археологии Прикамья при Пермском университете // Труды КАЭ. Вып. II. УЗ ПГУ. Т. XI. Вып. 3. Харьков: Изд-во Харьковского государственного университета, 1956. С. 127-131.

Мельникова О.М., Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск: УдмГУ, 2003. 180 с.

В.И. Молодин
(Новосибирск)

СИБИРСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ АРХЕОЛОГОВ⁸

Изучение археологии Сибири имеет глубокие корни и насчитывает не менее 300 лет. Первые научные раскопки и изучение наскальных изображений (Томская писаница) принято связывать с первой академической экспедицией, возглавляемой Д.Г. Мессершмидтом (*Messerschmidt*, 2020). Последующая монографическая публикация, принадлежащая сотруднику экспедиции Ф.И. Страленбергу, была издана на нескольких европейских языках (*Strahlenberg*, 1730) и вызвала огромный интерес к археологии этого труднодоступного и загадочного региона, именуемого Сибирью.

Впоследствии, по мере освоения края русскими и всестороннего изучения его многочисленными экспедициями, особое внимание получали и находящиеся здесь многочисленные археологические памятники. Собранные коллекции археологических материалов оседали не только в частных фондах и позже в сформировавшихся здесь музеях, но и попадали в Петербург и Москву, где становились объектами пристального внимания и исследования. Для формирования в Сибири научных школ по изучению археологических комплексов в то время не существовало необходимых условий в силу отсутствия в крае университетов, первый из которых – Императорский Томский университет был основан только в 1878 г., а фактически его открытие состоялось 22 июля 1888 г. Второй университет – Иркутский – был открыт в 1918 г. в условиях Гражданской войны. Можно сказать, что именно в Иркутском университете была создана первая в Сибири археологическая научная школа, возглавляемая профессором Бернгардом Эдуардовичем Петри. В университете он организовал кафедру первобытной культуры и студенческий кружок народоведения. Б.Э. Петри блестяще владел методикой полевых исследований, и, как оказалось, был талантливым педагогом-наставником. В результате из его научной школы вышла целая плеяда выдающихся исследователей Северной Азии археологов и антропологов – А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.Д. Дебец, Г.П. Сосновский, Г.В. Ксенофонтов и др.

Только после Великой Отечественной войны, в 1957 г. было положено начало Сибирскому отделению Академии наук СССР. В Новосибирском научном центре академиком М.А. Лаврентьевым была собрана целая плеяда крупных ученых из Москвы, Ленинграда и других городов страны, ставших основателями сибирских научных школ в разных направлениях науки.

С целью обеспечения развития гуманитарного направления в Академгородок был приглашен видный ученый-сибиревед, профессор, лауреат Сталинской премии Алексей Павлович Окладников, создавший в Сибири первый комплексный академический гуманитарный институт, одним из основных направлений которого стала археология (Алексей..., 1981).

А.П. Окладников, один из учеников Б.Э. Петри, прошел обучение в аспирантуре ГАИМК в Ленинграде у крупнейшего археолога страны, профессора П.П. Ефименко.

Несмотря на то, что в послевоенный период в университетах и педагогических институтах Сибири уже активно функционировали ячейки, занимающиеся археологией,

⁸ Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

научные школы, в полном смысле этого слова, только начинали формироваться. Их лидеры в своих исследованиях ориентировались, прежде всего, на столичные центры – Институт археологии в Москве и Ленинградские отделение Института археологии (в прошлом – ГАИМК) Академии наук СССР. А.П. Окладникову фактически на пустом месте предстояло создать собственную сибирскую школу, способную целенаправленно решать фундаментальные проблемы сибирской археологии.

Руководство Сибирского отделения Академии наук отдавало себе отчет в том, что становление и деятельность сибирских научных школ, без которых невозможно было получить существенные научные результаты, даже имея в активе выдающихся ученых, были невозможными без налаженной в Академгородке системы подготовки научных кадров. Для этого в 1958 г. был создан Новосибирский государственный университет, основополагающим принципом деятельности которого была неразрывная связь науки и образования. Столь эффективный опыт взаимодействия НГУ и научно-исследовательских институтов в Новосибирском научном центре был впоследствии перенесен и в другие научные центры Сибирского отделения (*Добрецов и др.*, 2003).

С созданием гуманитарного факультета НГУ у А.П. Окладникова появилась возможность обеспечивать целевую подготовку молодых ученых, хотя в институт, где уже работала аспирантура по археологии, приглашались энтузиасты, что называется, болеющие археологией, с периферии. Это Анатолий и Евгения Деревянко из Благовещенска, Виталий Ларичев из Ленинграда, Руслан Васильевский из Магадана, Иван Асеев из Читы. Все эти ученые стояли у основ сибирской археологической школы. А.П. Окладников также активно сотрудничал с сибирскими и дальневосточными археологами, работавшими в то время в вузах и музеях региона.

Позднее уже НГУ стал активно обеспечивать школу Окладникова молодыми кадрами. Из первых потоков выпускников следует назвать Виталия Медведева, Сергея Глинского, Ольгу и Владимира Дьяковых, Валерия Бурилова, Дмитрия Березина, Юлия Худякова, Александра Соловьева и др. Сегодня часть членов этого набора школы стали докторами наук.

Для археологов института, объединенных общими взглядами и идеями, главным направлением научной деятельности стали широкомасштабные полевые исследования на памятниках различных территорий эпох и культур Сибири от периода палеолита до русской колонизации региона. Исследования распространялись на территории Центральной и Средней Азии, а также Кубы и Японии.

Важно, что сибирская научная школа археологов получила свое дальнейшее развитие. После ухода в 1981 г. академика А.П. Окладникова институт возглавил его ближайший ученик – член-корреспондент АН СССР, а затем академик – Анатолий Пантелеевич Деревянко (*Академик...*, 2022).

Следует сказать, что А.П. Деревянко сначала преобразовал Институт истории, филологии и философии СО АН СССР в ассоциированный объединенный институт, а в 2001 г. входящие в него учреждения, в том числе Институт археологии и этнографии СО РАН, – в автономные НИИ с полной юридической самостоятельностью. За эти годы Институт археологии и этнографии СО РАН стал одним из крупнейших гуманитарных академических учреждений страны, с разветвленной сетью университетских лабораторий. Основным принципом деятельности института является широкая степень интеграции с научно-исследовательскими институтами естественно-научного профиля, что способствовало формированию и развитию уже не одной, а нескольких научных школ. Кроме того усилились связи сотрудников института с зарубежными коллегами стран Европы, Азии и Америки.

Наиболее мощной на сегодняшний день стала научная школа академика А.П. Деревянко, отвечающая всем основным требованиям как науковедческая категория. В ее состав, помимо лидера, входят два члена РАН – М.В. Шуньков и А.И. Кривошапкин, около десятка докторов наук и свыше десятка кандидатов наук. Школа объединена

общностью научных интересов и высокой научной значимостью рассматриваемых проблем, связанных с происхождением человека и древнейшим периодом его обитания на планете.

Школу Деревянко отличает высокий уровень научных результатов и ее признание в стране и за рубежом. Следует отметить роль научного лидера в обеспечении высокого уровня функционирования школы, преемственности поколений, работа с научной молодежью, постоянно действующий научный семинар. Показателем высокого уровня работы школы является также неоднократно демонстрируемая высокая оценка государством и Российской академией наук.

Кроме школы А.П. Деревянко следует отметить, что продолжением школы А.П. Окладникова явилась научная школа по изучению культур эпохи палеометалла Сибири, возглавляемая автором этих строк, также достаточно представительная по числу входящих в нее ученых, их высокому квалификационному уровню и в целом отвечающая всем требованиям, предъявляемым научным школам.

Своеобразно сложилась судьба востоковедческой научной школы, основанной В.Е. Ларичевым. Создаваемая в восьмидесятые годы прошлого века, в первое время школа активно развивалась. К ее несомненным успехам следует отнести подготовку нескольких квалифицированных кадров со знанием восточных языков, нацеленных на изучение археологии стран Центральной и Юго-Восточной Азии. Однако в силу ряда объективных причин школа распалась, хотя некоторые из ее членов до сих пор продолжают успешно заниматься научной работой.

В заключение уместно отметить, что после создания академической гуманитарной ячейки в Академгородке серия научных школ возникла и определенное время успешно функционировала в ряде сибирских университетов, среди которых следует особо выделить Уральский государственный университет (руководитель школы – д.и.н. В.Ф. Генинг), Томский государственный университет (руководитель школы – д.и.н. В.И. Матюшенко), Иркутский государственный университет (руководитель школы – д.и.н. Г.И. Медведев), Кемеровский государственный университет (руководитель школы – д.и.н. А.И. Мартынов), Алтайский государственный университет (руководитель школы – д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин) и др. Судьба этих научных школ сложилась по-разному, однако каждая из них нашла продолжение в делах целой плеяды ученых, которые и сегодня трудятся, исследуя археологию Сибири, успешно продолжая дело своих предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

- Академик..., 2022. Академик Анатолий Пантелеевич Деревянко: библиография. 5-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 515 с.
- Алексей..., 1981. Алексей Павлович Окладников: материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия: История. Вып. 13. М.: Наука. 184 с.
- Добрецов Н.Л., Молодин В.И., Ермиков В.Д., Притвиц Н.А.*, 2003. Научные школы Академии наук как инструмент сохранения и пополнения научного потенциала (на примере СО РАН) // *Науковедение*. № 1 (17). С. 70–85.
- Messerschmidt D.G.*, 2020. *Sibiria Perillustrata*. СПб.: Коло. 384 с.
- Strahlenberg F.I.*, 1730. *Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm. 474 s.

К.А. Руденко
(Казань)

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА БУЛГАРИСТИКИ А.П. СМИРНОВА В ТАССР (1930–1970-е ГОДЫ): ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Вопрос об археологической школе в Татарстане не раз поднимался в публикациях с начала XXI в. Однако монографической разработки он так и не получил. Многие ключевые вопросы, в том числе о начале этого процесса, ведущих специалистах и др., по сей день остаются открытыми. В большей степени освещена деятельность выдающегося археолога-булгароведа Алексея Петровича Смирнова (1899–1974) с именем которого связана ведущая во второй половине XX в. археологическая школа болгаристики в ТАССР (Сорокина, 2008. С. 129; Белозёрова, Кузьминых, 2019. С. 13; Руденко, 2010. С. 57–61; Руденко, 2014. С. 484–494).

Для археологической школы А.П. Смирнова, как, впрочем, и для многих других школ, характерны следующие черты: общность научной парадигмы, сложившаяся научная идеология, доверительная психология общения внутри школы, постоянство коммуникационных связей, общая позиция в диалоге с оппонентами. Учитывая археологическую специфику, можно добавить новую полевую исследовательскую методику с акцентом на детальную стратиграфию и комплексный подход к вопросам датирования. Школу также характеризует активная издательская политика: публикация докладов на мероприятиях и конференциях Казанского музея, ежегодных научных сессиях в МОИИМК (в дальнейшем ИА АН СССР) в КСИИМК (КСИА), а также аналитических статей в серии «Материалы и исследования по археологии СССР».

Уникальность школы А.П. Смирнова для региона, на наш взгляд, заключается в формировании ее на базе археологической экспедиции и республиканского музея. До 1960-х гг. ни Общество археологии истории и этнографии при Казанском университете, ни многочисленные краеведческие организации 1920-х гг. в ТАССР, ни созданный в 1930-х гг. ИЯЛИ, затем ставший филиалом АН СССР в Татарии, ни Казанский университет археологическое направление исследований в этом формате сформировать не смогли.

Можно выделить три этапа развития школы болгаристики А.П. Смирнова: первый – 1933–1940 гг.; второй – 1945 – начало 1960-х гг.; третий – 1960-е – 1974 г. Функционирование ее продолжалось в последующие годы (Руденко, 2010. С. 57–59).

Содержание **первого этапа** связано с началом планомерного археологического изучения исторических болгарских городов – Суварского (1933–1937) и Булгарского (1938–1940) городищ под руководством А.П. Смирнова и формирование научной парадигмы школы. Параллельно ему Алексей Петрович изучал музейные коллекции и вел тщательную работу с публикациями. Были сформулированы основные исследовательские проблемы: генезис болгарской народности, его историческая судьба, идентификация исторических городов и выявление их роли в болгарской государственности, в том числе Булгарского городища. Выбор «городской» тематики, для А.П. Смирнова был в какой-то мере продолжением темы его кандидатской диссертации по археологии городищ Прикамья (1929). Сформулированные к началу 1940-х гг. идеи по болгарской тематике нашли отражение в работе А.П. Смирнова «Очерки по истории волжских болгар» (Смирнов, 1940. С. 55–36) и были развиты в докторской диссертации, защищенной в 1944 г. (Руденко, 2021. С. 327).

На **втором этапе** (1945 – начало 1960-х гг.) происходит формулировка и утверждение научной концепции школы, как в научно теоретическом плане⁹, так и в масштабных археологических исследованиях в рамках работ Куйбышевской экспедиции (1950–1955)

⁹ Монографии: «Волжские болгары» (1951), «Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья» (1952), «Железный век Чувашского Поволжья» (1961).

в первую очередь Булгарского городища¹⁰. Исследовательская программа А.П. Смирнова опиралась на базисную концепцию автохтонизма, построенную на тезисе о самостоятельном развитии отдельных составляющих этнических компонентов раннего болгарского государства, окончательно сформировавшихся под воздействием внутренних социально-экономических факторов в результате феодализации. В этот же период была завершена разработка стратиграфической шкалы Булгарского городища и началось внедрение стратиграфического метода в полевую практику раскопок.

Третий этап (1960-е – 1974) характеризуется развитием научной концепции, наполнение ее новым фактическим материалом и широкой научной дискуссии с конкурирующей молодой археологической школой А.Х. Халикова. Область обсуждения касалась этапа формирования государства и предшествующей ему эпохи, столицы болгарского государства до монгольского нашествия (проблема Булгара–Биляра), роли ислама в культуре волжских болгар и др. Активно включились в работу школы молодые казанские археологи – Т.А. Хлебникова, защитившая в 1964 г. диссертацию под руководством А.П. Смирнова, и Н.Д. Аксёнова; продолжила исследования А.М. Ефимова. В составе Булгарского отряда Поволжской экспедиции работали московские археологи М.Д. Полубояринова, Г.Ф. Полякова и др. Научная программа школы расширила границы – основные ее постулаты оказали влияние на региональные исследования в Предуралье и отчасти, на Урале.

Накопление фактического материала и смена научных парадигм во второй половине 1970-х гг. привели к изменению формальной организации школы, превратившейся, по О.М. Мельниковой, в систему «незримых колледжей» – индивидуальных исследователей, работающих в близких или смежных областях.

ЛИТЕРАТУРА

- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.*, 2019. Государственный исторический музей и становление советской археологии в 1920-е годы (по материалам Отдела письменных источников ГИМ) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Межд. науч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. С. 10–13 DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-275-9.10-13.
- Руденко К.А.*, 2021. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Казань: РИЦ «Школа». 476 с.
- Руденко К.А.*, 2010. Казанские археологические школы болгаристики 1940- х – 80-х гг. (периодизация): к постановке проблемы // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества // XIII Бадеровские чтения. Материалы Всеросс. науч. конф. / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та. С. 57–61.
- Руденко К.А.*, 2014. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования». 768 с.
- Смирнов А.П.*, 1940. Очерки по истории волжских болгар // Труды ГИМ. Вып. XI. М.: ГИМ. С. 55–136.
- Сорокина И.А.*, 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К. 244 с.

¹⁰ С помощью коллег и учеников (А.М. Ефимова, О.С. Хованская, З.А. Акчурина, Б.Б. Жиромский, Г.А. Фёдоров-Давыдов).

С.Н. Савенко
(Пятигорск)

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ СТОЛИЧНЫХ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ И ЗАЧИНАТЕЛИ МЕСТНЫХ НАУЧНЫХ
СООБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В 1920–1940-е ГОДЫ**

Термин «научные школы» применяется к понятиям различного уровня. В докладе речь идет о локальных ракурсах понимания «научных школ» археологической направленности как устойчивых сообществ наставников и учеников. Для формирования и развития подобных «школ» необходимы научные и научно-педагогические базы для подготовки и объединения кадров и незаурядные личности ученых, способных объединять вокруг себя подопечных и учеников.

Многу оценивается ситуация в рамках центральных районов Северного Кавказа на примерах работавших там с 1918 по 1950 г. ученых и специалистов, занимавшихся изучением древних памятников и преподавательской деятельностью в области археологии и смежных дисциплин. Центрами с досоветского периода здесь были города Ставрополь, Пятигорск, Владикавказ, в которых существовали тогда только средние учебные заведения с преподаванием истории и древних языков. Попытки создать в них вузы в дореволюционное время не удались. В Нальчике и Баталпашинске (Черкесск) развивалось лишь уездное среднее образование, а Карачаевска до 1926–1927 гг. не было.

В первые годы советской власти исследователями древностей Северного Кавказа и преподавателями выступали «старые специалисты». Они получили первичные знания и практику в дореволюционных учебных заведениях и иных организациях и несли в себе их традиции. К тому же нужно помнить о том, что период развития отечественной археологии с 1918 по 1929 г. резонно называется «предсоветским» (Н.И. Платонова) и говорить об оформлении в этот период собственно «советских археологических школ» преждевременно.

Выпускниками историко-филологического факультета Харьковского университета были Д.М. Павлов и Л.П. Семёнов. Оба они обучались в 1907–1912 гг. и могли принадлежать к харьковской школе с археологической составляющей, которой выступало с 1877 г. университетское ХИФО. Члены его заботились о сохранении памятников, взаимодействовали с археологическими обществами и съездами, проводили экспедиции и т.п. (Фрадкин, 1982. С. 224–240).

Д.М. Павлов с 1912 г. преподавал в Пятигорской мужской гимназии, в которой с конца XIX в. был свой учебный музей с археологическими находками, действовал кружок, учащиеся привлекались к полевой практике. Вероятно, Павлов повлиял на становление будущего советского археолога и историка науки Б.В. Лунина, состоявшего в 1920–1921 гг. в археологическом и архивном кружке преобразованной из гимназии школы 2-ой ступени. Кружком тогда руководил близкий к Д.М. Павлову, бывший частный поверенный В.В. Лунин – отец археолога (Коваленко, 2017. С. 49–50). Б.В. Лунин публично не называл Д.М. Павлова своим учителем в науке. Другие археологи, которые считали бы себя его учениками, не известны. Возможно, такие могли появиться, если бы этот неординарный ученый не был бы репрессирован и не умер в тюрьме в 1931 г.

Л.П. Семёнов преподавал в течение более 30 лет в институтах Владикавказа (Орджоникидзе), пройдя все ступени профессиональной лестницы до профессора (с 1934 г.) и декана филологического факультета. Вел он, в основном, русский язык, литературу, фольклористику, но одновременно работал в Северо-Кавказском институте краеведения и его научном музее, привлекая студентов в археологические экспедиции. Более 10 его учеников-филологов защитили диссертации. Своим учителем Л.П. Семёнова считал и крупный археолог-кавказовед Е.И. Крупнов. Почитают его археологи Владикавказа

и Грозного. Но собственно археологическая школа Л.П. Семёнова или подобная ей владикавказская школа до конца 1950-х гг. не возникла.

Во Владикавказе работал и И.П. Щерблякин. Окончив архитектурно-художественное отделение Казанского училища, с 1914 до середины 1930-х гг. преподавал в разных учебных заведениях Владикавказа, наряду с работой в музейных и научных организациях. Как и Л.П. Семёнов, он оказывал влияние на постепенно формирующиеся национальные кадры этнографов и археологов.

Во Владикавказе и Пятигорске были и другие ученые-преподаватели, связанные с археологией, но наставниками археологов советского периода они не стали.

Следует сказать и о педагогическом составе созданного в 1938 г. Карачаевского пединститута. Археологическими работами в нем с 1940 г. занимались выпускники историко-филологического факультета Петроградского / Ленинградского университета 1915 г. К.М. Петрелевич, и 1940 г. Л.А. Сердобольская. Последняя преподавала историю и организовала экспедицию 1940 г. А летом 1941 г. началась война. Участники экспедиции (Иванчук и др.) ушли на фронт и многие не вернулись (*Сердобольская*, 2000. С. 156–157). Когда в 1944 г. Карачаевский пединститут был объединен с Пятигорским, она работала в его штате, но археологией больше не занималась. Позже вернулась в Ленинград. Сведения о К.М. Петрелевиче после 1940 г. отсутствуют.

Представительница ранней советской саратовской археологической школы профессора П.С. Рыкова Т.М. Минаева переехала на Ставрополье в 1939 г. и сразу развернула свои исследования в регионе. Но к преподавательской деятельности на историческом факультете Ставропольского пединститута она перешла только в 1950 г. Группа ее учеников-археологов (д.и.н. А.Л. Нечитайло, доц. А.В. Найденко, И.В. Отюцкий и др.), сформировалась уже в 1960-е – начале 1970-х гг. Но эта группа явно обладает определенными чертами школы. Ее члены и их подопечные выступили с инициативой проводить в Ставрополе мемориальные «Минаевские чтения», которых состоялось до 2009 г. девять.

П.Г. Акритас до революции окончил Тифлисский учительский институт, но экстерном, а основное высшее образование им было получено в 1920-е гг. на факультете общественных наук Тбилисского политехнического института. В Закавказье он приобщился к этнографии и археологии, работал в 1936–1937 гг. в хозрасчетной ХрамГЭСской экспедиции в Южной Грузии, фиксируя памятники материальной культуры всех веков. В Пятигорск он перебрался в середине 1940-х гг. и стал преподавать на историческом отделении местного пединститута. Из числа его студентов вышел археолог И.С. Гумилевский. Уже в 1950-е гг. при его участии обучался и осваивал археологическую практику В.А. Кузнецов. Но во 2-ой половине указанного десятилетия ученый оставил преподавательскую деятельность и перешел в сектор археологии Кабардино-Балкарского НИИ.

Активно работавшим в области археологии Кавминвод и соседних районов был и Н.М. Егоров. Преподавательской деятельностью по этой науке он не занимался, хотя был профессиональным учителем гимназий, имел педагогические способности и сотрудничал в советской системе народного образования. Но его как наставника ценили местные археологи-краеведы А.П. Рунич, Н.Н. Михайлов и другие. Одним из своих учителей в археологии его считает и В.А. Кузнецов.

Все представленные ученые относятся мной к зачинателям местных советских археологических школ на Северном Кавказе. Были также другие петербургско-ленинградские и московские археологи-кавказоведы, оказавшие в 1918–1950 гг. существенное влияние на формирование местных археологических кадров (А.А. Миллер, А.А. Иессен, Г.А. Кокиев, Е.Г. Пчелина, Е.И. Крупнов и др.), часть которых была уроженцами и выходцами с Северного Кавказа. Они были лидерами и питомцами разных поколений уже оформлявшихся столичных советских археологических школ. Е.И. Крупнов, сформировавшийся в московской университетской и институтской школе, стал позднее одним из крупнейших лидеров археологического кавказоведения, воспитавшим целую плеяду учеников.

ЛИТЕРАТУРА

- Коваленко А.Н.*, 2017. Борис Владимирович Лунин (1906–2001) // Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: материалы заседаний / под редакцией к.и.н. С.Н. Савенко. Ставрополь: Печатный двор. С. 48–52.
- Сердобольская Л.А.*, 2000. Кавказ. Военные годы (1941–1943). Воспоминания. Подготовка и публикация текста Т.И. Галич и С.В. Захарова // Звезда. № 6. С. 156–166.
- Фрадкин В.З.*, 1982. Харьковское историко-филологическое общество (1877–1919 гг.) // История и историки: историографический ежегодник / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука. С. 223–248.

И.Е. Сафонов

(Воронеж, Аргамач-Пальна)

**С.В. КИСЕЛЁВ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ**

Сергею Владимировичу Киселёву (1905–1962) – одному из наиболее ярких и интересных представителей отечественной археологии второй четверти и середины XX века – посвящено достаточное число работ, в первую очередь, биографического содержания (*Дэвлет*, 2019. С. 247–250). Однако до сих пор мало проанализирован вклад С.В. Киселёва в изучение конкретных проблем археологии, в том числе и эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. А ведь, несмотря на обширную сферу научных интересов Киселёва, значительный хронологический и территориальный охват, проблематика эпохи бронзы является, пожалуй, одним из самых привилегированных направлений в его научной деятельности. Это не только многочисленные публикации, но и педагогическая деятельность в стенах МГУ (чтение курсов «Бронзовый век», «Введение в археологию», «Археология Сибири») на кафедре археологии МГУ, руководство сектором неолита-бронзы ИИМК/ Института археологии АН СССР.

Хорошо известно, что на проблематику эпохи бронзы С.В. Киселёва направил В.А. Городцов. Летом 1924 г. В.А. Городцов осуществляет научную командировку в Иркутск, Красноярск и Минусинск, где знакомится как с новыми археологическими коллекциями, так и полученными в ходе полевых работ до революции. Осенью 1924 г. он делает ряд докладов в РАНИОН, впервые давая характеристику западно- и восточносибирских культур эпохи бронзы: глазковской, андроновской, афанасьевской, минусинской (карасукской), сопоставив их, в первую очередь, с древностями ямной, катакомбной и срубной культур. Подчеркнем, что речь в докладах шла о конкретных археологических культурах, поскольку даже непосредственный создатель хронологической схемы развития культур западной Сибири С.А. Теплоухов предпочитал говорить о «культурных этапах» в рамках единой бронзовой культуры.

Преодолеть этот разрыв было суждено уже другому поколению археологов 30 – 40-х гг., в первую очередь молодым ученикам и коллегам В.А. Городцова по МГУ и ГИМ и среди них, конечно же, С.В. Киселёву. В 1928 г. он, ученик Городцова, тогда – молодой аспирант РАНИОН на собственные средства проводит первые исследования в Минусинской котловине. Не вызывает сомнения то, что Городцов оказал большое влияние на формирование научных взглядов Киселёва. Можно даже сказать, что последний унаследовал стиль археологических исследований Городцова, но развил его и придав ему черты яркой личной индивидуальности.

В 1928 г. вышла первая большая статья Киселёва, посвященная тагарской археологической культуре, а начиная с 1930 г. исследователь возглавил Саяно-Алтайскую археологическую экспедицию и беспрерывно руководил ею до 1956 г. В ходе многолетних работ было раскопано значительное число памятников эпохи бронзы – афанасьевской, карасукской, андроновской культур.

Проявившиеся в археологии первой половины 30-х гг. социологический схематизм, стадиальные построения, автохтонизм затронули и Киселёва. Ряд его работ по эпохе бронзы написан по стадиальной схеме. К концу 30-х гг. он выходит на свои первые обобщения материала по эпохе бронзы не только южной Сибири, но и степной полосы Восточной Европы. В статье «Советская археология Сибири эпохи металла» дается очерк развития древних культур эпохи бронзы (Киселёв, 1938). Даже само название работы весьма показательно: вместо термина «история материальной культуры» употребляется термин «археология».

Обобщению материала способствовало и начало преподавания на только что образованной кафедре археологии МГУ (в 1938 г.). Возглавивший ее А.В. Арциховский пригласил Киселёва читать курсы лекций по бронзовому и раннему железному веку. Стенограммы лекций по эпохе бронзы, записанные А.Е. Алиховой в 1939 г., свидетельствуют о серьезной проработке археологического материала со всего обширного пространства евразийской степи и лесостепи, что несомненно способствовало выработке авторской концепции развития на этой территории археологических культур (НА ИА РАН. Ф. 24. Ед. хр. 41).

Мной уже высказывалась точка зрения, что лекционный курс Киселёва по фундаментальности и энциклопедизму, за исключением лекций по эпохе бронзы степной и лесостепной полосы Сибири, уступал II тому «Археологии» В.А. Городцова, также посвященного эпохе бронзы, над которым последний начал работать в эти же годы (Сафонов, 2002). Но в качестве общетеоретического обобщения проблематики эпохи бронзы разработки Киселёва во многом предопределили дальнейшее изучение эпохи бронзы Евразии, послужили толчком для непосредственной реализации принципа научного историзма в конкретных археологических исследованиях, формированию научного поиска уже сугубо в его рамках.

Сам Киселёв реализовал указанный подход в докторской диссертации, защищенной уже после войны, в 1946 г., и своей главной книге «Древняя история Южной Сибири» (Киселёв, 1951). Эта работа – действительно история древнего населения на этой территории. Значительный раздел посвящен здесь эпохе бронзы и оценке афанасьевской, андроновской, карасукской культур. Причем развитие каждой конкретной археологической культуры увязано в общую схему исторического развития эпохи бронзы степной и лесостепной полосы на всей обширной территории Евразии. Правда, Киселёв чаще всего употребляет термин «эпоха» (например, афанасьевская, андроновская) и очень редко «культура», что придает монографии значительно больший историзм, но несколько не умаляет ее значения для конкретного археологического анализа.

По своему существу программной выглядит другая статья Киселёва «Исследования бронзового века на территории СССР за 40 лет» (Киселёв, 1957) и как по постановке общих задач, так и по решению конкретных проблем эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. К сожалению, объемы статьи позволили ему лишь охарактеризовать состояние изучения эпохи бронзы и наметить направления очередных исследований. Целый ряд ее положений был реализован впоследствии.

Фактически впервые Сергеем Владимировичем была поставлена задача, которая потом на протяжении целого ряда лет реализовывалась следующим поколением археологов: «совершенно очевидно, что в одних случаях мы имеем дело со строго локальными явлениями, выражающими в культурно-исторических формах развитие определенных ограниченных общностей, в других же случаях речь должна идти о более широких общностях – о культурно-исторических областях, где в силу совершенно конкретных исторических причин создавались известные общие черты, присущие ряду локальных культур» (Киселёв, 1957. С 30). По сути, это означало выход на анализ обширных культурно-исторических общностей. Среди других больших культурно-исторических массивов названа ямная культура. Важность изучения именно этого культурного образования особенно подчеркивал Киселёв. Это и выяснение границ распространения древнейших

памятников, происхождение и дальнейшая судьба, периодизация, необходимость выявления локальных группировок, проблема происхождения колесного транспорта – вот круг проблем, необходимых, с точки зрения ученого, изучить в ближайшем будущем. Спустя десять лет решению этих задач будет посвящена докторская диссертация его ученика Н.Я. Мерперта. Ряд основных проблем, которые, по его мнению, предстоит решить, лежат в области изучения срубных древностей. С его точки зрения очень много сомнений вызывает гипотеза о непосредственном родстве срубной и скифской культуры, несмотря на то, что она получила широкое освещение у целого ряда ведущих археологов – М.И. Артамонова, Б.Н. Гракова и некоторых других. При внимательном прочтении не вызывает сомнения, что данная публикация Киселёва безусловно наметила целый ряд проблем и подходов, некоторые из которых не потеряли свою актуальность и до сегодняшнего времени.

Во второй половине 50-х гг. Киселёв приступил к созданию нового капитального труда «Энеолит и бронзовый век Старого Света». Судя по всему, эта книга должна была явиться первым обобщением с позиции историзма всех имеющихся материалов эпохи энеолита и бронзы, и в первую очередь, евразийской степи и лесостепи. Ведь позади было столько лет занятий этой темой. К сожалению, завершить задуманное не удалось. Единственный оказавшийся опубликованным очерк «Бронзовый век СССР» свидетельствует о существенной проработке данной тематики. Значительное место в нем занимает оценка степи и «окраины леса Восточной Европы» (Киселёв, 1965). Исследователь фактически вплотную подошел к выделению лесостепной зоны в археологии эпохи бронзы Евразии, что, безусловно, свидетельствовало о глубоком знании археологического материала. Не случайно, что последние годы жизни были отмечены многочисленными поездками по музейным собраниям Европейской части СССР и Западной Европы.

Подытоживая вышеизложенное, еще раз хотелось бы подчеркнуть связующую роль С.В. Киселёва между дореволюционной археологией в лице его учителя В.А. Городцова и новым направлением, связанным с выраженным историзмом археологических исследований, получившим свое развитие в 60 – 70-е гг. XX в. Его работы в изучении эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи позволила выйти на качественно иной уровень развития, способствовали преодолению негативных тенденций 30-х гг. Все это позволяет поставить имя С.В. Киселёва в число наиболее выдающихся исследователей бронзового века Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Дэвлет Е.Г.*, 2019. Сергей Владимирович Киселёв // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 247–250.
- Киселёв С.В.*, 1938. Советская археология Сибири периода металла // ВДИ. № 1. С. 228–243.
- Киселёв С.В.*, 1951. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР. 642 с.
- Киселёв С.В.*, 1957. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет // СА. № 4. С. 28–43.
- Киселёв С.В.*, 1965. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М.: Наука. С. 17–60. (МИА № 130)
- Сафонов И.Е.*, 2002. Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии «Археология» // Археология в российских университетах / Отв.ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 2002. С. 62–70. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16).

И.А. Сорокина
(Москва)

**СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ РУКОВОДСТВА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ
(1918–1930-е ГОДЫ)¹¹**

Существующая в настоящее время в России система управления археологическим наследием и руководства его изучением (практическим – в поле и фундаментальным – в стенах многочисленных учреждений археологического профиля) сложилась не на пустом месте и прошла долгий путь эволюции. Наиболее радикальные перемены произошли после двукратной смены власти в 1917 г. В советское время, особенно в предвоенный период, активно насаждалось представление о том, что до революционных событий археологические изыскания производились не качественно и стихийно. И только советская власть навела порядок. Это справедливо в отношении охраны культурного наследия, поскольку охранное законодательство в Российской империи отсутствовало, хотя определенные шаги в этом направлении предпринимались. В архивах хранится огромное количество документов, так или иначе характеризующих процесс становления руководства археологическими исследованиями в разное время. Изучение их позволило пересмотреть ранее существовавшие взгляды и установки. Основным итогом – кардинальный пересмотр отношения к полевым исследованиям до 1917 г. Признано, что основы современных принципов исследования памятников археологии и регламентации их в России закладывались уже с середины XIX в., а не только в советское время, как было принято думать раньше. Этот порядок возникает со второй половины XIX в. и действует до сих пор, благодаря чему удается сохранить значительную часть археологического наследия. Таким образом, Россия стала первой в мире страной, наладившей учет археологических исследований в государственном масштабе уже с конца XIX в. Это важнейшее направление российской археологии и поныне.

Процесс становления советской системы руководства археологическими исследованиями можно разделить на несколько этапов. Первый начинается с весны 1918 г., когда государству пришлось всерьез озаботиться охраной культурного наследия в целом и археологического в частности. Связано это было с последствиями принятия на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. знаменитого Декрета о земле. Частная собственность на землю была ликвидирована (кроме земель рядовых крестьян и казаков). Частные земли были отданы в распоряжение местных органов власти. Этот законодательный акт спровоцировал безудержное уничтожение движимых и недвижимых памятников всех категорий, в том числе археологических. Культурное наследие оказалось на грани катастрофы. Стало очевидно, что необходимы срочные законодательные и организационные меры. Намечаются две линии, отражающие обе составляющие процесса регламентации: научную (контроль над методикой работ, квалификацией исследователей, информативностью отчетной документации) и административную (выдача документа на право проведения работ, обязанности и права исследователя, отношения с местными органами власти). До 1917 г. обе функции были сосредоточены в Императорской археологической комиссии, учрежденной в 1859 г. в ведомстве Министерства Императорского двора как часть государственной системы управления, ответственная за сохранение археологического (в то время и архитектурного) наследия (*Пескарёва, Рябинин, 1984. С. 299–300*). В 1917–1918 гг. изменялись названия этого ведомства (РАК, РГАК), вынужденного искать контакт с новой властью и сумевшего сохранить государственный статус, что подчеркивалось

¹¹ Работа выполнена в рамках НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

названием: Российская государственная археологическая комиссия. Но уже весной 1918 г. в системе Наркомпроса был создан Отдел по делам музеев и охране памятников старины (далее МУЗО), на который государство возложило административные функции – выдачу открытых листов на право проведения полевых археологических исследований. Непосредственно этим занимается Археологический подотдел под руководством крупнейшего российского археолога В.А. Городцова (*Сорокина*, 2016). Научная составляющая остается за преемницей ИАК/РАК/РГАК – Российской академией истории материальной культуры (РАИМК), что особенно подчеркнуто в Декрете СНК об ее образовании от 18.04.1919 г., разделившем «зоны ответственности» АПО и РАИМК (*Фармаковский*, 1921). Академия в отношении общего руководства и финансов подчиняется Научному отделу все того же Наркомпроса. В структуре ее появляется Московская секция, первые свидетельства существования которой относятся к 1920 г. Предполагается, что оба учреждения, научное (РАИМК) и административное (АПО) будут тесно сотрудничать на благо развития археологических исследований, но вместо этого возникла конфронтация, во многом обусловленная личностными факторами. В общегосударственном масштабе важно, что появляется охранное законодательство: в октябре 1918 г. принят Декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», способствовавший наведению порядка, но собственно археологии касавшейся лишь косвенно.

В 1921 г. начинается и заканчивается следующий этап. Происходит масштабная реформа Наркомпроса, регламентированная Декретом СНК от 11.02.1921 г. В составе этого ведомства возникают новые административные образования: Академический центр и в его составе, помимо других подразделений, Главмузей (бывший МУЗО) и Главнаука (на базе бывшего Научного отдела), а также созданный еще в 1919 г. Государственный ученый совет (ГУС). Задача Акцентра – общее теоретическое руководство наукой и культурой (*Организация...*, 1968. С. 36–37). АПО теперь находится в структуре Главмузея, а РАИМК (и ее Московская секция) подчинена Главнауке. Наиболее важным итогом периода стало создание губернских отделов Главмузея – региональных органов, отвечающих за культурное наследие, в том числе и археологическое, для чего в их штатах предусматривалась должность специалиста-археолога. Так была заложена будущая система органов охраны памятников.

Следующий этап – 1922–1925 гг. В начале 1922 г. после очередной реорганизации Главмузей был подчинен Главнауке и вновь стал Отделом по делам искусства и охране памятников старины. Как и на первом этапе, АПО подчинен МУЗО, а РАИМК – Научному отделу, и все это в рамках одного большого ведомства – Главнауки, по-прежнему входящей в структуру Академического центра. Противостояние научного учреждения и административного органа достигает апогея, притом, что они имеют общую задачу: исследование археологических памятников на основе научной экспертизы и правового обеспечения процесса разведок и раскопок. Обострение происходит после попытки В.А. Городцова реализовать проект Центрального археологического бюро (первая половина 1923 г.), предусматривающий фактическое отстранение РАИМК от участия в регламентации полевых исследований вопреки Декрету об образовании Академии, наделившему ее правом научного контроля (*Сорокина*, 2018). Проект не состоялся, в 1924 г. В.А. Городцов покидает Московскую секцию РАИМК и отныне его активность связана в большей степени с Научной музейно-библиотечной секцией Государственного ученого совета (1924–1925). Но как главный администратор советской археологии этого периода он предпринимает большой труд по подготовке важнейших законодательных актов: Декрета ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 07.01.1924 г. и Инструкции по его применению, принятой в том же году. Значение этих документов трудно переоценить: это первое в СССР настоящее охранное законодательство, имеющее прямое отношение к памятникам археологии. В 1925 г.

ликвидирован Академический центр – промежуточное звено, руководившее научными и музейными учреждениями (через Главнауку).

В 1926–1933 гг. система руководства культурным (в том числе археологическим) наследием вновь претерпевает изменения. Происходит реорганизация РАИМК. Теперь это Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК). Московская секция ликвидирована в ходе репрессий в 1929 г. Вторым московским филиалам Академии становится открытое в 1932 г. Московское отделение (МОГАИМК). Академия все также подчинена Главнауке, а после ее ликвидации в 1930 г. руководство ГАИМК, как и многими другими научными учреждениями, переходит к созданному (или скорее восстановленному) в системе Наркомпроса Сектору науки (просуществовал до 1933 г.). Администрирование археологических исследований все так же происходит в структуре Наркомпроса, но с 1930 г. это уже не АПО, а музейная группа в составе Сектора науки, в котором работают археологи Б.С. Жуков (кон. 1926–1930), О.Н. Бадер (1927–1930) и К.Э. Гриневиц (1927–1932). После 1933 г. она вновь приобрела статус отдела.

В начале 1930-х гг. наступает переломный момент в культурном строительстве, ярким проявлением которого становится разгром краеведения. Меняется и общее отношение к культурному наследию – оно практически исключается из приоритетов государства. Государственные органы более не занимаются планированием и регламентацией исследований. С 1935 г. ГАИМК получает право выдачи открытых листов, то есть становится единственным регламентирующим полевые исследования учреждением. И если на первых порах еще предполагался контроль со стороны Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК и Музейного отдела Наркомпроса, то после реорганизации Академии в 1937 г. в Институт истории материальной культуры в системе АН СССР государство до конца нулевых годов XXI в. полностью устранилось от этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Организация..., 1968. Организация советской науки в первые годы Советской власти (1917–1925) / Отв. ред. К.В. Островитянов. Л.: Наука. 419 с.
- Пескарёва К.М., Рябинин Е.А., 1984. Первое государственное учреждение отечественной археологии // СА. № 4. С. 299–307.
- Сорокина И.А., 2016. Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918–1926 годы) // КСИА. Вып. 245. Часть I. С. 244–256.
- Сорокина И.А., 2018. Центральное археологическое бюро: проект В.А. Городцова (1923 год) // КСИА. Вып. 253. С. 432–444.
- Фармаковский Б.В., 1921. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Петроград: б/и. 11 с.

И.Л. Тихонов
(Санкт-Петербург)

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ ГАИМК (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА В ЦГА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Начиная с середины 1920-х гг. любое более-менее крупное советское учреждение имело «секретную часть», в которой хранилась переписка с вышестоящими организациями и структурами органов государственной безопасности, помеченная грифом «секретно». Не была исключением и Государственная академия истории материальной культуры (далее – ГАИМК). В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб) сохранился рассекреченный фонд ГАИМК (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1), состоящий из 16 дел за период с 1924 по 1937 г.

Заведовал «секретной частью» кто-нибудь из доверенных и близких руководству сотрудников. Первоначально это была Вера Андреевна Миханкова (1892–1952), являвшаяся

секретарем председателя Академии Н.Я. Марра. Она давала специальную подписку о неразглашении при работе с секретной перепиской (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 1. Л. 69). В начале 1930-х г. эту функцию выполняла управделами ГАИМК Вера Константиновна Сухотина (1898–1984). С марта 1934 г. заведующей секретной часть стала зав. Сектором научной подготовки кадров Прасковья Васильевна Воронина (1899–?).

До начала 1930-х гг. преобладают материалы, связанные с различными сторонами деятельности ГАИМК: организация научно-исследовательской работы, экспедиции, заграничные командировки, отбор экспонатов для выставки в Лондоне и т.д. Позднее все больше появляется документов о политическом надзоре за сотрудниками. Составляются списки бывших офицеров, списки по отдельным национальностям (Д. 6; Д. 13. Л. 9–11).

17 ноября 1928 г. было получено предписание начальника Главнауки М.Н. Лядова с требованием немедленно отстранить от работы С.А. Жебелёва «ввиду полученных Главнаукой сведений о многочисленных выступлениях в белой заграничной прессе в явно антисоветском духе» (Д. 1. Л. 81). Осторожничающий после такого поворота «дела Жебелёва» Н.Я. Марр отправляет в Главнауку письмо с сообщением о том, что в Париже готовится сборник памяти Ф.И. Успенского, в котором предполагаются статьи сотрудников ГАИМК, и запрашивает что делать – отозвать эти статьи или требовать убрать статьи эмигрантов (Д. 2. Л. 44). Можно предположить, что по этой причине парижский сборник так и не увидел свет. В конце того же 1928 г. в переписке с СНК СССР активно обсуждался вопрос о возобновлении деятельности Археологического института в Константинополе.

Осенью 1929 г. обсуждалась возможность экспедиции шведского археолога Т. Арне в Среднюю Азию. Заместитель председателя ГАИМК Ф.В. Кипарисов сообщал в Управление делами СНК о том, что условия, предлагаемые шведским ученым неприемлемы, и можно согласиться только при условиях, чтобы экспедиция была совместной и под руководством советского ученого, все находки оставались бы в СССР, финансирование осуществлялось на паритетных началах. В итоге он писал: «Если такая экспедиция не состоится, ГАИМК жалеть особо не будет, так как рассчитывает, что через пару лет сможет сама ее организовать» (Д. 4. Л. 17). Вероятно, такая позиция ГАИМК и стала основной причиной, по которой эта экспедиция не состоялась.

В мае 1930 г. прошло заседание бюро объединенной партийной организации ГАИМК и Государственного Эрмитажа, на котором Кипарисов доложил, что Н.Я. Марр подал заявление об уходе из Академии. Бюро постановило создать максимально благоприятные условия председателю и принять все меры, чтобы он забрал заявление. Кроме этого было решено фактически запретить коммунистам выступать с любой критикой в адрес Марра (Д. 5. Л. 14).

Очень показателен отчет о расходовании средств директорского фонда в размере 5000 руб., выделенных ГАИМК на 1934 г. Из него следует, что все деньги были потрачены только на членов партии из числа руководства (Д. 13. Л. 38). Немалый интерес представляет составленный 26 июля 1937 г. список сотрудников, оказавшихся врагами народа (Д. 16. Л. 30). Можно только заметить, что этот список, насчитывающий 27 фамилий, был далеко не полным (Тихонов, 2021. С. 63–66).

Некоторые документы, оказавшиеся в делах рассматриваемого фонда, удивляют отсутствием каких-либо секретных сведений в них содержащихся. Так, например, под грифом «строго секретно» представлена выписка из протокола заседания бюро Крымского обкома ВКП(б) от 13 апреля 1936 г. о подготовке пленума ГАИМК, посвященного вопросам истории и археологии Крыма в Симферополе (Д. 15. Л. 22). В другом деле содержится машинописная копия неопубликованной работы А.А. Спицына «Древности лопарей» (Д. 2. Л. 55–69). Эта работа появилась в ответ на запрос Главнауки об исследованиях на территории Северных окраин. Не очень понятно, почему секретными оказались списки сотрудников Таманской экспедиции 1931 г. (Д. 8. Л. 6) или вопрос о распределении аспирантов 1935 г. выпуска (Д. 11. Л. 6). Вероятно, это было связано с

насаждаемой всеобъемлющей секретностью, охватившей все сферы жизни и деятельности в СССР. Например, ГАИМК посылал более двух сотен фотоснимков, сделанных в ходе Керченской экспедиции 1934 г. в Керченское представительство УГБ НКВД СССР для получения разрешения на их использование и публикацию. В ответ некоторые снимки побережья были запрещены к публикации (Д. 12. Л. 5, 62). В связи с системой тотального контроля за оружием начальникам экспедиций приходилось получать разрешение НКВД даже на хранение финского ножа (Д. 13. Л. 99–101).

Как уже отмечалось выше, с начала 1930-х гг. все большое количество документов было посвящено сотрудникам Академии и их политическим убеждениям. В протоколе комиссии по «чистке» от 8 августа 1930 г. значилось, что эта комиссия отстранила от работы в ГАИМК председателя месткома М.А. Тиханову-Клименко за «отсутствие твердой линии по вскрытию недостатков и извращений в ходе чистки» (Д. 9. Л. 2).

В 1931 г. на запрос Публичной библиотеки о возможности трудоустройства медиевиста Е.Ч. Скржинской, исполняющий обязанности председателя С.Н. Быковский отвечал, что она зарекомендовала себя с самой отрицательной стороны в общественно-политическом отношении и привлечение ее к научной и научно-технической работе в советских учреждениях недопустимо (Д. 8. Л. 3).

В 1935 г. П.В. Воронина направляет в НКВД характеристики на большую группу сотрудников, отмечая в первую очередь их общественно-политический настрой по отношению к советской власти: «считать марксистом нельзя <...> отвратительный человек по всем линиям» (о П.П. Ефименко), «большой ценности не представляет, а вред большой» (о С.А. Жебелёве), «монархист <...> антисоветский тип» (о М.В. Фармаковском), «политически чуждый нам человек» (о Д.П. Каллистова), «ученик умершего реакционного археолога А.А. Спицина» (Н.И. Репникове), «политически неблагонадежный» (о А.Н. Карасёве и А.А. Иессене) (Д. 13. Л. 15, 16, 92, 93, 95). Особый интерес представляет сводка разговоров сотрудников ГАИМК в связи с убийством С.М. Кирова, свидетельствующая о том, что члены партийной организации внимательно следили за частными разговорами коллег и фиксировали их. Среди информаторов, сообщавших сведения для этой сводки К.Г. Болтенко, О.О. Крюгер, Н.И. Мягги, С.А. Лотте и другие партийцы (Д. 13. Л. 31–33).

С 1936 г. П.В. Воронина начинает составлять прямые доносы в НКВД о некоторых сотрудниках и аспирантах. О приехавшем из Киева, вероятно, поступать в аспирантуру Б.И. Львова, она сообщает: «Очень подозрительная личность. При входе в кабинет, где проходил экзамен, – странно как-то все насторожились к нему. У меня поднялась внутренняя тревога. Убедена, что это человек нам чужой. Нужно срочно его проверить. Я принимаю меры, чтобы его провалить» (Д. 15. Л. 37). В 1937 г. она писала о сотрудниках Института исторической технологии историке технике В.В. Даниевском – «политически не наш человек» и об архитекторе и реставраторе Н.М. Бачинском – «я лично думаю, он работает врагам на руку» (Д. 13. Л. 96; Д. 16. Л. 4 об.).

16 февраля 1937 г. П.В. Воронина докладывала «о подозрительном поведении» соратника по партии С.А. Майзеля: За время пребывания его в Академии, наблюдая за ним изучая его, невольно складывается впечатление не шпион ли он английский» (Д. 16. Л. 6). Также она сообщала о своих подозрениях насчет закончившего аспирантуру ГАИМК А.Н. Каландадзе, которому покровительствует «бывший активный меньшевик» П.П. Ефименко, а также о семье ранее арестованного курдолога А.Ш. Шамилова, тоже члена партии (Д. 16. Л. 8–8 об.).

Последний документ этого фонда, датированный 5 августа 1937 г., связан с переходом ГАИМК в Академию наук СССР после принятия в этот же день соответствующего постановления Президиума Академии наук.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.А., Застрожнова Е.Г., 2022.* Античные археологи и репрессии в ГАИМК (1934–1936)// Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья. Материалы IV Межд. науч.-практ. конф / Отв. ред. С.Б. Ланцов, Н.В. Куклева. Симферополь: ИТ «Ариадна». С. 63–66.
- Тихонов И.Л., 2021.* О репрессиях в ГАИМК//// Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Межд. науч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. С. 63–66.

А.Н. Ткачёв
(Краснодар)

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОКРОВСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ КУБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Известный кубанский историк, заведующий кафедрой истории СССР Краснодарского педагогического института, первый советский доктор исторических наук на Кубани, Михаил Владимирович Покровский был также одним из первых исследователей археологических памятников Кубани в послереволюционный период. Большинство работ, посвященных научной деятельности М.В. Покровского, обращены к его научным интересам в области социально-экономического развития Кубани XVIII–XIX вв., русско-адыгских связей и истории черноморского казачества. Между тем, огромный пласт его достижений в области археологии остается, практически, вне поля зрения ученых.

Родился Михаил Владимирович 25 августа 1897 г. в станице Ардон Терской области, в семье учителя. Среднее образование получил в 1918 г., окончив Владикавказскую мужскую гимназию. В 1920 г. семья Покровских переехала в Краснодар, где Михаил поступил в Институт народного образования, преобразованный вскоре в Кубанский педагогический институт. В период учебы в пединституте М.В. Покровский стал интересоваться историей и археологией Северо-Западного Кавказа. Началом его работ в археологии следует считать 1924 г., когда в Кубанском педагогическом институте было образовано Литературно-историческое и этнологическое научное общество (ЛИЭТО). В ЛИЭТО была создана секция истории и археологии, секретарем которой был М.В. Покровский. В секции также состояли профессор пединститута Н.А. Захаров, заведующий кафедрой русской истории, декан социально-исторического факультета профессор М.В. Ключков, заведующий Кубано-Черноморским музеем А.Ф. Лещенко. В рамках деятельности ЛИЭТО с 1925 г. стали проводиться планомерные археологические исследования Кубани местными учеными.

В феврале 1927 г. М.В. Покровский организовал историко-археологический кружок в краснодарской школе № 8. Первым этапом работы кружка явились сбор материала, учет и охрана памятников, которые в большом количестве обнаруживались на территории города при земляных работах и обвалах берегов реки Кубани. С этой целью над ближайшими городищами было установлено наблюдение, в особенности, в период разливов Кубани. Такие же «археологические посты» постоянно устанавливались на месте всех крупных земляных работ, проводимых в городе (*Покровский, 1935. С. 161*).

Члены кружка, помимо сборов материала и наблюдений, проводили разъяснительную работу, призывая рабочих бережно относиться к обнаруживаемым памятникам. В числе наиболее крупных работ в период 1927–1928 гг.: открытие городища «Сад Тротнера», городища и могильника станицы Елизаветинской. Одним из первых открытий М.В. Покровского стало обнаружение в карьере кирпичного завода у Пашковской переправы в марте 1927 г. раннесредневекового Пашковского могильника № 1 (*Покровский, 1936. С. 159*).

В 1927 г. на месте строительства Краснодарской электростанции было открыто крупное меотское городище (городище «КРЭС»). По наблюдению за земляными работами на памятнике была образована комиссия, в которую вошли профессор Краснодарского пединститута Н.А. Захаров и школьный учитель М.В. Покровский. Большую помощь в сборе материалов оказали школьники из археологического кружка. Они собрали около 2000 предметов, в основном фрагментов меотской керамики IV в. до н.э. – III в. н.э.

Именно здесь, в кружке, под влиянием учителя истории увлекся археологией Н.В. Анфимов. В восьмом классе Никита Владимирович стал председателем кружка и оставался им до окончания школы. «Мы занимались настоящей археологией, и руководил нами прекрасный учитель истории М.В. Покровский», вспоминал Н.В. Анфимов (Анфимов, 2010. С. 49). В этой же школе, с 1928 по 1933 г. учился и был постоянным членом археологического кружка Петр Алексеевич Дитлер, впоследствии известный археолог.

С 1928 г. силами школьников и студентов пединститута было установлено постоянное наблюдение над городищем и могильником станицы Елизаветинской. В течение нескольких лет, с 1928 по 1934 г., на памятнике проводились сборы и небольшие раскопки, в результате которых в школьном музее появилась богатая коллекция (монеты, амфорные ручки с клеймами, статуэтки и пр.), позволившая сделать выводы о тесных торговых связях городища с греческими колониями в период с IV в. до н.э. по I–II вв. н.э. Исследовательская работа М.В. Покровского в значительной степени повлияла на организацию Институтом антропологии, этнографии и археологии АН СССР экспедиций для раскопок городища и могильника ст. Елизаветинской в 1934 и 1935 гг. под руководством В.А. Городцова, с которым М.В. Покровский вел активную переписку (ГАКК. Р-1548. Оп. 1. Д. 8. Л. 2).

Летом 1929 г. в Краснодаре на ул. Почтовой при проведении земляных работ под строительство жилого дома, получившего у горожан название «стодворка», был вскрыт большой меотский могильник IV в. до н.э. – III в. н.э., известный как «Дубоносковский» могильник (в дальнейшем он получил наименование «Краснодарский могильник на Почтовой улице», под которым он и вошел в науку). Работы на нем вместе с кружковцами, провел М.В. Покровский. К сожалению, большая часть обнаруженных здесь погребений уже была разрушена земляными работами и, тем не менее, удалось описать и зафиксировать 150 погребений (Покровский, 1937. С. 27).

При школе № 8 был создан краеведческий музей, в экспозиции которого находились материалы каменного и раннего железного веков, собранные на кубанских городищах, и находки, характеризующие быт греческих колоний побережья Чёрного и Азовского морей. В 1935 г. состоялась передача материалов школьного музея в Краснодарский пединститут, на базе которого был развернут археологический музей. К 1941 г. музей располагал собранием, включавшим более 15 тысяч предметов. Некоторую часть из них принял Государственный Эрмитаж, настолько интересными и ценными они оказались (ГАКК. Р-1548. Оп. 1. Д. 8. Л. 16). К сожалению, собрание археологического музея было безвозвратно утеряно в период немецкой оккупации.

В 1934 г. М.В. Покровский стал преподавать на историческом факультете Краснодарского пединститута. И с этого времени становится все более заметной смена научных интересов ученого. М.В. Покровский начинает активно разрабатывать вопросы социально-экономического развития адыгских народов и черноморского казачества. Однако еще долгое время он продолжал заниматься одновременно и археологией и проблемами истории России XIX в. Практически ежегодно он проводил обследования или раскопки археологических памятников. Более того, вторая половина 1930-х гг. в археологическом отношении стала для него очень результативной. Летом 1936 г. исследователь провел крупные работы на могильнике № 2 ст. Усть-Лабинской. Этому предшествовали ежегодные, начиная с 1929 г., его выезды вместе со школьниками в станицу Усть-Лабинскую для вскрытия обнажающихся погребений. На небольшие средства

Азово-Черноморского бюро охраны памятников и Краснодарского историко-краеведческого музея М.В. Покровским, при участии Н.В. Анфимова, были проведены раскопки могильника № 2, давшие уникальный материал по меотской культуре Прикубанья.

В 1937 г. М.В. Покровский опубликовал сводную работу «Городища и могильники Среднего Прикубанья», в которой обобщил исследования за период с 1928 по 1937 г. К тому времени было зарегистрировано 66 городищ и 17 могильников. Участок проведенных разведок протяженностью около 300 км охватывал территорию вдоль русла реки Кубани. М.В. Покровский поднимает вопрос о том, что изучение истории Боспорского царства не должно базироваться исключительно на исследовании «столичного материала» руин Фанагории и Пантикапея. По его мнению Прикубанье, игравшее значительную роль в экономической и политической жизни Боспора, должно занять свое достойное место в исследованиях (*Покровский*, 1937. С. 38). В том же году в соавторстве с Н.В. Анфимовым выходит его статья «Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н.э. по III в. н.э.», ставшая своеобразным итогом довоенных работ кубанских археологов по выявлению и изучению бытовых и погребальных памятников меотской культуры (*Покровский, Анфимов*, 1937. С. 265–275).

В период немецкой оккупации Краснодара М.В. Покровский находился в эвакуации в Батуми, где работал заведующим отделом истории краеведческого музея. После освобождения Краснодара, по вызову крайисполкома, М.В. Покровский был направлен в восстанавливаемый педагогический институт. После войны он не оставил археологию, продолжая исследования и осуществляя руководство археологической практикой. Свой последний открытый лист Михаил Владимирович получил в 1946 г. на разведки и раскопки грунтовых могильников у ст. Пашковской, за кожевенными заводами Краснодара, городищ Елизаветинское, Хорольское, на Дубинке, «КРЭС» в г. Краснодаре.

Вклад М.В. Покровского в становление кубанской археологии весьма значителен и на сегодня освещен в научной литературе не в полной мере. Именно М.В. Покровский одним из первых начал изучение меотских городищ и грунтовых могильников, дал их культурно-хронологическую интерпретацию. Благодаря его педагогическому таланту, со школьной скамьи увлеклись археологией и стали его учениками такие известные исследователи древностей Кубани, как Н.В. Анфимов и П.А. Дитлер.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В.*, 2010. Автобиографические записки // Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова / Составители Е.А. Хачатурова, А.В. Пьянков. Краснодар: Перспективы образования. С. 43–71.
- Покровский М.В.*, 1935. Музей Краснодарской школы № 8 // Советское краеведение в Азово-Черноморском крае. № 3. С. 160–162.
- Покровский М.В.*, 1936. Пашковский могильник № 1 // СА. № 1. С. 159–170.
- Покровский М.В.*, 1937. Городища и могильники Среднего Прикубанья // Труды Краснодарского государственного пединститута. Т. 4. Вып.1. С. 3–38.
- Покровский М.В., Анфимов Н.В.*, 1937. Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н.э. по III в. н.э. // СА. № 4. 1937. С. 265–275.

Н.Н. Чемодуров
(Симферополь)

ПРОЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЫМА В ДОВОЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ П.Н. ШУЛЬЦА: ОТ ЗАМЫСЛОВ К РЕЛИЗАЦИИ

В настоящем году отмечается 75-летие первого академического центра изучения археологии Крыма¹². Значительная роль в создании и становлении этого научного учреждения принадлежит отечественному исследователю П.Н. Шульцу (1900–1983). Причины и обстоятельства обращения ученого к проблемам крымской археологии до сих пор точно не выяснены. Ранний период творческой биографии П.Н. Шульца позволяют реконструировать документы научных архивов ИАК и ИИМК РАН. В рабочих рукописях, личных дневниках и переписке П.Н. Шульца отразились сведения о довоенных планах и результатах археологических изысканий в Крыму.

Интерес к античной истории и изобразительному искусству сложился у П.Н. Шульца в период обучения на историко-филологическом факультете Петроградского государственного университета под влиянием О.Ф. Вальдгауэра и Б.В. Фармаковского (НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 1. Д. 8. Л. 7). В аспирантуре ГАИМК П.Н. Шульц сосредоточил внимание на изучении особенностей материальной культуры Ольвии, Херсонеса и Пантикапея: «...меня прежде всего интересовал вопрос взаимоотношений и взаимодействий между импортной завозной и местной туземной культурой» (Там же. Д. 6. Л. 22). В 1930 г. выпускник аспирантуры был оставлен при Академии в должности старшего научного сотрудника Института истории рабовладельческого общества (Там же. Д. 3. Л. 24). В том же году его избрали секретарем Разряда древних культур Причерноморья (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 25. Л. 13). По некоторым сведениям, к этому времени П.Н. Шульц уже успел познакомиться с памятниками прошлого Крыма. Сохранились заметки о Второй конференции археологов СССР в Херсонесе в 1927 г. (НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 4. Д. 10. Л. 2). Факт пребывания исследователя в Крыму подтверждают недавно опубликованные фотографии, сделанные в Пантикапее в 1928 г. (Панкратова, 2018. С. 19).

В августе 1932 г. П.Н. Шульц был командирован в Крым с целью выяснения состояния музейной и памятникоохранной работы. Маршрут поездки предполагал посещение Симферополя, Бахчисарая, Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи (НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 3. Д. 22. Л. 1 об.). Отчетные материалы передают интересные сведения о проектах археологического изучения отдельных памятников и полуострова в целом. В предложениях П.Н. Шульца ощущается комплексность научного подхода. К примеру, ученый усматривал достижение существенных результатов в исследовании древностей тавров только во взаимодействии крымских музеев (Там же. Д. 23. Л. 7 об.). Перспективными для Херсонесского музея П.Н. Шульцу представлялись разведки памятников Гераклеяского полуострова, материалы которых могли пролить свет на вопросы взаимоотношений греческого и таврского населения (Там же. Д. 22. Л. 46). Бахчисарайский музей назван в отчете «основной базой изучения тавров». В тексте сформулирована идея объединения сил учреждения и Эски-Керменской экспедиции ГАИМК для начала раскопок «поселений тавров в Байдарской долине» (Там же. Л. 24).

В Симферополе П.Н. Шульц побывал на городищах Керменчик и Сарайлы-Кият¹³, экскурсию для него проводил Н.Л. Эрнст (Там же. Л. 4). В связи с увиденным, в отчете сделан ряд важных замечаний. В частности, затронуты проблемы генезиса и гибели культуры «скифских городищ», а также ее взаимоотношений с греческим и таврским

¹² История ныне действующего Института археологии Крыма РАН начинается с Постановления Президиума АН СССР за №29/9 от 23 декабря 1947 г. о создании Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. В ее составе в 1948 г. начал работу Сектор истории и археологии (ГАРК. Ф. Р–3383. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

¹³ Ныне известные позднескифские городища Неаполь Скифский и Кермен-Кыр.

населением. (Там же. Д. 23. Л. 2). Решение этих вопросов, по мнению П.Н. Шульца, было возможно в результате: «...углубленного разведочного обследования всего комплекса т. н. “скифских городищ” нагорного Крыма, дополненного раскопкой одного из наиболее показательных городищ. Таким городищем, наиболее удобным для раскопок (сохранность, близость к Симферополю, возможность включения городища в экскурсионный план ОПТЭ) является, как мне представляется Сарайлы-Киятское городище» (Там же. Л. 2 об.).

Не менее важным представлялось П.Н. Шульцу изучение остатков древней Керкинитиды (Там же. Л. 7 об.). Во время пребывания в Евпатории ученый познакомился с результатами наблюдений В.Ф. Штифтара за ходом земляных работ на месте строительства Военно-Курортной станции, а также изучил материалы разведок и раскопок Л.А. Моисеева. Масштаб произведенных работ он посчитал недостаточным (Там же. Д. 22. Л. 33–34, 38). С точки зрения П.Н. Шульца, требовалось объединение усилий не только Евпаторийского и Ак-Мечетского музеев, но и других научных учреждений. Задачей Херсонесского музея представлялось исследование дальней хоры, в частности, участков побережья от р. Альма до Евпатории и далее до Ак-Мечети¹⁴ (Там же. Л. 42). Роль Центрального краеведческого музея виделась П.Н. Шульцу в изучении остатков Керкинитиды и «греко-скифского» городища Кара-Тобе. ГАИМК должна была осуществлять финансирование и научные консультации археологических работ (Там же. Л. 38–39).

Результатом организационной активности П.Н. Шульца стало учреждение Евпаторийской экспедиции ГАИМК в 1933 г. (Вахтина, 2017. С. 37). Планы исследований рассчитывались на три года. Существенную помощь предприятию оказали ГАИМК и Евпаторийский музей, партийные и общественные организации (НА ИАК РАН. Ф. Л–9. Оп. 4. Д. 32. Л. 2). В течение двух полевых сезонов удалось начать раскопки в Евпатории и Кара-Тобе, курганов в окрестностях Сакского озера. Одновременно П.Н. Шульцем предприняты значительные разведочные работы (Там же. Д. 36. Л. 4). Тем не менее, в 1935 г. экспедиция не возобновилась. Формальной причиной явилось отсутствие финансирования (Там же. Л. 49). В действительности, более значимым обстоятельством представляется увольнение П.Н. Шульца из ГАИМК в марте 1935 г. (Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 17).

Документы, подтверждающие намерение продолжить исследования датируются 1936 г. В рукописи «Итоги работ Евпаторийской экспедиции за 1933–1934 гг.» предложена программа обследований берегов Сакского и Донузлавского озер, а также черноморского побережья на участке от Ак-Мечети до Перекопа: «Для этой цели нужен еще один год работы, с охватом всего маршрута, намеченного экспедицией в своем плане трехлетних работ» (Там же. Оп. 3. Д. 36. Л. 50). Полученные результаты П.Н. Шульц собирался привлечь в докторской диссертации на тему «Возникновение Тавро-Скифского государства в Предгорном Крыму» (Там же. Л. 2). Тем не менее, идея осталась лишь в стадии проекта. Новая попытка воплотить задуманное фиксируется в плане научной работы П.Н. Шульца на 1939–1940 гг.: «В течение 1940 г. я начну собирание и предварительную обработку материалов к основной теме 1941 г. “Возникновение скифского государства в Предгорном Крыму”» (Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 51 об.). Но теперь, в связи с выполнением работ планировалось «...начать раскопки городища Сарайлы-Кият силами совместной “Тавро-Скифской” экспедиции ИИМК и Центрального краеведческого музея в сентябре 1940 г.» (Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 52).

К реализации многих творческих начинаний П.Н. Шульц смог вернуться только после окончания войны. Примечательно содержание исследовательских планов на 1945 г. Некоторые позиции в них почти без изменений перенесены из проектов 1930-х гг. Так, в докладной записке составленной П.Н. Шульцем в апреле 1945 г. для заведующего отделом археологических экспедиций и раскопок ГМИИ им. А.С. Пушкина В.Д. Блаватского

¹⁴ Ныне пгт. Черноморское.

представлены планы исследований Тавро-Скифской экспедиции в составе двух отрядов. В задачи Симферопольского отряда включались «раскопки, съемка плана и нивелировка городища Сарайлы-Кият». Силами Евпаторийского отряда предполагалось провести раскопки на городище Кара-Тобе, а также археолого-архитектурные обследования районов Ак-Мечеть – Перекоп, берега оз. Донузлав и территорий от оз. Сакского до р. Альма (НА ИАК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1945. Д. 1. Л. 2–3). На 1946 г. намечались работы Бахчисарайского отряда, связанные с изучением «таврских поселений Байдарской долины» (Там же. Д. 2. Л. 1). Приведенные сведения не оставляют сомнений в преемственности до- и послевоенных исследовательских замыслов П.Н. Шульца, с осуществлением которых связаны яркие страницы деятельности Тавро-Скифской экспедиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Вахтина М.Ю.*, 2017. Об организации археологических исследований в Евпатории и Ак-Мечети (Черноморском) в 1929 и 1933 г. (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Археология Северо-Западного Крыма: Материалы III Межд. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию созданию заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея. Калос Лимен: «Наследие тысячелетий». С. 27–41.
- Панкратова Е.Г.*, 2018. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941). СПб.: ООО «Соло-Рич». 156 с. (Боспорские исследования. Supplementum 18).

В.Ю. Юрочкин, В.В. Майко
(Симферополь)

ШКОЛЫ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ КРЫМА (1948–1953): П.Н. ШУЛЬЦ, В.П. БАБЕНЧИКОВ, П.Н. НАДИНСКИЙ

Накануне 1948 г. в Симферополе была организована Крымская научно-исследовательская база АН СССР (КНИБ), включавшая Сектор истории и археологии (СИА). Он стал первым академическим учреждением археологического профиля на полуострове. Его создание восходит к деятельности Тавро-скифской экспедиции ИИМК и ГМИИ (ТСЭ), начавшейся в 1945 г. под руководством к.и.н. Павла Николаевича Шульца (1900–1983). До войны он трудился в ГАИМК, вел обследования скифских древностей Крыма, затем преподавал в ЛИЖСА. После ранения переехал в Москву, работал в ИИМК им. Н.Я. Марра, руководил античным сектором ГМИИ. В 1948 г. – возглавил СИА.

Первыми сотрудниками группы археологии были: Владимир Петрович Бабенчиков (1885–1974), начавший краеведческую деятельность в Севастополе в 1920-е гг., а после войны служивший в ЦКМК в Симферополе; Олег Иванович Домбровский (1914–1994) – коренной крымчанин, учившийся в ЛИЖСА; к.и.н. Евгений Владимирович Веймарн – севастополец, окончивший МГУ и служивший в ГИМ; к.и.н. Элла Исааковна Соломоник (1917–2005) – специалист по греческому и латинскому языкам, после защиты диссертации в ЛГУ распределенная в Симферополь; Михаил Антонович Фронджуло (1914–1998), демобилизованный с флота и др. Группу истории возглавил Павел Наумович Надинский (1894–1961) – бывший крымский партработник, по инвалидности специализировавшийся в лекционно-просветительской деятельности.

Изначально ТСЭ планировалась исключительно как научная экспедиция с целью сбора экспонатов для ГМИИ. Но к 1948 г. основной задачей СИА стало изучение Крыма как неотъемлемого звена русской истории. В связи с ростом патриотизма в обществе после войны актуализировался интерес к «готскому» и «славянскому» вопросам. Первый – приобрел негативную окраску в связи с попытками германских нацистов использовать его для доказательств прав на полуостров (Юрочкин, 2017. С. 327–344). Второй – знаменовал возвращение к этно-генетической теории XIX в. о происхождении славян от

скифов (*Юрочкин*, 2021. С. 179–189). Ситуацию усложнило перемещение с полуострова крымско-татарского населения и заселение его выходцами (преимущественно славянами) из материковых регионов СССР. В этой среде требовалась популяризация знаний об истории края, привитие уважения к памятникам прошлого.

В гуманитарных науках тех лет господствовало так называемое «учение Н.Я. Марра», не столько как теоритическая база, сколько необходимый атрибут научной лояльности. Оно и стало основой для утверждения непрерывности развития автохтонных народов, в том числе и в Крыму.

В довоенный период на полуострове исследовались преимущественно памятники античной и византийской культур, заведомо привнесенные. Но отношение к ним в СССР было неоднозначным. Изучались и памятники скифов, но через призму греко-римской культуры. Местное население было исследовано слабо. Оно воспринималось как общество с низким уровнем развития и не слишком интересовало ученых прошлого.

При этом в материальной культуре отмечались интересные факты: находки керамики на плато Тепсень (Коктебель), напоминавшей древнерусскую; посуда черняховского типа в Инкерманской долине (близ Севастополя); в раннесредневековых могильниках, прежде атрибутированных как готские – фибулы и другие украшения, сходные с приднепровскими. В нарративных источниках содержалась информация о Тмутараканском княжестве, походах русов на Сурож и т.п. Следовательно, при малой изученности, повод к поискам славянских древностей среди местных памятников действительно был.

П.Н. Шульц, поддерживая общую тенденцию о скифо-славянском единстве, негативно относился к декларативному подходу, настаивая на поиске объективных данных.

Действительно, при раскопках могильников III–IV вв. в Инкерманской долине (Е.В. Веймарн, В.П. Бабенчиков) была обнаружена керамика черняховского типа и кремации, принятые за славянские. Начались раскопки большого поселения на плато Тепсень (В.П. Бабенчиков).

«Готский вопрос» был решен декларативно. В 1946–1947 гг. Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947) провел раскопки могильника V–IX вв. у подножия крепости Чуфут-Кале (Крык-Ор), действительно являвшейся в XIV в. столицей Крымской Алании. С точки зрения автохтонных позиций разрыв в половину тысячелетия не смущал. В результате все аналогичные памятники были объявлены аланскими. Но речь шла не о мигрантах с Северного Кавказа, а об аланах – стадияльных предках гипотетических славян Таврики. Эту версию в 1948 г. поддержал его брат – В.П. Бабенчиков, а затем – Е.В. Веймарн. Для В.П. Бабенчикова «аланский вопрос» имел важное значение, поскольку скоро стало очевидным, что керамика из Тепсеня, имеет отношение не к древнерусской посуде, а к керамике салтово-маяцкой культуры. А в ее происхождении столичные археологи решающую роль отводили аланам (*Юрочкин, Майко*, 2017 С. 157–131).

П.Н. Надинский, хотя и работал в тесном тандеме с П.Н. Шульцем, не являлся профессиональным археологом. При этом он был хорошо знаком с позициями коллег СИА (с 1950 г. – ОИА КФ АН СССР), выступавших с позиций «марризма». Он действовал как популяризатор науки, критиковавший исторические построения прошлых лет, и адресовал свои высказывания широкой читательской аудитории, прежде всего, переселенцам. Первый том его «Очерков по истории Крыма» был создан в кратчайшие сроки (*Надинский*, 1951). Главная идея книги: «Крым – исконно русская земля».

После 1950 г. в связи с критикой И.В. Сталиным учения Н.Я. Марра и изданием книги П.Н. Надинского, наметилось явное несоответствие позиций крымских археологов и общей научной политики в стране. Е.В. Веймарн и С.Ф. Стржелецкий (оба в прошлом воспитанники В.П. Бабенчикова) предложили альтернативное решение «славянского вопроса», но уже с позиций миграционизма, допуская переселение славян в Крым в III в. (*Веймарн, Стржелецкий*, 1952).

Кульминацией событий стала Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма

(далее – Сессия 1952 г.) под руководством столичных историков и археологов (Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова и др.). П.Н. Шульц и П.Н. Надинский отказались от версии происхождения в Крыму славян от скифов. Сессия 1952 г. приняла ряд компромиссных решений, обосновывавших позиции в отношении «славянского» и «готского» вопросов, признав верным миграционный подход в поисках славянских древностей. Актуальность этих проблем постепенно снижалась после перехода Крыма в состав УССР. Решения Сессии 1952 г. в значительной мере определили позиции археологии Крыма фактически до распада СССР.

Общей тенденцией в крымской академической археологии тех лет, являлось обращение к древностям преимущественно местного населения, с их обязательной этнической атрибуцией. Рубежным этапом стала общая для науки в СССР борьба с «марризмом», начиная с 1950 г. и завершившаяся Сессией 1952 г.

Документальные материалы, хранящиеся в архиве ИАК РАН, позволяют сделать вывод: в период становления академической археологии Крыма сформировались два направления – две школы: П.Н. Шульца и В.П. Бабенчикова. При этом они не противостояли, но разнились в подходах к проблемам, в частности к «славянскому вопросу».

Школа П.Н. Шульца (Э.И. Соломоник, О.И. Домбровский) восходила к традициям московских и ленинградских археологов. Для нее показателен, скорее, индуктивный метод познания. В его основе – накопление фактов путем полевых исследований памятников. Гибкость в их атрибуции, особенно после Сессии 1952 г.

Школу В.П. Бабенчикова характеризует, скорее, краеведческо-музейный, дедуктивный подход к проблемам, особенно в решении «славянского» и «готского вопроса». Результаты исследований памятников воспринимались, скорее, как подтверждение уже сформировавшихся представлений. Отличается некоторой декларативностью (автохтонизм, аланская атрибуция раннесредневековых могильников, «славянский» Тепсень). Однако после 1950 г. именно с представителями этой школы (Е.В. Веймарн, С.Ф. Стржелецкий) связано возвращение в методологию крымских археологов миграционизма, поддержанного на Сессии 1952 г. После этих событий В.П. Бабенчиков и Е.В. Веймарн примкнули к школе П.Н. Шульца, развивавшейся в Крыму и в последующие годы. Продолжателем школы в последующие годы можно считать М.А. Фронджуло, осуществлявшего затем исследования Тепсенья и памятников Восточного Крыма.

Разделы, посвященные крымским древностям, в книге П.Н. Надинского не являлись самостоятельным исследованием. Они лишь в популярной форме излагали основные тенденции в среде крымских археологов, обусловленные господствовавшим до 1950 г. «учением Н.Я. Марра». И хотя автору после Сессии 1952 г. была присуждена кандидатская степень, положения книги утратили свою актуальность, а П.Н. Надинский сконцентрировался на изучении исторических вопросов нового и новейшего времени и своей особой школы в области археологии не создал.

ЛИТЕРАТУРА

- Веймарн Е.В., Стржелецкий С.Ф., 1952. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. № 4. С. 94–99.
 Надинский П.Н., 1951. Очерки по истории Крыма. Часть I. Симферополь: Крымиздат, 231 с.
 Юрочкин В.Ю., 2017. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2017. 496 с.
 Юрочкин В.Ю., 2021. «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983 гг.) // РА. № 4. С.179–189.
 Юрочкин В.Ю., Майко В.В., 2017. Готы, скифы, славяне: этнические культбиты крымской археологии послевоенной эпохи (глава 8) // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб., С. 157–231.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алкин Сергей Владимирович – к.и.н., с.н.с., Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.

Белозёрова Ирина Валентиновна – с.н.с. отдела письменных источников, Государственный исторический музей, г. Москва.

Бессуднов Александр Николаевич – к.и.н., доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова–Тян-Шанского, г. Липецк.

Вайтович Александра Владимировна – к.и.н., доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, Белорусский государственный университет, г. Минск (Республика Беларусь).

Вдовин Александр Сергеевич – к.и.н., н.с., Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск.

Галкин Тимур Олегович – к.и.н., г.н.с., Музей-заповедник «Зарайский кремль», г. Зарайск.

Детлова Екатерина Владимировна – с.н.с., Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск.

Жукова Елена Николаевна – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Тверской государственный университет, г. Тверь.

Застрожнова Евгения Григорьевна – к.и.н., зав. отделом комплектования, обработки фондов и ведомственных архивов, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург.

Захарова Елена Юрьевна – д.и.н., профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж.

Исланова Инна Васильевна – д.и.н., в.н.с. отдел археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья, Институт археологии РАН, г. Москва.

Канторович Анатолий Робертович – д.и.н., зав. кафедрой археологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

Каргин Юрий Юрьевич – к.и.н., независимый исследователь, г. Балаково.

Киреев Сергей Михайлович – с.н.с., Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, г. Горно-Алтайск.

Китова Людмила Юрьевна – д.и.н., профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово.

Коробов Дмитрий Сергеевич – д.и.н., проф., зав. отделом теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва.

Кошман Вадим Иванович – к.и.н., в.н.с. отдела археологии Средних веков и Нового времени Института истории НАН Беларуси, г. Минск (Республика Беларусь).

Кузьминых Сергей Владимирович – к.и.н., в.н.с. Лаборатории естественнонаучных исследований, Институт археологии РАН, г. Москва.

Куликов Алексей Владиславович – н.с. отдела античной истории, Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь.

Майко Вадим Владиславович – д.и.н., директор Института археологии Крыма РАН, г. Симферополь.

Макаров Николай Поликарпович – к.и.н., зав. Отделом археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск.

Малов Николай Михайлович – к.и.н., доцент кафедры истории и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, г. Саратов.

Медведева Мария Владимировна – к.и.н., с.н.с., зав. Научным архивом, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

Мельникова Ольга Михайловна – д.и.н., зав. кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск.

Молодин Вячеслав Иванович – академик РАН, д.и.н., профессор, г.н.с., советник директора, зав. отделом археологии палеометалла, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.

Руденко Константин Александрович – д.и.н., профессор кафедры истории, музееведения и искусствоведения, Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань.

Савенко Сергей Николаевич – к.и.н., заслуженный работник культуры РФ, зав. сектором природы и археологии, Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск.

Сафонов Илья Евгеньевич – к.и.н., в.н.с., ООО Археологический парк «Аргамач», г. Воронеж.

Сорокина Ирина Анатольевна – к.и.н., с.н.с. отдела теории и методики, Институт археологии РАН, г. Москва.

Тихонов Игорь Львович – д.и.н., профессор кафедры археологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Ткачѳв Алексей Николаевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Чемодуров Николай Николаевич – м.н.с., заведующий Научным архивом, Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь.

Шутелева Ия Александровна – к.и.н., доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Щербаков Николай Борисович – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Юрочкин Владислав Юрьевич – к.и.н., с.н.с. Института археологии Крыма РАН, г. Симферополь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДМВФ	– Археологический департамент Музейного ведомства Финляндии
АН СССР	– Академия наук СССР
АКМ	– Астраханский краеведческий музей
АНВО	– Археологическое наследие Волгоградской области
АЭВО	– Археологическая энциклопедия Волгоградской области
БАН	– Белорусская академия наук
БГУ	– Белорусский государственный университет
БССР	– Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВГПИ	– Волгоградский государственный педагогический институт им. А.С. Серафимовича
ВГСПУ	– Волгоградский государственный социально-педагогический университет им. А.С. Серафимовича
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВИ	– Вопросы истории
ВДИ	– Вестник древней истории
ВОКМ	– Волгоградский областной краеведческий музей
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет
ВСОРГО	– Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ВУАК	– Воронежская ученая архивная комиссия
ВЦИАК	– Воронежский церковный историко-археологический комитет
ГАВО	– Государственный архив Волгоградской области
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАИ	– Германский археологический институт
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра
ГАКК	– Государственный архив Краснодарского края
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАРК	– Государственный архив Республики Крым
ГАТО	– Государственный архив Тверской области
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГОНО	– Городской отдел народного образования
ГЭС	– Гидроэлектростанция
ДВАЭ	– Дальневосточная археологическая экспедиция
ДВДС	– Древности Волго-Донских степей
ДВР	– Дальне-Восточная республика
ДВФУ	– Дальневосточный федеральный университет
ИА АН СССР	– Институт археологии СССР
ИАИ	– Институт археологии и искусствоведения РАНИОН
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИАК РАН	– Институт археологии Крыма РАН
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН

ИИЕТ	– Институт истории естествознания и техники
ИИМК АН СССР	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИИМК	– Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР
ИКП	– Институт красной профессуры
Инбелкульт	– Институт белорусской культуры
ИрГУ	– Иркутский государственный университет
ИЯМ	– Институт языка и мышления
КазГУ	– Казанский государственный университет
КАЭ	– Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КВЖД	– Китайско-Восточная железная дорога
КГПИ	– Калининский государственный педагогический институт
КГПУ	– Красноярский государственный педагогический университет
КНР	– Китайская Народная Республика
КНИБ	– Крымская научно-исследовательская база АН СССР
КрымОХРИС	– Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства, природы и народного быта
КРЭС	– Краснодарская районная электростанция
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры академии наук КФ АН СССР – Крымский филиал АН СССР
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛИЖСА	– Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры
ЛИФЛИ	– Ленинградский институт философии, лингвистики, истории
ЛИЭТО	– Литературно-историческое и этнологическое общество
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛОИИМК АН СССР	– Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОКА	– Ленинградского отделение Коммунистической академии
МАИ	– Московский археологический институт
МАО	– Московское археологическое общество
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МГПИ	– Московский государственный педагогический институт
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИФЛИ	– Московский институт философии, литературы и истории
МОГАИМК	– Московское отделение ГАИМК
МОИИМК	– Московское отделение Института истории материальной культуры
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник
НА ИА РАН	– Научный архив Института археологии РАН
НА ИАК РАН	– Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук
НАРБ	– Национальный архив Республики Беларусь
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел

НКП	– Народный комиссариат просвещения
НМРА	– Национальный музей Республики Алтай им. А.А. Анохина
ОИА	– Отдел истории и археологии
ОблДЭТС	– Областная детская экскурсионно-туристская станция
ОИМК	– Общество изучения Маньчжурского края
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОПТЭ	– Общество пролетарского туризма и экскурсий
ОРАКУ	– Отдел рукописей архивов Кембриджского университета
ПГУ	– Пермский государственный университет
ПК	– Поволжский край
РА	– Российская археология
РАИМК	– Российская академия истории материальной культуры
РАК	– Российская археологическая комиссия
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАК	– Российская государственная археологическая комиссия
РИМ	– Российский Исторический музей
РГО	– Русское географическое общество
РОНБФ	– Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии
РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук
СА	– Советская археология
СИА	– Сектор истории и археологии
СГПИ	– Сталинградский государственный педагогический университет
СГУ	– Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет
СОГУ	– Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
СОКМ	– Сталинградский областной краеведческий музей
СОМК	– Саратовский областной музей краеведения
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия
СФУ	– Сибирский федеральный университет
ТСЭ	– Тавро-скифская экспедиция
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ФОН МГУ	– Факультет общественных наук Московского государственного университета
ФТИ	– Физико-технический институт
ХИФО	– Харьковское историко-филологическое общество при Харьковском университете
ЦКМК	– Центральный краеведческий музей Крыма
ЦНА НАНБ	– Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси
ЦНБ НАНБ	– Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. Отдел редких книг и рукописей

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**У ИСТОКОВ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ
(1918–1950)**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Дизайн и верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано в печать 16.03.2022. Формат 60 × 90 1/8

Уч.-изд.л. 7,0. Тираж 300 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-400-5

На обложке использован плакат художника А.И. Лаврова, 1951 г.